63.3(2А)
~~9(С18)~~
Ш65

А. Шихлинский

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ
ПРЕЗИДИУМА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ССРИ ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЯСЫНЫН АЗӘРБАЙЧАН ФИЛИАЛЫ

ӘЛИАҒА ШЕЙХЛИНСКИ

ХАТИРӘЛӘРИМ

МҮГӘДДӘМӘ
Сталин мүкафаты лауреаты
һәрби елмләр доктору
проф.
Е. З. БАРСУКОВУНДУР

ЕАА ЗФ НӘШРИЙЯТЫ
Баки 1944

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ш. 65

АЛИ АГА
ШИХЛИНСКИЙ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
лауреата Сталинской премии
доктора военных наук
проф.
Е. З. БАРСУКОВА

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər İdarəsinin
KİTABXANASI
1981

21597н
~~3315~~
1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
Баку 1944

Али Ага Шихлинский
1863 — 1943

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генерал-лейтенант русской армии Али Ага Шихлинский,—имя автора этих интересных „Воспоминаний“ пользовалось неизменными симпатиями и авторитетом, было чрезвычайно популярным и хорошо известным не только всем русским артиллеристам, но и в широких кругах русской армии. Его знали участники войн—русско-японской 1904—05 г.г., мировой 1914—18 г.г., в особенности участники эпопеи Порт-Артура, прославленным героем которой был сам Али Ага.

Имя это очень мне близко и дорого, как единственно, оставшемуся из старых русских артиллеристов, сослуживцу Али Ага, всегда искренно его уважавшему и любившему. С ним мы дружно работали в 1906—1917 г.г. в бывшей Офицерской артиллерийской школе и при генерал-инспекторе артиллерии.

А. А. Шихлинский был наиболее ярким представителем плеяды тех русских артиллеристов, которые всегда искренно и горячо стремились быть полезными родной своей артиллерии, и всего себя, все свои знания и силы вкладывали в дело ее развития, усовершенствования боевой подготовки и боевой деятельности. Али Ага с самым серьезным вниманием зорко следил за достижениями в области тактики и техники артиллерии, чтобы не только не отставать от современных достижений в артиллерийском деле, но и заглядывать в будущее—быть всегда впереди. Желание быть впереди сохранилось у него до последних дней жизни. Али Ага в своих „Воспоминаниях“, продиктованных перед смертью, говорит: „И теперь, если бы не моя физическая немощь—ослабление слуха, зрения, слабость сердца, которые приводят к быстрому утомлению, мой мозг в таком состоянии, что я мог бы работать под девизом—Вперед! Всегда вперед!“

Природа щедро наградила Али Ага огромным умом, исключительными выдающимися способностями и талантом военного искусства, мужеством и благородством характера, необычайно кипучей энергией, полной страстного порыва к деятельности, полезной для обороны отечества.

Считаю своим долгом свидетельствовать, что действительно пройденный Али Ага путь—яркий путь. Несмотря на то, что он, как сам выражался: „закинулся, как норовистая лошадь“ и не получил высшего военного академического образования, он нашел „и без академии свое место в жизни.“ Среди старых русских артиллеристов, в жизни русской армии он занимал одно из самых высоких мест.

Горячая преданность и любовь к военному делу, самоотверженная работа, глубокие знания артиллерии, творчество в области военного искусства, все это позволило А. А. Шихлинскому быстро продвигаться вперед по службе и занимать выдающееся место среди командного руководства артиллерии старой русской армии. Али Ага был ответственным руководителем строевой подготовки и доблестным командиром в артиллерии. Воспитанные им, последовавшие его примеру русские артиллеристы в борьбе с австро-германскими войсками в 1914—17 г.г. показали образцы непревзойденного артиллерийского мастерства, беззаветной отваги и мужества.

Али Ага Шихлинского не стало, его нет в рядах доблестной артиллерии нашей Красной Армии, но все содеянное им осталось в боевых традициях русской армии, продолжает жить и будет жить. Лучшие из этих традиций полностью восприняты нашими славными советскими артиллеристами, и они, верные им, вдохновляемые подвигами русской артиллерии в прошлом,—и в дни Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими варварами беспощадно уничтожают врага, своим огнем оказывая мощное содействие доблестной Красной Армии отстоять честь и независимость своей Родины.

„Мои воспоминания“ Али Ага Шихлинского заключают в себе краткое предисловие автора и 7 глав с несколькими заключительными строками: 1) Семья и школа; 2) Первые тринадцать лет офицерской службы; 3) Служба на Дальнем Востоке и Китайский поход;

4) Участие в русско-японской войне; 5) От японской войны до первой мировой войны; 6) Участие в мировой войне; 7) Служба в Азербайджане.

Али Ага Шихлинский происходил из древнего героического рода, ведущего свое начало с 1537 г. Он родился в семье малоземельного помещика Исмаил Ага Али Казак-оглу Шихлинского, первого грамотного человека среди младшей линии Шихлинских, отличавшейся воинскими доблестями, горячим темпераментом и „не признававшей грамоты". А. А. Шихлинский унаследовал воинскую доблесть и темперамент, проявляемые в служебной и боевой деятельности, но он был первым во всем своем роде, получившим законченное общее европейское и специальное артиллерийское среднее образование. В дальнейшем он стремился самостоятельно развивать и совершенствовать эти знания в течение всей своей сознательной долгой жизни. Он родился в 1863 г. и прожил 80 лет.

Али Ага с первых шагов поступления в гимназию в Тифлисе проявил выдающиеся успехи в науках, пройдя в течение 7 месяцев курс за 2 года, являясь первым учеником и сохранив первенство до окончания в 1883 г. военной гимназии (кадетского корпуса), в которую поступил в 1876 г. В Михайловском артиллерийском училище в Петербурге Али Ага по успехам в науках шел отличником, в первой тройке, и обратил на себя внимание как выдающийся наездник и физкультурник. В училище Али Ага посчастливилось быть слушателем знаменитых профессоров того времени — механика Кирпичева, технолога Гадолина, баллистика Маевского, химика Федорова, физика Усова и других, благодаря которым он овладел глубокими знаниями. Курс теории вероятности, для применения ее в артиллерийской стрельбе, Али Ага изучил самостоятельно по запискам известного профессора Н. А. Забудского с тем, чтобы не было пробела в его артиллерийском образовании. Для повышения общего военного уровня он слушал лекции, читаемые в Академии генерального штаба и Военно-инженерной академии профессорами Куропаткиным, Драгомировым, Кюи о действиях отрядов ген. Скобелева в русско-турецкую войну, о принятии на вооружение русской артиллери-

6-дм полевой мортиры, о численности гарнизона крепости и т. п.

Али Ага окончил артиллерийское училище в 1886 г. с премиями за успехи в науках и за отличную состязательную стрельбу из орудий и был произведен в подпоручики с назначением на службу в 39-ю артиллерийскую бригаду, расположенную на Кавказе.

„Мои воспоминания" Али Ага о службе офицером и генералом русской артиллерии, в особенности как участника войн русско-японской и мировой, не только представляют большой интерес для широких кругов читателей Советского Союза, особенно земляков автора—азербайджанцев, по праву гордящихся своим Али Ага Шихлинским, но и весьма поучительны для всех офицеров и генералов Красной Армии, в первую очередь для артиллеристов.

Славный путь службы Али Ага в артиллерии должен служить примером для артиллеристов и всех военнослужащих Красной Армии; внимательное ознакомление с тем, как складывался этот путь, весьма полезно в воспитательном отношении.

Воспоминания о порт-артурской эпопее переполняют чувством гордости за героизм и храбрость защитников крепости, среди которых в первой тройке стоял автор воспоминаний (Кондратенко, Шихлинский, Гобято). Поведение Али Ага, как защитника Порт-Артура, должно служить образцом священного исполнения долга для каждого, призванного защищать честь и свободу своего отечества. Тяжело раненый Али Ага по долгу воина покидает строй лишь после передачи пришедшему к нему на смену подпоручику Михайлову подробных указаний,—какое орудие по какой цели стреляет, где у каждого орудия искусственная точка прицеливания, какова установка угломера и пр. Он шутит с солдатами, переходя под уничтожающим неприятельским огнем от орудия к орудию, чтобы подбодрить и поднять их настроение, подавленное вследствие больших потерь от японских снарядов, ружейных и пулеметных пуль, сыпавшихся на них „как горох", в то время, как отвечать на огонь неприятельской артиллерии невозможно было за недостатком патронов. Он переживал „уныние", доходившее до „оцепенения", вследствие решения

Стесселя сдать Порт-Артур японцам. Али Ага отказался выдать японцам подписку в том, что не будет принимать участия в войне с ними, если ему разрешат возвратиться на родину, и затем он стремился вновь быть назначенным в действующую манчжурскую армию, чтобы опять воевать с японцами.

По окончании войны с Японией Али Ага был командирован для прохождения курса офицерской артиллерийской школы стрельбы и, как значится в его послужном списке, окончил ее „отлично и за успехи награжден монаршим благоволением", хотя по болезни пропустил два учебных месяца. Как выдающийся опытный строевой и боевой артиллерист, обладавший обширными знаниями военного дела, Али Ага был в течение ряда лет руководителем, а два года перед откомандированием на фронт мировой войны (в 1915 г.) помощником начальника Офицерской артиллерийской школы. Надо учесть, что по закону на эти должности назначались только штаб-офицеры (подполковники и полковники), окончившие артиллерийскую академию и прокомандовавшие не менее года батареей, тогда как Али Ага академию не проходил и батареей не командовал. В течение 1905—1914 г.г. генерал-инспектор артиллерии ежегодно командировал меня в Офицерскую артиллерийскую школу для преподавания тактики и для руководства групповыми практическими стрельбами в тактическом отношении, и потому я хорошо знаю и могу засвидетельствовать, что Али Ага Шихлинский был самым выдающимся, талантливейшим из всех штатных руководителей школы, получивших высшее академическое артиллерийское образование.

Али Ага за свои заслуги был произведен в 1912 г. в генерал-майоры, через 4 года после производства в полковники, в из'ятие из установленных правил, согласно которым обычно срок пребывания в чине полковника был 10 лет и, лишь в очень редких случаях, большей частью по протекции, выдающихся полковников производили в генералы через 6—8 лет.

В самом начале мировой войны, в августе 1914 г., А. А. Шихлинский был назначен начальником артиллерийской обороны Петрограда, на случай высадки десанта немцев на Балтийском побережье для атаки столицы. По предложению Али Ага я, в качестве доброволь-

консультанта, сопровождал его во время рекогносцировки намеченной линии обороны. Его же командировали тогда в Финляндию для рекогносцировки новой линии сухопутной обороны крепости Свеаборга. Обе эти ответственные задачи Али Ага, благодаря его знаниям и неутомимой энергии, выполнил в весьма короткий срок, причем по его инициативе была организована вокруг столицы противосамолетная оборона с установкой снятых с вооружения артиллерии 3-дм пушек образца 1900 г. на особого типа платформах системы Розенберга.

В январе 1915 г. Али Ага был вызван в штаб Северо-Западного фронта для руководства боевой подготовкой личного состава тяжелой артиллерии. С тех пор до окончания мировой войны он находился на ответственных постах в артиллерии действующей армии: генерала для поручений по артиллерийской части при главнокомандующем Северо-Западного фронта и с ноября 1915 г. при верховном главнокомандующем, которым в то время был царь, в качестве инспектора артиллерии Западного фронта. В сентябре 1917 г. Али Ага получил назначение командующего 10-й армией, т. е. признан был способным и достойным к занятию высокой должности не только в артиллерии, но и по линии общевойскового высшего командования.

Занимая должность генерала для поручений по артиллерийской части при верховном главнокомандующем, Али Ага выполнил немало ответственных заданий начальника штаба главковерха генерала М. В. Алексеева, в том числе по формированию тяжелой артиллерии из крепостных орудий устаревших систем, начатому по инициативе А. А. Шиканского. Но, в большей части, он выполнял, по личному его желанию, задания полевого генерал-инспектора артиллерии, начальником управления которого был я. Работали мы с Али Ага дружно, много и весьма интенсивно, главным образом по вопросам боевого использования артиллерии. Но как строевой и бывалый боевой человек Али Ага всегда стремился быть непосредственно вместе с войсками на передовых линиях подготавливать и руководить боевыми действиями артиллерии. Немало он работал по составлению разных указаний, инструкций, таблиц и пр. (инструкция для действия батарей 6-дм пушек обр. 1910 г.; указания об орга-

низации взаимодействия артиллерии с соседними войсковыми частями для обороны стыков между ними; инструкция для ведения заградительного огня; таблицы числовых данных орудий и пр.). Он организовал школу обучения взаимодействию артиллеристов и летчиков. Принимая непосредственное руководящее участие в разработке артиллерийской части операций по прорыву германских позиций у Крево в 1916 г., июльской операции 1917 г. на фронте 10-й армии Западного фронта и пр., Али Ага Шихлинский всегда был на передовых позициях, здесь проверял расположение артиллерийских частей, руководил боевыми действиями артиллерии.

Посещение окопов, наполненных водой, хождение по сырым местам вызвали у Али Ага сильные подагрические боли. Он заболел и просил уволить его в резерв на Кавказ для лечения болезни. „В данных обстоятельствах", писал Али Ага, „я не могу исполнять обязанности службы по совести, а совесть требует моего постоянного пребывания на фронте среди солдат." Он выехал на Кавказ, а зачисление его в резерв состоялось 2 (15) декабря.

После революции Али Ага безоговорочно перешел на сторону восставшего народа. Мы с ним во многом были солидарны; думаю, что не ошибусь, если скажу, что основной идеей гражданского долга у Али Ага, которой он, как и я, руководствовался, признавая Советскую власть, было убеждение: „Всегда честно служил и буду служить своему народу, из которого вышел, и тому правительству, какое мой народ над собою поставил."

Али Ага Шихлинский, всем существом любивший, до самозабвения преданный своему азербайджанскому народу, из которого он вышел, был вместе с тем горячим патриотом всей России и всей Советской Страны. Он всегда был совершенно свободен от националистических предрассудков и относился к своим товарищам и сослуживцам — солдатам и офицерам одинаково, независимо от их национальности и религиозных убеждений. Он вспоминает, как отстаивал русских сектантов и евреев, которых царское правительство предполагало обложить денежным налогом вместо призыва на военную службу, считая их неподходящими для службы в рядах армии.

Али Ага был требовательным и строгим начальником, но вместе с тем справедливым, доброжелательным, входящим в нужды подчиненных. Они его уважали и любили. Я не знал ни одного из наших товарищей и подчиненных А. А. Шихлинского, кто бы отзывался о нем плохо. Между ним и солдатами не было „глухой стены". Он никогда не унижал их человеческого достоинства, не позволял этого никому из офицеров, обращался к солдатам с открытым добрым сердцем, и от многих из них получал благодарственные письма с родины, когда они уходили со службы. В бою он был для них примером доблести и геройства, умел ободрить и поднять их настроение в самых тяжелых условиях.

В частной жизни Али Ага был беззаветно любящим и верным мужем, кутежи и азартные игры отталкивал, никогда ничего не пил спиртного, в карты или другие игры на деньги не играл, был очень радушным хозяином и хлебосолом, часто угощал товарищей чрезвычайно вкусным пловом, лично им изготовленным.

Али Ага никогда не гнался за карьерой, никакой протекции не имел, никаких интриг для своего продвижения по службе не вел, и если карьера шла к нему навстречу и он занимал высокое служебное положение в артиллерии старой армии, то этим он обязан всецело самому себе.

„Я оглядываюсь на свое прошлое",—говорит Али Ага в своих „Воспоминаниях",—„со спокойной совестью и смело смотрю в глаза своим современникам". Так это и было в действительности.

После Октябрьской революции, с 1918 г. до последних дней жизни, Али Ага Шихлинский работал, поскольку позволяло ему подорванное здоровье, на своей родине в Азербайджане. В 1920—1922 г.г. он временно находился в Москве в Управлении инспектора артиллерии Красной Армии и в составе Уставной артиллерийской комиссии, а также преподавал в Высшей артиллерийской школе—в отделе высшего комсостава до инспекторов артиллерии армии включительно. В этот период, почти четверть века, Али Ага немало принес пользы в развитии и образовании военных кадров Красной Армии вообще и артиллеристов в особенности. Он делал много докладов по разным

военным вопросам, преимущественно артиллерийским. Особенно интересные доклады сделаны были Али Ага в Военно-научном обществе бакинского гарнизона, заместителем председателя которого он был.

Большой интерес для артиллеристов представляет доклад Али Ага, сделанный им в 1924 г. для артиллерии Степинской дивизии „Об особенностях стрельбы артиллерии в гористой местности". Все эти доклады полезны для артиллеристов Красной Армии.

Али Ага Шихлинский был одним из немногих русских артиллеристов, обладавших глубокими теоретическими и практическими знаниями в области тактики и обладал редким талантом в искусстве применения этих знаний на практике, в особенности боевой. В этом смысле он был самым верным моим единомышленником, и ему именно русская артиллерия очень обязана своими искусными боевыми действиями на полях сражений.

А. А. Шихлинский пред'являл к своим слушателям в школе требования знаний тактики, развивая в них искусство применения ее на практике, всегда резко подчеркивая не только связь, но и полную зависимость артиллерийской стрельбы от тактики, подчеркивая, что стрельба артиллерии является исполнением задачи, поставленной ей тактикой, и что от правильного решения этой задачи артиллерией зависит смысл стрельбы и боевой успех войск. По этому поводу Али Ага говорил так: „Стрельба артиллерии, как бы точно она ни производилась, не имеет никакой цены, если она не обусловлена тактическим положением данного этапа боя". Он требовал „наступления артиллерии вместе с пехотой или за нею" и „возможно раннего выезда вперед" старшего общевойскового начальника, а не тогда, когда получатся первые сведения о столкновении передовых войсковых частей. По этому вопросу он диктовал в своих „Воспоминаниях", между прочим, следующее: „Сам я лично выезжал, как только завязывалась перестрелка пехоты с заставой противника, и мой старый приятель, ныне доктор военных наук, профессор Евгений Захарович Барсуков всегда упрекал меня за слишком большую прыткость." Насколько помню, я не „всегда", а изредка предостерегал Али Ага от некоторой излишней, по моему мнению, горячности, от неизменного его страстного по

рыта „вперед! всегда вперед!“ А если однажды и упрекнул его, то разве только в том случае, о котором он вспоминает, когда он на одной из практических стрельб с тактическим заданием выскочил с разведчиками на наблюдательный пункт на холме („Гора Шихлинского“ на полигоне возле г. Луги), расположенном близко к фланту неприятельской позиции и попал под шрапнельный огонь своих же слушателей.

Во время пребывания в Офицерской артиллерийской школе Али Ага составил немало записок для слушателей по разным вопросам: популярный конспект своих лекций, инструкцию для организации артиллерийских маневров, о стрельбе артиллерии через голову своих войск, о полковой и батальонной артиллерии, о правилах стрельбы по воздушным целям и другие.

Во время мировой войны 1914—1918 г.г. А. А. Шихлинский работал чрезвычайно много. Его плодотворная, высокополезная, самоотверженная военная деятельность, в особенности боевая на полях сражений, будет запечатлена на страницах военной истории. Привожу здесь краткие выписки из его последних распоряжений, когда он, как инспектор артиллерии Западного фронта, руководил разработкой, подготовкой и выполнением в артиллерийском отношении операций русской армии.

Али Ага указывал: а) пехоте необходимо искать всяческой связи со своей могущественной помощницей (т. е. с артиллерией), которая не в силах одна ее поддержать; только при обоюдной работе возможна прочная связь, которая даст пехоте мощную поддержку в бою и избавит артиллерию от не всегда заслуженных нареканий после боя; б) усилить связь батарей, дивизионов и артиллерийских групп с пехотой до передовых ее частей включительно; в) планы перемещения артиллерии вперед, разработанные уже в каждой дивизии, сообщить младшим пехотным начальникам с указанием районов, куда артиллерия перейдет; г) в планах действий артиллерии должны быть указаны последовательные работы и точные задачи батарей в различные периоды боевой операции, характер и задачи артиллерийского огня ночью, намечены батареи разрушения, которые должны были усилить противоартиллерийские группы, а также порядок продвижения вперед сначала наблюдателей и связи с ними.

а затем и батарей на поддержку продвинувшейся пехоты; д) артиллерия противоартиллерийских групп, в свободное от исполнения своей задачи время, должна принимать участие в разрушении неприятельских укреплений и уничтожать те цели противника, которые проглядываются с наблюдательных пунктов, обслуживающих противоартиллерийские батареи; е) артиллерия разрушения должна вести огонь лишь по известным намеченным узлам, а не по всей линии позиций противника и т. д.

А. А. Шихлинский указывал на то, что желая сократить срок артиллерийской подготовки, необходимо увеличить количество орудий, а не скорость стрельбы, так как увеличение числа выстрелов на орудие расстроило бы материальную часть.

30 июля 1917 г. А. А. Шихлинский писал инспектору артиллерии 10-й армии: „Посещая штабы, наблюдательные пункты и позиции ударных корпусов как задолго до начала операции, так и во время операции—в дни огневой подготовки атаки и самой атаки, я на месте знакомился с подготовительной работой артиллерии, с планом ее действия и ее боевою деятельностью. Везде я видел неустанную целесообразную работу, вдумчивый, тщательно разработанный план действий и искусное проведение его в жизнь... Артиллерия сыграла выдающуюся роль в последней операции 10-й армии. Ее отличная подготовительная работа имела блестящий успех и если не привела к полной победе над врагом, то по совершенно независящим от артиллерии причинам..."

Главнокомандующий Западным фронтом по поводу действий артиллерии 10-й армии под руководством А. А. Шихлинского писал:

„Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я не видел такой чудной работы артиллерии. Дух войск стал подниматься. Даже пехота, предъявляющая повышенные требования к артиллерии, осталась удовлетворенной. В 38-м корпусе пехота даже отказалась от дальнейшего продолжения артиллерийской подготовки, считая ее совершенно выполненной... Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две—три линии окопов противника, побывали на батареях его, принесли прицелы с орудий противника..."

* * *

„Мои воспоминания" Али Ага Шихлинского чрезвычайно интересны и поучительны. Их следует рекомендовать широкому кругу читателей нашей великой страны, с ними необходимо ознакомиться командному составу Красной Армии, а ее артиллеристам следует их изучать.

Военное воспитание, образование, служба в русской артиллерии, доблестная боевая деятельность, вся жизнь Али Ага—это пример жизненного пути, по которому должно следовать, чтобы быть достойным сыном своего Отечества, призванным к священному долгу защиты его чести и славы, свободы и независимости.

Москва. Ноябрь, 1948 г.

Евгений Барсуков

МОЙ ВОСПОМИНАНИЕ

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər İdarəsinin
KİTABKANASI

21597н

Я никогда не собирался писать мемуаров, так как отношусь к ним отрицательно. Пишут их государственные или политические деятели большого масштаба, пишут, зачастую, тенденциозно, приписывая себе все удачи и возлагая на плечи своих противников все неудачи. Но есть и второй вид мемуаров, которые оставляют в назидание потомству люди, считающие свою жизнь поучительной. У меня не было и таких помыслов, записей никаких я не вел. Получив в конце 1942 года задание от Азербайджанского филиала Академии наук СССР и не считая себя вправе отказать этому высокому учреждению, я воспроизвел свою биографию по памяти. В ее изложении я старался не допускать переоценки своих способностей или успехов, но и остерегался недооценки: пройденный мною служебный путь заключает в себе, в силу сложившихся обстоятельств, немало ценного и интересного. В тех случаях, когда это надо, я привожу мнения авторитетных лиц, по возможности, в их подлинных выражениях.

Я уже стар, плохо вижу, воспоминания мне приходится диктовать. Может быть некоторые факты, иногда даже важные, окажутся упущенными, но искажений я не допущу.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Я родился 3 марта 1863 года в сел. Казахлы Казахского уезда Елизаветпольской губернии. Отец мой, малоземельный помещик - Исмаил Ага Али Казак-оглы Шихлинский, происходил из героического рода, ведущего свое начало с 1537 года. Наш предок Агдолаг Мамед Ага прибыл в Казахский район из Шамхора, а туда переселился, как говорит легенда, из Туркменистана. У него было два сына, старший Шыхы—человек очень разумный и спокойный и младший Али Казак, доблестный, но дикий. Я происхожу от Али-Казака. Старшая линия, потомки Шыхы впоследствии переселились на 30 верст, по течению Куры, ближе к Тифлису, и там стали владельцами трех деревень, получивших общее название - Шихлы. Младшая линия Али-Казака до сих пор остается на старом месте. Старшая линия приняла фамилию Шихи-Заде, а мы, младшие, назвались Али Казак-оглу. После установления русской власти в Закавказье многие местные люди переделали свои фамилии на русский лад, и обе наши линии об'единились под общей фамилией Шихлинских.

Моя мать Шах-Емен-Ханым, урожденная Гамбова, со стороны своей матери была родной внучкой знаменитого поэта Видади*. Отец мой был человеком известным не только в уезде, но и в губернии. Мы, его дети, начиная от первого и кончая мною, одиннадцатым по счету, питая к нему глубокое уважение, в то же время знали, что в семье настоящей главой является мать, отличавшаяся умом и великим спокойствием. Отец был человеком горячего темперамента, и мать умела его всегда остужать.

---

* Видади—азербайджанский поэт XVIII века, современник и друг известного азербайджанского поэта Вагифа.

В те времена, когда над головой азербайджанской женщины висел кулак мужа, моя мать за сорок пять лет семейной жизни не только не получила ни одного щелчка, но и не услышала ни одного грубого слова по своему адресу. Ближайшие родственники отца относились к ней с большим уважением.

Старший род Шихлинских имел в своей среде много ученых по тому времени людей. Были среди них и поэты, лучший из которых Казим Ага известен под псевдонимом „Саалик". Наша линия отличалась воинскими доблестями, горячим темпераментом, но к грамотности относилась недружелюбно. В уезде нас именовали „дэли-казаклы". Первым грамотным человеком среди Али Казак-оглы оказался мой отец; первым же, получившим законченное европейское образование, во всем роде Шихлинских, являюсь я.

Отец мой русского языка не знал. Старший мой брат, на 25 лет старше меня, был отправлен в царский конвой. Получаемые от отца деньги он тратил не на увеселения, как другие конвойцы, а на учение. Он нанял себе учителя и изучил русский язык; через три года он сдал офицерские экзамены по тогдашним легким программам и выпущен был корнетом кавалерии, в то время как его товарищи только через год могли быть произведены в прапорщики милиции. Второй мой брат, на 22 года старше меня, говорил по-русски с грехом пополам. Остальные братья умерли в детстве.

Когда подрос я, у отца уже выработался более широкий кругозор, и он решил дать мне европейское образование, но непременно образование военное. С этой целью он отправил меня в Тифлис к двоюродному брату моей матери Мирза Гусейну Ганбову (отцу доктора Багадира Ганбова). Так как мои родители жили всегда в деревне, то я перешел на попечение дядюшки, и все дальнейшее мое воспитание находилось в его руках. В связи с тем, что его наставления и образцовая жизнь оказали большое влияние на меня и оставили глубокие следы в моем характере и мировоззрении, я считаю нужным кратко охарактеризовать этого замечательного во всех отношениях человека.

Он родился в 1830 году в селении Салахлы Казахского уезда, в семье бедняка Юсуфа Ганб-оглы. Оставшись

круглым сиротой шести лет отроду, он был взят под опеку своим родным дядей Ибрагимом Эфенди Ганб-оглы.

Отданный в обучение в местное медресе (высшая духовная мусульманская школа), маленький Гусейн проявил большие способности и усердие в учебе. Достигнув 17 лет, он стал одним из помощников своего учителя по обучению детей младшего возраста. Назначенный Закавказским муфтием Мамед Эфенди Муфти-Заде (Видадов), приехав на ревизию в Казахский уезд, обратил внимание на выдающиеся успехи учеников отделения Гусейна. Когда в Тифлисе была открыта русско-татарская школа под попечительством муфтия, он вызвал Гусейна преподавать восточные языки. Гусейн приехал в Тифлис, не закончив восточного образования, но там он самостоятельно расширял свои знания и вскоре достиг совершенства в фарсидском и арабском языках, изучил всю персидскую художественную литературу, а также и арабские научные книги.

Одновременно с этим он приступил к изучению русского языка. Его учителем был капитан Генерального штаба Николай Григорьевич Столетов, который, в свою очередь, брал у своего ученика уроки азербайджанского языка. Это взаимное обучение вскоре привело к желательному результату: мой дядя вполне овладел русским языком, а Н. Г. Столетов в совершенстве изучил азербайджанский. В 1908 году в Царском Селе я встречался с генералом от инфантерии, членом Военного Совета Н. Г. Столетовым, который всегда беседовал со мною на азербайджанском языке, которым он прекрасно владел.

В семидесятых годах при Закавказском муфтии было организовано учреждение под названием „Закавказское мусульманское духовное правление сунитского учения". Мирза Гусейн Ганбов был назначен секретарем этого учреждения. Должность была не духовной,—это видно из того, что секретарем подобного же управления, но шиитского учения, являлся некий Костин, русский по национальности. Поскольку через управление проходили всякие шариатские дела, Мирза Гусейн Ганбов, с присущим ему рвением, до тонкостей изучил шариат. При этом он открыл, что „последователи пророка" во многом исказили первоначальный шариат, введя в него многое от себя.

В 1879 году при Закавказской учительской семинарии в городе Гори образовалось мусульманское отделение, и Мирза Гусейну предложили быть там преподавателем восточных языков. В 1881 году он был избран на пост Закавказского муфтия, но принял этот пост с оговоркой: „Я не был духовным лицом, никогда никаких духовных треб не исполнял и впредь исполнять не буду. Предложенный мне пост приму, так как полагаю, что сумею принести таким путем наибольшую пользу моему народу.“ Самой большой пользой для своего народа он считал внедрение в массы европейского просвещения и культуры. К сожалению, он встречал препятствия: пассивное — в темноте самой массы, и активное — в реакционных кругах, которые искусственно поддерживали бескультурье народа. Тем не менее, через его руки прошли сотни и сотни молодых людей, которые искали образования и не нашли бы его без помощи Гусейна Эфенди Гаибова.

Гусейн Эфенди особенно ратовал за образование мусульманской женщины, за ее раскрепощение и за снятие чадры. Он доказывал, что все это не запрещено шариатом, а привито мусульманством после завоевания им Ирана. В этом отношении он сам первым показал пример. Женившись на молодой, очень красивой девушке, он ее не кутал в чадру и не прятал от мужчин, а разрешил ей участвовать, совместно с мужчинами, в благотворительном мусульманском обществе, посвятившем себя также помощи молодежи, ищущей знаний. Сыновьям своим он дал высшее образование, а обеих дочерей определил в Закавказский девичий институт, который они закончили с высшей наградой. Старшая дочь муфтия, моя жена, окончила институт в 1889 году, в то время, как светские люди из мусульман чрезвычайно редко отдавали своих дочерей в русские учебные заведения.

Вторая особенность его характера заключалась в том, что он был совершенно свободен от националистических предрассудков. Любя свой народ, он никакой неприязни к другим народностям не питал. Будучи верующим мусульманином, он умел уважать и чужую религию, имел друзей среди русского, грузинского и армянского духовенства.

Мирза Гусейн Ганбов был ближайшим другом Мирза Фатали Ахундова, которому помогал в разборе арабских документов, так как в арабском языке оказывался сильнее М. Ф. Ахундова.

Затем М. Г. Ганбов, как библиофил, составил большой сборник стихотворений азербайджанских поэтов*.

На другой же день после моего приезда в Тифлис дядя повел меня в очень популярную в то время частную гимназию Тер-Акопова. Представив директору Семену Ильичу Монастырцеву, он просил принять меня в гимназию. На вопрос директора: „что он знает?", дядя ответил: „Он знает азбуку, кое-как считает. Знает двадцать—тридцать русских слов, но связывать их в предложения не умеет". Директор посмотрел на меня, крупного двенадцатилетнего мальчика, и сказал: „А куда же мы его посадим?" Дядя ответил: „Посадите куда хотите, через два месяца он опередит своих товарищей". Тогда директор задал мне на азербайджанском языке различные вопросы. Я отвечал бойко. Директор перешел к устным задачам, постепенно усложняя их до трехзначных цифр. Хотя никто не учил меня арифметике, я эти задачи решил быстро и правильно.—„Давайте призовем бога на помощь и посадим его в третье отделение,"—заявил директор.

Приготовительный класс гимназии состоял из четырех отделений. В четвертом отделении учились малыши шести-семи лет и сидели там год; в каждом из остальных отделений мальчики сидели тоже по году. Я пошел в третье отделение 17-го ноября 1875 года и стал прислушиваться к тому, что говорят товарищи в классе и вне класса, благодаря чему я вскоре начал понимать русскую речь. Через две недели меня впервые вызвали отвечать урок, а еще через три недели, 23-го декабря, при увольнении детей на зимние каникулы и об'явлении полугодовых баллов, в конференц-зале в торжественной обстановке директор оповестил: „Шихлинский за выдающиеся успехи переводится во второе отделение".

В июне, при общих переводных экзаменах, я был переведен в старшее отделение приготовительного класса

---

* Сборник находится в рукописном фонде Института литературы и языка им. Низами АзФАН.

с похвальным листом. Таким образом, в течение семи месяцев я с большим успехом прошел путь, который ученики, знающие русский язык, проходили в течение двух лет.

В августе 1876 года я сдал экзамен для поступления в первый класс тифлисской военной гимназии, а до занятий уехал в деревню. Там я сломал ногу и поэтому к началу занятий опоздал. Все мои товарищи собрались к 1-му сентября, а я вошел в класс только 11-го октября. 31-го октября об'явили баллы за первый семестр, и я все же оказался первым в классе, сохраняя это первенство до окончания курса. Между прочим, я не походил на обычных первых учеников—детей благонравных, смирных, усердных, всегда сидящих с книжкой, вызывающих насмешки товарищей и кличку „зубрила". Немалую роль играло также и то, что я был первым силачем во всех классах до седьмого включительно. Несмотря на грузное тело—еще будучи гимназистом седьмого класса я весил без костюма ровно 5 пудов,—я отличался большой живостью, был первым бегуном, перепрыгивал через веревку, протянутую на высоте моей нижней губы, без трамплина. На такую высоту, как в гимназии, так впоследствии и в училище, никто не мог прыгать, кроме одного лишь Владимира Карганова.

Во время вечерних занятий я приготовлял свои уроки на полный балл в течение одного—полутора часов, а остальное время посвящал „буксированию" отстающих товарищей. Я решал для них трудные задачи, об'яснял грамматические правила, особенно по иностранным языкам, но никогда не позволял им списывать с моих тетрадей.

Моя жизнерадостность и отношение к товарищам привязывали их ко мне. Они относились ко мне не только с любовью, но и с уважением, прислушивались к моему мнению.

Я держал только выпускные экзамены в седьмом классе, а годичных переводных экзаменов обычно не сдавал. В начале мая каждого года меня отпускали, и я уезжал с родителями на кочевки. Окончил я гимназию, уже переименованную в кадетский корпус, в 1883 году, имея по всем предметам и по поведению полный балл—12 (в военных учебных заведениях в то время была 12-балльная система отметок).

А. А. Шихлинский
в молодости

1-го сентября 1883 года я поступил в Михайловское артиллерийское училище, куда собирались „сливки" из всех кадетских корпусов. Тем не менее я и здесь в первое полугодие сохранял первенство, а потом, втянувшись в столичную жизнь с ее театрами, концертами и другими развлечениями, ученью уделял не столь много времени, оставаясь, однако, всегда в первой тройке. Сохранив ту же подвижность, как и в гимназии, я и здесь обратил на себя внимание как физкультурник и наездник.

В то время у нас в училище преподавателями состояли знаменитости, о которых хочется сказать несколько слов. Инспектором классов академии и училища был профессор Лев Львович Кирпичев, известный механик. Замечательная его книга была написана так, что самый тупой человек мог бы по ней самостоятельно изучить механику, баллистику и общий курс артиллерии. Поэтому в классе он не читал лекций, а преподавал лабораторным комплексным методом, больше говорил не о своем предмете, а о других, с ним соприкасающихся. Между прочим, Кирпичев сообщил нам о том, что первая обсерватория на территории России была не в Пулкове, а в Самарканде. Эта обсерватория принадлежала замечательному ученому, внуку Тамерлана,—Ушуг-беку. От него же мы узнали, что первые карманные часы появились не в Женеве, как всем нам казалось, а у Карла Великого, которому их прислал в подарок багдадский халиф Гарун-Аль-Рашид.

Среди наших преподавателей был и знаменитый профессор технологии Гадолин, затем всемирно-известный баллистик—генерал-майор Маевский, замечательный химик—генерал Федоров, физик—генерал Усов и многие другие. Все это на меня лично очень благоприятно действовало, и в учении я находил не только пользу, но и некоторое удовольствие.

В то время в курс артиллерийских училищ не входила теория вероятности, ее изучали только в академии. Но когда я был переведен на старший курс, то в программу среднего класса ввели и теорию вероятности для применения ее в артиллерийской стрельбе. Преподавателем этого предмета был Николай Александрович Забудский, впоследствии генерал от артиллерии, про-

фессор. Он составил по этой дисциплине литографированные записки. Из всех моих товарищей я был единственным, который взял эти записки и самостоятельно изучил теорию вероятности для того, чтобы в моем образовании не было пробела.

Кроме занятий в училище, для повышения уровня я посещал популярные лекции в других учреждениях, например, лекцию Куропаткина, бывшего тогда молодым генерал-майором, о действиях Скобелевского отряда в Турецкую войну, прочитанную им для офицеров Инженерной академии. Затем я был на лекциях начальника Генерального штаба генерала Драгомирова о только что введенной в русскую артиллерию полевой мортире и известного профессора Цезаря Кюи о численности гарнизона крепости и т. п. Между прочим, Цезарь Кюи был одновременно композитором, и над ним часто подшучивали, говоря, что он лучший музыкант среди инженеров и лучший инженер среди музыкантов."

Училище я окончил в 1885 году одним из лучших и за успехи в науках получил денежную премию, а за состязательную езду золотые часы с соответствующей надписью. Я был выпущен подпоручиком в 39-ю артиллерийскую бригаду.

Глава вторая

ПЕРВЫЕ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ОФИЦЕРСКОЙ СЛУЖБЫ

Вся моя служба от начала до конца протекала под знаком „отлично". Пробелом можно считать то, что я не получил академического образования. Произошло это по случайности, имевшей личный характер. Я закинулся как норовистая лошадь и об'явил с юношеским задором: „и без академии найду свое место в жизни."

Десять лет спустя, в 1897 году, старший врач 20-й артиллерийской бригады д-р Зеленский спросил меня: „Почему при ваших способностях вы не пошли в академию?" На это я ответил кратко: „Случай такой вышел." Присутствовавший при этом разговоре генерал сказал: „А зачем ему академия, академия—его голова." Доктор не сдавался и продолжал: „В этом я не сомневаюсь, но может случиться, что некоторые должности будут предоставлять только офицерам, имеющим академическое образование, и тогда посмотрят не на его голову, а на ярлык, и он останется за флагом." Генерал возразил: „Он никогда за флагом не останется, а всегда будет впереди." Я был этим очень польщен и решил, что мое юношеское задорное заявление имеет некоторое основание.

В первый же год службы меня назначили преподавателем учебной команды и в течение пяти лет я каждый год выпускал отлично подготовленных к фейерверкерскому* званию людей. В дальнейшем еще пять лет я заведывал этой командой.

В 1896 году начальник артиллерии округа, бывший начальник артиллерийского училища, об'езжая бригаду, осмотрел мою команду и обратился к командиру бригады князю Химшиеву, указывая на меня: „Этот офицер

---

* Унтер-офицерское звание в артиллерии старой русской армии (Ред.).

семи пядей во лбу, рекомендую его вам.“ На это тот ответил: „Вы его знали юнкером, а мы наблюдаем его офицерскую работу в течение десяти лет и воздаем ему должное.“

В приказе с об'явлением результатов смотра начальник артиллерии раскритиковал учебные команды частей, а в конце приказа об'явил: „Отрадную противоположность описанному представляет учебная команда 39-й артиллерийской бригады...“ В дальнейшем он подробно перечислил все преимущества моей команды сравнительно с другими и об'явил мне благодарность.

В 1895 году к нам в бригаду перешел мой родной племянник, молодой офицер. Бывший начальником артиллерии генерал-лейтенант Парчевский сказал, что по отношению к нему начальство освобождено от обязанностей давать наставления, как начинающему офицеру, так как у него есть живой образец для подражания в лице его дяди Али Ага Шихлинского.

Как-то командир корпуса, генерал князь Амилахвари посетил в Баку дочерей своего бывшего боевого товарища инженера Гершельмана. Он очень одобрительно отозвался об их брате, служившем в его бригаде. Одна из сестер сказала, что в той же бригаде находится их хороший знакомый Шихлинский. Командир корпуса спросил: „Али Ага?“ В ответ на удивление, как он запомнил имя поручика, генерал сказал: „Такого офицера, как Шихлинский, должен помнить и знать всякий начальник.“

Однажды, об'езжая фронт, князь Амилахвари, поздоровавшись со мной, удивился, почему я не на своем коне. „Мой конь серебристо-серый,—ответил я,—а батарея вороная. Я не решился на смотр выехать на такой лошади.“ „Я вас прошу на все смотры выезжать на своем красавце, в том числе и на смотры для высшего начальства, ссылаясь на мой приказ.“

В первый год моей службы было в обычае задавать офицерам тактические задачи для решения на дому и для представления со всеми документами в управление начальника артиллерии корпуса. Первая же моя задача была признана образцово решенной и мне об'явили в приказе по корпусу благодарность.

Но из всех этих благодарностей и похвал я шубы

не сшил, и продвижение мое по службе шло так же медленно, как и всех артиллерийских офицеров моего поколения, не получавших ни благодарностей, ни похвал. Производство в чины по всей артиллерии шло строго по очереди. За отличную работу в 39-й артиллерийской бригаде я получил два ордена—Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени.

Как любитель верховой езды и знаток лошади, свободные от службы часы я почти целиком проводил на коне. Всевозможными фокусами на аллюрах я производил немалое впечатление на сверстников и младших товарищей, пожелавших совершенствоваться в верховой езде под моим руководством. С такой же просьбой обратился ко мне и капитан Буховецкий, который, предвидя командировку в офицерскую школу, заранее готовился к ней. Он предложил мне гонорар по моему усмотрению. „Константин Васильевич,—возразил я,—вы мой старший товарищ, и, удостоив меня быть вашим учителем, уже заплатили мне моральный гонорар, а от материального я наотрез отказываюсь." Капитан от природы большими способностями не отличался—не зря его фамилию Буховский переделывали в „Дубовский",—однако, в конце концов, в школу он поступил.

В 1895 году в русской артиллерии были введены дивизионы, но артиллерия Кавказского округа еще на эту систему не перешла. Командиры 1-й и 2-й батарей получили дивизионы в России и переехали туда. Командиром 1-й батареи был назначен очень хороший и ученый штаб-офицер, однако, долго не бывший в строю. 2-я батарея получила в командиры Ивановича, твердо решившего опередить первую, но новый командир первой батареи просил меня не забывать своей родной батареи и обучение езде взять в свои руки. Будучи заведывающим учебной командой, я два раза в неделю ездил из Джалал-оглу в Гергеры, где стояла наша батарея, и производил орудийное, взводное и батарейное учение. Продолжалось это всю зиму.

В начале лета мой командир получил другое назначение, и я оставался временно командующим батареей в течение 8-ми месяцев. Батарея не только не опустилась в строевом отношении, но даже еще больше подтянулась.

Это не нравилось Ивановичу, который, наружно не показывая, стал относиться ко мне неприязненно.

Летом на полигоне наша батарея вышла на стрельбу в полном составе дивизиона под командованием командира дивизиона. Так как подобные стрельбы были на Кавказе внове, офицеры всего лагерного сбора присутствовали на ней. Моя батарея стояла на правом фланге. Ей была указана цель—колонна пехоты. Третьим выстрелом я попал в середину колонны, а следующими выстрелами расшиб несколько мишеней. Командир дивизиона приказал прекратить огонь, дав условное указание, что „колонна рассыпалась и скрылась в складках местности". Через некоторое время я получил второе задание: „Левее вашей цели находится маскированная в окопах, плохо видимая неприятельская батарея, найдите ее и откройте по ней огонь." Простым глазом эту батарею никто не видел. В бинокль я ее нашел и указал взводным командирам. Наводчики же, самые зоркие люди батареи, абсолютно не видели цели. В то время у нас были еще старые орудия, не имевшие прицельных приспособлений, дающих возможность во время стрельбы переходить с прямой наводки к непрямой. Тем не менее, я открыл огонь, пристрелялся и был уверен, что начал наносить поражение. Вскоре мною было получено приказание прекратить огонь.

По окончании стрельбы все во главе с начальником лагерного сбора князем Химшиевым начали разбор. Центр тяжести всего разбора лежал на стрельбе по этой маскированной батарее. Начальник лагерного сбора обратился ко мне: „Вы цель видели?" Я ответил: „Простым глазом никто не видел цели, а в бинокль я и взводный командир увидели." „Как же вы открыли огонь?" Я доложил: „За этой целью обширное зеленое поле посева, на зеленом фоне виден ярко-желтый кружок рано поспевшей пшеницы. Я приказал наводчику навести свое орудие в нижний край этого круга и после этого прицельную линию отметить вехой, а в дальнейшем наводить на веху. Угол возвышения орудий я командовал не по прицелу, а по квадранту." Все зашевелились. Ясно было, что до доклада никто не догадывался, как же был открыт огонь.

Князь Химшиев, обращаясь к Ивановичу, отказавше-

муся от обстрела из-за невидимости цели, сказал: „Значит, можно было открыть огонь." Тот побагровел, а я сразу почувствовал, что нажил себе врага. Мне этот случай очень памятен, он характерен тем, что в затруднительных обстоятельствах был найден простейший выход. Меня спросили: „А если бы желтого пятна не было, что бы вы сделали?" Я ответил: „Я и тогда бы открыл огонь. Я приказал бы взводным командирам держать бинокль у глаза, отойти от своих орудий шагов на десять вперед, встать в створе орудие—цель, а лафеты поворачивать до тех пор, пока дула орудий не будут направлены в цель. Потом отметил бы это положение вехой, а угол возвышения опять высчитал бы по квадранту."

По окончании практической стрельбы на полигоне мы поехали в район селения Саракамыш на общий сбор с пехотой и кавалерией. Один из новых маневров здесь заключался в том, что часть сбора должна была верст на 12—15 уйти в сторону турецкой границы, и на другой день оттуда наступать навстречу другим частям, движущимся, якобы, со стороны Карса. В тот отряд с вечера ушли наша батарея, полубатарея* 3-й батареи нашей бригады и конная батарея. В первой батарее из офицеров был только я, так как двух младших офицеров командировали на военно-конскую перепись, а в полубатарее 3-й батареи находились 2 офицера старше меня—капитан Тачалов и поручик Кольцов. Конная шестиорудийная батарея была в полном составе с командиром батареи и тремя взводными командирами.

Утром в день маневров наш отряд должен был собраться на исходном пункте, на шоссе. От нашего бивуака туда шел окружной путь, но перед самым бивуаком был очень крутой, хотя и не длинный, спуск в тесное ущелье длиною в одну версту. Я рано утром проехал по всему ущелью и увидел, что дороги нет, но в начале ущелья есть родник, от которого идет маленький ручеек, текущий в камнях. Этот путь был очень тесен. Речка была извилиста, постоянно приходилось обходить камни, упираясь одним колесом на скат. Тем

* В то время батарея состояла из 8 орудий и делилась на 2 полубатареи, каждая (Ред.).

не менее я решил провести свою батарею здесь и полагал, что это мне удастся, так как фейерверкеры и ездовые были хорошо вымуштрованы.

Увидев, что моя тяжелая 8-ми орудийная батарея идет по ущелью, другие сочли неудобным для себя прибегнуть к обходному пути и двинулись за мной. На крутизне мы спускали орудия на двух тормозах. Внизу людям я об'явил, чтобы они не оглядывались назад, заверив, что я на них оглядываться тоже не буду. Головное орудие,—сказал я,—пойдет строго за мною. Шагах в пятидесяти от меня будут итти остальные орудия, тоже строго в затылок предыдущим орудиям, держа дистанцию не в три шага, как обычно, а в десять шагов, орудие за орудием. Так мы выехали на шоссе.

Когда второе и третье орудия тоже выехали на шоссе, к нам приблизился корпусной командир князь Амираджиби, ранее командовавший нашей дивизией, а до этого Елизаветпольским полком, квартировавшим в Саракамыше. Он отлично знал все окрестности своей бывшей штаб-квартиры. Выждав, пока вся батарея вышла на шоссе, Амираджиби сказал, обращаясь к своей свите: „Если бы я своими глазами не видел, то отцу родному не поверил бы, что эта батарея здесь прошла.“ Он поблагодарил батарею.

Полубатарея нашей 3-ей легкой батареи долго заставила себя ждать. Наконец, она пришла с двумя поломанными дышлами, починенными с помощью березовых прутьев, тут же срубленных. Задержалась и конная батарея, которая из шести дышл сломала четыре. Командир корпуса об'явил: „Господа, в этом сказывается разница в обучении.“

Начались маневры. В колонне я оказался позади, а конную батарею перевели вперед. Через некоторое время меня вызвали вперед. Я поскакал туда, где стоял командир корпуса с группой офицеров; там же около него стояли командир полубатареи капитан Тачалов и командир конной батареи подполковник Белый. Направо должен был итти отряд, и командир его желал, чтобы с ним была артиллерия. Через ущелье вправо шла очень крутая грунтовая дорога. Оказывается, команди-

ры артиллерийских частей заявили, что сюда батарея подняться не может. Поэтому-то и вызвали меня. На вопрос командира корпуса: „Можно ли сюда поднять батарею?“, я ответил коротко: „Могу“. Тогда он сказал: „Ну, везите свою батарею“. Я поскакал за батареей и рысью повел ее вперед. Составу батареи я приказал, чтобы со дна реки в каждую руку они взяли по камню, и когда на под'еме я остановлю батарею, то немедленно подставляли камни под передковые колеса, так как без этого орудия по крутому скату могут скатиться назад и потянуть за собой лошадей. На этом под'еме мне пришлось три раза останавливать батарею и давать передышку лошадям. Таким образом мы благополучно выбрались на горизонтальную площадку в лесу и пошли за полком, который был направлен в охват левого фланга противника.

По окончании маневров, я выстроил батарею на сомкнутых интервалах и поблагодарил за учение. Так как на благодарности, вообще говоря, я был скуп, все почувствовали, что сегодня совершено нечто, действительно заслуживающее благодарности.

На ужин обычно полагалась жидкая каша с четвертью фунта мяса на каждого солдата. На этот раз я распорядился добавить по полфунта за мой счет, взяв у подрядчиков мясо самого лучшего качества, а также выдать водку. Сварили великолепное вкусное блюдо. Я решил ужинать вместе с солдатами, и мой столик поставили на фланге. Все выпили по чарке водки, а я, никогда ее не пребовавший и поныне не знающий ее вкуса, поднял за здоровье солдат стаканчик кахетинского вина. Такой ужин явился своеобразной благодарностью солдатам за их действия на маневрах.

Лагерные занятия окончились, и мы вернулись в свою штаб-квартиру.

Здесь был получен циркулярный запрос начальствующим лицам, находят ли они русских сектантов и евреев подходящими для несения военной службы, и если нет, то нельзя ли, отказавшись от их призыва на действительную службу, заменить натуральную повинность денежным налогом. Командир дивизиона в свою очередь запросил всех трех батарейных командиров. Подполковник Иванович, квартировавший в одном пункте с ко-

мандиром дивизиона, в тот же день пришел к нему и об'явил, что он ответить не может, мотивируя тем, что вопрос чисто политический. Командир дивизиона возразил ему, что он, как ближайший воспитатель и учитель солдат, наблюдающий за их службой и поведением, только и может знать, годятся они или не годятся.

Этот вопрос до меня дошел несколькими днями позже. Я всегда был совершенно свободен от националистических предрассудков и относился к своим товарищам и сослуживцам одинаково, независимо от их национальности и религиозных убеждений.

Перед моими глазами были яркие примеры. Фейерверкер Шалешников, сектант, являлся лучшим каптенармусом, интендантский цейхгауз он содержал в образцовом порядке, был честен, исполнителен и усерден по службе, независимо от того, наблюдали за ним или нет. Бомбардир Батуев—старательный, умный солдат и прекрасный наводчик. Фейерверкер Галкин—чрезвычайно редкий фуражир, отличавшийся от остальных фуражиров тем, что не брал подачек от поставщиков сена. Обычно фуражиры уходят домой с капитальцем. Галкин же бедняком вступил в батарею и бедняком ушел из нее. Поэтому я полагал, что от русских сектантов, честных, правдивых и трезвых, отказываться не следует.

Бомбардиры Коблениц и Левит были лучшими учителями молодых солдат. Кузнец Фурман вручную ковал самых строгих лошадей, которых другие кузнецы ковали на станке или повалив наземь. Бомбардир-наводчик Шмуль Рогович получил за стрельбу первый приз во всем лагерном сборе (массивные серебряные часы на серебряной цепочке) и почетный генерал-фельдцейхмейстерский* приз от Главного артиллерийского управления. Почетного генерал-фельдцейхмейстерского приза удостаивались такие наводчики, которые четырьмя гранатами попадали в круг радиусом не более 13 дюймов. Рогович же все четыре гранаты всадил в кружок радиусом в 4,2 дюйма.

---

* Генерал-фельдцейхмейстер—главный начальник артиллерии в царской и в некоторых буржуазных армиях (Ред.).

Я сообщил свое мнение, что если к евреям относиться так же, как и к солдатам других национальностей, не делая из них граждан второго сорта, они отлично несут службу в строю и вне строя и особенно полезны в различных мастерских.

Когда командир дивизиона получил это донесение, он пригласил Ивановича и сказал: „Видите, калиф на час нашел что ответить, а вы пять лет командуете батареей и все говорите,—я не знаю, почем я знаю.“ Таким образом, опять я стал поперек горла Ивановичу. Он попытался об'яснить мой ответ тем, что я сам инородец. На это командир возразил ему: „Так отвечает не инородец, а человек, который умеет наблюдать и делать выводы из своих наблюдений, так отвечает честный человек, который не боится высказать свое мнение открыто, когда его спрашивают.“

Глава третья

СЛУЖБА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И КИТАЙСКИЙ ПОХОД

Первые годы моей службы протекли в глуши, без культурных развлечений. Офицерство на таких стоянках обычно развлекалось игрою в карты и маленькими попойками. Несмотря на то, что артиллерийское общество очень интеллигентно, и офицерство в нем развитее, чем в других родах оружия, все-таки и среди нас были кутилы и азартные игроки. И то, и другое отталкивало меня настолько, что я никогда водки не пил и в азартные игры, тем более на деньги, не вступал. Иногда мои товарищи составляли безденежный винт, и это называлось „али-агинская" игра. Даже гостям моим не позволялось играть в карты в моем доме.

К слову скажу здесь и о другой черте своего характера. Я, любитель конного спорта, никогда в жизни на перегонки не скакал; присутствуя на скачках и почти безошибочно определяя, какая лошадь придет первой, я ни одной копеечки в тотализатор не ставил и пари не держал.

Единственным моим развлечением в этих глухих местах была верховая езда, часто с дамами.

Для того, чтобы окончательно не закиснуть, я решил предпринять путешествие, побывать заграницей и, между прочим, на Парижской выставке 1900 г. Сев на пароход в Гавре, можно было совершить морской путь до Владивостока. Но средств на это у меня не было, и я задумал перевестись в Восточную Сибирь, чтобы осуществить свое намерение. Для таких переездов отпускали огромные прогонные и под'емные деньги, которых хватило бы на два кругосветных путешествия. Подавая прошение о переводе, я, по совету помощника начальника Главного артиллерийского управления генерал-лейтенанта Васильева, который только что приехал с

Дальнего Востока, избрал Забайкальский артиллерийский дивизион, квартировавший в городе Нерчинске.

Однако, задуманное мною путешествие неожиданно совершенно изменило свой характер, в связи с начавшимся в Китае так называемым „боксерским восстанием." Вышел приказ о том, что все переведенные и назначенные в Восточную Сибирь офицеры должны быть на местах своей новой службы не позже, как через два месяца с момента отдачи о них приказа. Сев на сибирский поезд в Москве, я приехал через одиннадцать дней в Иркутск, где несколько задержался для свидания с двоюродным братом.

Круго-байкальская железная дорога еще не была готова, и поэтому, доехав до западного берега Байкальского озера, я переехал это озеро на пароходе, а на его восточном берегу сел в поезд временного движения Забайкальской железной дороги. В Нерчинск я попал во второй половине мая.

Через несколько дней после моего приезда была об'явлена мобилизация и начата подготовка похода на Манчжурию.

В то время я не мог еще разобраться в смысле происходящих событий и не видел, какие причины побудили Россию к этому походу. Относился я к нему как военный человек, не совершил никакого действия, в какой-либо мере направленного против гражданского населения Китая.

Забайкальский дивизион состоял из двух батарей: первой командовал подполковник Энгельман, второй — мой земляк и давнишний знакомый подполковник С. Мехманцаров. Я был зачислен старшим офицером первой батареи. В начале июля мы выступили в поход. До Сретенска ехали по железной дороге, а там перегрузились на три пассажирских трехпалубных парохода. К нам подсажена была пехота.

Всей этой плавучей колонной командовал командир дивизиона полковник Шиллинг. Ему было приказано разоружить город Мохе, находившийся на правом берегу Амура, иначе создавалась угроза закрытия движения по реке, другого же пути с Дальнего Востока не было: строившаяся тогда Восточно-Китайская железная дорога оказалась разобранной.

Мы доехали до Махо, пристали к левому берегу Амура против Махо, где река образует бухту в виде круглого колена, выгрузили все необходимое для обеда солдатам, а затем вновь двинулись к Махо, полагая, что можно переговорами и мирным путем удалить оттуда китайские войска.

Город был весь построен из дерева — в русском стиле. Дома представляли собой бревенчатые срубы под черепичными крышами. На набережной стоял один небольшой выбеленный дом. Перед ним и, вообще, по всей набережной были сложены дрова. Когда первый пароход подплыл к этому белому дому, из-за склада дров раздался ружейный залп. Солдаты стояли на палубе, и залпом уложило на месте шесть человек.

По ранее данному мною указанию, капитан парохода „Граф Игнатьев", на котором находился я, развил полный ход и вывел баржу из колонны. Когда открылась возможность стрелять, я на полном ходу сделал один выстрел по белому дому. Граната пробила домик и во дворе зажгла стог сена и какие-то сухие материалы. Пламя вспыхнуло и высоко поднялось кверху. После этого всякое движение в городе прекратилось. Подали все пароходы к берегу и высадили десант.

В городе не нашлось ни одной души, а судя по тому, что нами было обнаружено во дворах, домах и на улицах, мы убедились, что жители еще раньше подготовились к уходу. Когда раздался пушечный выстрел, все население бежало в лес, которым густо покрыты горы, находящиеся непосредственно за городом. На дворах и улицах осталась масса вещей, причем очень дорогих, которые жители не смогли увезти. Белый дом оказался магазином, полным ценными шелковыми товарами. Мы вернулись на свою пристань против поселка Игнашино. Дело клонилось к вечеру, и мы решили здесь переночевать.

На другой день двинулись дальше. К Благовещенску по реке подойти было нельзя, так как он находился под огнем и чувствовал себя в осадном положении. Поэтому мы высадились на берег в Игнатьевском затоне и дальше пошли походным порядком в конном строю. Остановились бивуаком на северо-западной окраине города. Это было 19 июля 1900 года. В тот же день был

получен приказ перейти в город и, когда стемнеет, незаметно для китайцев занять окопы, находящиеся на берегу Амура. На следующий день, 20 июля в 11 часов, когда в могилу опустят тело погибшего смертью храбрых поручика Резака, по сигналу ракетой, нужно было выпустить три залпа не холостыми, а боевыми зарядами в город Сахалян. Определив расстояние до цели, я назначил каждому орудию соответствующий прицел, и мы стали ожидать ракетного сигнала. Поручик Резак, несмотря на свою русскую фамилию, был дагестанцем и мусульманином по религии. Он нередко участвовал в вылазках под командой капитана Генерального штаба Запольского. Нередко они переправлялись через Амур на лодочках, там нападали на китайские посты и оттуда привозили пленных, доставляли „языка". Накануне нашего прибытия также была вылазка. На этот раз вернулись с большими трофеями, в том числе с орудием, но, к сожалению, привезли труп Резака.

Рано утром мы опять поехали на свой бивуак, а оттуда пришли в город осмотреть его и где-нибудь пообедать. Нам указали хороший ресторан. В нем была масса народа. Все оживленно разговаривали о событиях в Сахаляне. Население города, чувствовавшее себя на осадном положении, так как ни сверху, ни снизу по Амуру на протяжении полутора месяцев не было движения, теперь окрылилось надеждой, что с приближением нашей батареи осада будет снята.

В тот же день нам приказано было приготовиться к переправе, и в ночь с 20-го на 21-е июля мы под'ехали к левому берегу Амура, на несколько верст выше Благовещенска. Пехота переправилась еще затемно, а артиллерия с рассветом. Так как переправа очень затянулась, решено было переночевать около опустевшего города Сахаляна. Отряд наш перешел под командование генерала Субботина. На другой день, 22-го июля, мы свернули с колонны и пошли вперед по китайской территории.

При приближении к каждому населенному пункту, с окраин открывали редкий ружейный огонь по нашим дозорным. Генерал Субботин приказывал развертываться всему отряду, на что уходило столько времени, что китайцы успевали спокойно удалиться. Та горсточка,

которая нас остановила, уходила к следующему населенному пункту, и там повторялась та же картина.

Вскоре мы получили приказ вернуться назад в Благовещенск. Вперед поехал начальник Забайкальской области генерал-майор Реннекампф с четырьмя сотнями казаков и двумя орудиями батареи С. Мехмандарова, остальная же часть батареи оставалась позади.

Переночевав, мы стали переправляться в Благовещенск. Когда последнее орудие нашей батареи находилось уже на берегу, был получен приказ—немедленно одной полубатарее отправиться назад в Айгун. Опять полубатарею стали нагружать на пароход. Едва мы переправились на правый берег, пошел сильный дождь. На берегу Амура была глубокая грязь, но наверху нашлась зеленая площадка, из которой я оставил орудия. Несколько позади этой площадки стал пехотный батальон, которым командовал полковник Губастов. Как только мы выпрягли лошадей, явился ко мне ад'ютант полковника и сказал, что батарее опасно ночевать впереди, поэтому надо сейчас же перейти назад и стать рядом с батальоном. Опять пришлось взяться за передки, тащиться по грязи и в грязи оставить батарею, положив под колеса камни. Мы пошли в палатки. Дождь шел попрежнему. Только что подали нам самовар, как опять явился ад'ютант полковника Губастова и доложил:

—Командир приказал вам сейчас же двинуться в Айгун.

Уже вечерело, а Айгун отстоял от нас в 40 верстах.

—Теперь? На ночь глядя?

—Да.

Я приказал подать мне лошадь и поехал искать полковника. Найдя его, я обратился к нему:

—Господин полковник, только что вы меня оттянули на какие-нибудь 50—60 шагов назад, полагая, что мое положение перед вашим батальоном опасно, а теперь вы мне приказываете ночью итти по вражеской земле сорок верст, хотя при мне нет ни одного пехотного солдата для того, чтобы отразить нечаянное нападение.

Затем я спросил:

—Вы мне прикрытия не дадите?

—Не дам. Нет у меня ни одного свободного солдата.

—А свой приказ вы не отменяете?

—Нет, не отменяю.

—Хорошо, тогда я так сделаю, господин полковник: если вы мне сейчас скажете, что для пользы России необходимо утопиться нашей полубатарее, то я сейчас всю полубатарею во главе с самим собой спущу в Амур, но если вы мне не докажете, что это движение необходимо, я не пойду. Я вам подам рапорт и попрошу письменного указания, после чего лишь двинусь вперед.

Он подумал и ответил:

— Ну, хорошо, переночуйте здесь.

На другой день мы отправились в Айгун. Там уже была одна полубатарея под командой подполковника Даля. Вместе с ним мы пошли вперед.

Вскоре получились сведения, что начальник Забайкальской области налетел на китайскую колонну на речке Зюре и покрошил довольно много китайцев, а остальные бежали. Еще далее, на первом ночлежном пункте нам стало известно, что Ренненкампф дошел и до подножья хребта Малый Хинган, на котором укрепились китайцы, где после небольшой стычки оказалось, что без помощи и сильной артиллерии дальше итти нельзя.

К Ренненкампфу присоединилась моя полубатарея и остальные восемь орудий батареи Мехмандарова под его личным командованием, а также все батальоны Сретенского пехотного полка.

На другой день утром Ренненкампф повел начальствующих лиц показать место, где придется столкнуться с китайцами. Он указал на единственную площадку, на которой может развернуться артиллерия, а также место, где должен временно остановиться отряд. 8-го августа мы должны были с рассветом начать боевые действия.

Затем мы вернулись на свой бивуак и перед вечером выступили в поход, остановившись на указанном месте. В два часа казаки должны были выступить в обход левого фланга противника по лесному пути, открытому охотником кубанского казачьего войска Арсеньевым. Он сделал рекогносцировку и должен был служить проводником.

Ровно в шесть часов мы выступили. Скат Хинганского хребта, обращенный к нам, в верхней части покрыт

лесом, а пониже открыт. Вот эта открытая часть и была окопана в четыре яруса, там сидела китайская пехота. Когда мы рысью выехали на позицию, по нас открыли беспорядочный оружейный огонь.

Вслед за мной выехала батарея Мехмандарова. В этот момент, когда выпряженных лошадей отправляли для укрытия в лесу, раздался сильный взрыв. Оказалось, что китайцы, зная, что батарея станет здесь,- других подходящих мест не было,—заложили здесь мину и ловко ее замаскировали. Мина взорвала двух ездовых и четырех лошадей. Этим ограничились наши потери.

Мы открыли огонь по окопам. Китайцы оставляли их ярус за ярусом. Между ярусами у них были прорыты ходы сообщения, по которым они поднялись вверх и скрылись в лесу. Китайцы тоже стреляли шрапнелью, но неудачно. Их снаряды рвались высоко над нами, а пули перелетали через нас и падали в двухстах саженях. Наконец, прекратился и этот огонь.

Через некоторое время мы на горе услышали боевые крики наших частей - „ура". Поднявшись на хребет, мы увидели великолепный храм в честь бога войны Ляс-и-э. Тут же на носилках или прямо на земле лежали раненые. Оказалось, что пехота и казаки потеряли, в общей сложности, 70 человек. Бой продолжался не более часа. Затем нам разрешили оставаться здесь четыре часа, чтобы дать людям отдых и обед.

Это время было использовано нами для осмотра храма с его красивым убранством, грандиозной статуей Ляс-и-э и двух его телохранителей Ку-анг-шинга и Джо-Сана. Ку-анг-шинг был изображен в виде молодого улыбающегося человека с чашкой, мирно лежащей на его локте. Джо-Сан стоял с левой стороны с чашкой, поднятой вверх. Он был бородат и с искаженным злобой лицом.

Легенда говорит, что Джо-Сан завидовал полководцу Ляс-и-э. Однажды Ляс-и-э возвращался ночью к себе домой. Джо-Сан, крадучись, шел за ним, а в пустынном месте поднял на него руку. Ляс-и-э, не поворачиваясь, спросил спокойным голосом:

—Джо-Сан, какое зло я тебе причинил, что ты поднимаешь на меня руку?

Джо-Сан пробежал вперед, повернулся к нему лицом и сказал:

—Об'ясни, какая сила дает тебе возможность видеть то, что делается сзади?

—Есть люди,—ответил Ляс-и-э,—которые видят только то, на что смотрят, но есть и такие люди, для которых на луне отражается то, что делается на земле.

Джо-Сан пал перед ним на колени и сказал:

—Отныне я раб твой, делай со мной, что хочешь.

Ляс-и-э ему ответил:

—Иди в мои телохранители...

Китайцы оставили на позиции шесть орудий, из них четыре в шестиконной запряжке, горные скорострельные пушки системы Витворта, изготовленные на заводах Крупна в 1896 году. Пушки эти стреляли унитарными патронами*. Все зарядные ящики и передки были нагружены патронами. Они увезли только прицелы.

После боя, который тянулся не более четырех часов, китайцы бежали без оглядки. Дорога была усеяна ружьями и патронами, частями верхней одежды и бельем. Несомненно, что некоторые из них бежали голышем. День был жаркий. Больше нигде нам сопротивления не оказывали.

Начальник Забайкальской области отдал строжайший приказ ничего не портить, ничего не трогать, с'естные припасы и фураж брать, но платить деньги, если найдется кому. Если же хозяева убежали и платить некому, лишь тогда уже брать без оплаты.

На другой день, 5-го августа, мы дошли до города Мергена. Ни единой живой души в городе не было, но город был оставлен со всем имуществом. В домах вся обстановка на местах, все товары в магазинах также на своих местах. Надо полагать, что увезено было только золото и серебро, так как в магазинах была найдена лишь медная разменная монета, развешанная по стенам. Медные монеты у китайцев имеют отверстия посредине, их навязывают на веревку и вешают на стенку. Командование приказало окружить город цепью парных часовых

* В унитарном патроне снаряд и заряд представляют одно целое в отличие от раздельного заряжания сперва снаряда, потом заряда.

и никого не пускать без офицеров. Частям же приказано было посылать солдат под начальством офицеров и брать только то, что необходимо для продовольствия людей и кормления лошадей.

На другой день об'явили отдых. Я этим воспользовался и несколькими выстрелами определил соотношение между установкой квадрантов, которые китайцами были оставлены с орудиями, и дистанционными трубками. Таким образом мы получили орудия, которые могли быть использованы в случае надобности. После дневки мы отправились дальше. Задержка была на реке Невер, которая не широка, но глубока, и в брод ее перейти нельзя. Решено было на другой день переправиться на подручных средствах и двинуться на Хейлунгдзянскую провинцию. Нашли лодки, из них устроили нечто вроде парома и протянули канат через реку. Вдруг на противоположном берегу появилась группа всадников с белым флагом. Во главе этой группы был полковник. Им разрешили перейти на нашу сторону.

Полковник сообщил начальнику нашего отряда следующее:

— Перед вами бежит тридцать тысяч стариков, женщин и детей, они в лесу умирают с голоду. Генерал Шеу очень вас просит на неделю задержаться, чтобы их можно было устроить.

Наш командующий не согласился:

— Вы этим временем воспользуетесь, чтобы получить оружие и людей, умеющих оружием владеть.

Полковнику было разрешено написать донесение начальнику. Первый лист бумаги он занятнал словами. Наконец он взял себя в руки, и вскоре донесение на двух листах было отправлено.

Как только он уехал, нам приказали не ожидать завтрашнего дня, а двинуться сегодня. Первыми пошли казаки, потом батарея С. Мехмандарова, а за нею и моя полубатарея. При мне оставили в виде охраны одну роту, а казаки и батарея С. Мехмандарова отправились вперед.

Встретивший нас китайский офицер был начальником штаба генерала Шеу — полковником Чжан-Цзо-Лином, прославившийся впоследствии, как правитель Манчжурии. Спустя 24 года он выступил против Пекина и, заняв его, выгнал оттуда войска генерала У-Пей-Фу.

Наконец, мы подошли к Цицикару (центру Хейлунгдзянской провинции).

Реннекампф послал генералу Шеу требование открыть ворота города и сдаться, пообещав, что в этом случае ничего тронуто не будет. Шеу гордо ответил посланному:

— Я не намерен вступать ни в какие переговоры, а если бы нашел нужным переговоры, то разве только с самим, вас пославшим.

Тогда Реннекампф распорядился: две сотни с батареей С. Мехмандарова отправить окольным путем к южным воротам, там притаиться и уничтожать войска, которые будут пытаться выйти из города. С одной сотней он подошел к северным воротам, а четвертую сотню заблаговременно направил на правый берег реки Нонни, напротив Цицикара, с расчетом, чтобы китайцы могли ее видеть и принять за передовую часть отряда Орлова, наступающего из Хейлана. —

Мимо С. Мехмандарова дефилировали колонны китайских войск, но без оружия. Получив приказ Реннекампфа стрелять по ним, С. Мехмандаров возразил, что по безоружным стрелять он не может. Однако, последовал новый приказ с угрозой, если он будет нарушен, привлечения к суду.

С. Мехмандаров сделал несколько выстрелов, но через головы безоружных людей. Китайцы тут же вернулись в город...

Когда наши войска вошли в город, начальник отряда приказал найти Шеу. Ему сообщили, что Шеу принял золото внутрь, потом лег в гроб и приказал своему ад'ютанту выстрелить в него. У того задрожали руки, он выстрелил неудачно и перебил генералу ноги. Тогда сын Шеу с досадой вырвал ружье из рук 'офицера, оттолкнул его и пустил пулю в сердце своего отца. Труп исчез вместе с сыновьями и охраной. Сколько его ни искали, так и не могли найти. Вероятно его сначала спрятали в городе, а потом вынесли.

Один из моих младших товарищей, зашедший осмотреть дом Шеу, принес оттуда штук пять—шесть каких-то футлярчиков. Они были шириною около двух пальцев, причем один конец был открыт, а другой закрыт. С обеих сторон футляров, сшитых из алого сукна

золотой капителью были вышиты драконы. Длина футляров достигала, примерно, вершков шести. Я сообразил, что они представляют собой нечто вроде талисманов и взял с собой один из них. Когда я показывал этот футлярчик китайцам и спрашивал, для чего он служит, все они опускали головы и отворачивались, такой это наводило на них ужас. Только спустя год, когда мы вновь возвратились в этот город, я познакомился с одним местным китайцем, мусульманином, который об'яснил значение этого футлярчика. В тех случаях, когда кто-либо, живущий вне города Цицикара, в уезде, подлежал смертной казни, генерал-губернатор на обыкновенную стрелу из лука надевал футляр, поручая чиновнику повезти этот своеобразный приказ.

С. Мехмандаров взял из дома Шеу замечательный халат, крытый алой, очень дорогой материей. По всей спине на халате были вышиты золотом и серебряной капителью огромные драконы, а стеганная подкладка сделана из ярко-желтого атласа. Кроме того, он взял еще конической формы красного цвета колпак, на конце которого вместо мандаринской шишки висел громадной величины рубин. Обе эти вещи С. Мехмандаров отправил в Хабаровский музей.

В Цицикаре нас догнал генерал Орлов, мы соединились с ним и двинулись дальше вдоль Манчжуро-Монгольской границы. Таким образом мы доехали до впадения реки Нонни в реку Сунгари. Тут решили переправиться и пройти в город Бодунэ. Переправлялись опять на лодочках. Хотя и трудно было с орудиями и запряжками, но переправа прошла безболезненно. Из Бодунэ Ренненкампф с казаками ускакал вперед. Они направились в другой важный город Манчжурии—Гирин (центр Гиринской провинции) и с налету захватили его. Отряд Орлова и наша батарея были вызваны в Харбин.

Батарея С. Мехмандарова осталась в Харбине, нашу же батарею отправили в город Шуан Чен-Пу, отстоящий в 60 верстах от Харбина, недалеко от железнодорожной станции Цу-Тун. Начальник города и округа полковник Люу-Данон оказался человеком энергичным, очень любезным и принял нас подобающим образом. Мы же, поселившись в городе, абсолютно ничего не тронули. Это было в сентябре 1900 года. В этом городе мы перезимовали.

а ранней весной 1901 года нам приказано было перейти в местечко Тала-Джао.

Двинулись в путь. По дороге нам надо было перейти через реку Ляо-Хэо, покрытую льдом. Один из офицеров, штабс-капитан Нежинцев усиленно мне советовал не делать этого. Я решил лично проверить крепость льда. На мне была тяжелая зимняя одежда, а подо мною огромная лошадь. Я галопом проскакал до того берега и галопом же вернулся назад. Лед выдержал. После этого решили совершить переход. Батарея благополучно перешла на другой берег, только задний ход одного зарядного ящика проломил лед. С великим трудом мы его вытащили на берег. Оказалось, что обоз труднее перевезти, чем артиллерию, чего мы никак не ожидали. Дело в том, что обоз у нас был на двуколках, узкие шинные колеса резали лед. Увидев, что на берегу сложены доски для какой-то стройки, я приказал сделать из них носилки и положить их на перевес—одним концом на лед, другим—на землю. По этим доскам мы перевезли обоз через тонкую кромку льда.

На другой день мы прибыли в Тала-Джоо. Вскоре и командир дивизиона и командир батареи отправились в экспедицию. Они долгое время отсутствовали. Я остался один и за командира дивизиона, и за командира батареи.

Здесь был интендантский склад, откуда получал муку 18-й полк и пек из нее хлеб, но мука оказалась недоброкачественной, что было подтверждено исследованием, произведенным нашим врачем. В связи с тем, что мы вели наше хозяйство очень честно, у нас собралась огромная экономия, и мы из этих сбереженных сумм покупали хорошую муку. Одновременно мы донесли об этом корпусному интенданту.

Вскоре нашу батарею перевели в Цицикар. В нем повторилась старая история с мукой, получаемой в интендантском складе. Оказалось, она также негодна. Пришлось вновь обратиться к корпусному интендантству. Однако оттуда поступило запрещение на покупку хлеба за собственные средства. Тогда мы взяли пробу муки и в запечатанном пакетике отправили в лабораторию Томского Университета. Вскоре пришел ответ: мука абсолютно непригодна в пищу. На этот раз корпусное интендант-

ство ничего не ответило, а переправило всю переписку в окружное Военно-медицинское Управление. Последовало указание, что не подобает муку посылать на пробу в другое ведомство. Но никаких распоряжений отдано не было.

Дело в том, что, не зная о ресурсах Манчжурии, где можно было достать очень дешево и овес, и ячмень, и крупу,—все везли из России. Переплатив большие деньги за перевозку, командующий войсками приказал израсходовать все, что было завезено. О непригодности муки ему не было сообщено.

Прошло некоторое время. Начали отпускать такой овес, от которого отказывались наши лошади. Надо учесть, что у нас были великолепные орловские и воронежские кони, а в других полках монгольская и манчжурская калечь, которая пожирает все, что ни дадут. Я отправился к заведующему интендантским складом, заявив ему, что часть интендантского овса затхлая, а часть „пьяная". Некоторое время после этого мы получали хороший овес. Но спустя недели две мне доложили: сегодня 88 лошадей овса не тронули. Опять пришлось итти с ходатайством, но на сей раз безрезультатно.

К тому времени мой командир успел вернуться и вступил в командование дивизионом, а я в командование его батареей. Как только он узнал, что я выкинул такой номер, он мне заявил:

— Знаете, Али, с интендантством бороться нельзя. Нам начет будет, а вам может быть выговор, если не больше.

Через три дня мы вновь получили „пьяный овес", и лошади остались голодными. Я написал рапорт и послал его командиру. Он тотчас пришел ко мне и старался убедить:

— Знаете, Али, голубчик, не упрямьтесь, возьмите эту бумагу, с интендантством нельзя спорить.

Но я ответил твердо:

— Если в течение месяца не будет получен ответ на рапорт, я обжалую ваши действия, напишу начальнику артиллерии корпуса.

Тогда он вынужден был пустить в ход это дело, и оно дошло до корпусного командира генерала Штакельберга. Во всех инстанциях, по пути прохождения моего

рапорта, прочитав „прошу довести до сведения Командующего округом", страшно пугались. Начальник гарнизона полковник Фотенгауэр вскоре получил от корпусного командира следующую телеграмму: „Немедленно составить комиссию из офицеров вашего полка. В эту комиссию назначить капитана Шихлинского и ветеринарного врача Забайкальского артиллерийского дивизиона; осмотреть все три сорта овса и из каждого сорта образцы в мешочке за печатью председателя комиссии прислать мне с описанием, что они нашли".

Председателем комиссии был назначен старый капитан Бунин, кроме него в комиссию входили еще два пехотных капитана. Десять солдат моей батареи привели десять самых церемонных лошадей. „Зачем это?" — спросили меня. „Это лучшие эксперты". Я предложил поставить перед лошадьми поодаль друг от друга три мешка: один с хорошим овсом, другой с „пьяным", и третий с затхлым. Лошади, как я и предполагал, оказались самыми убедительными экспертами, отказавшись от дряного овса, они набросились на хороший.

Акт и пробы всех сортов были посланы корпусному командиру. Будучи гвардейским офицером, он знал толк в кормлении лошадей и через три—четыре дня была получена телеграмма на имя начальника гарнизона: „Прикажите, чтобы отныне не выдавали в Забайкальский артиллерийский дивизион ни пьяного, ни затхлого овса".

Я же получил телеграмму от корпусного интенданта— „Представьте расчет, сколько денег до сих пор вами израсходовано на покупку белой муки. Немедленно эти деньги будут ассигнованы из отделения Русско-китайского банка, и в дальнейшем вам разрешается кормить своих солдат покупной мукой."

Я принес эту телеграмму моему командиру. „Ну, что, вышло?"—говорю ему. А он отвечает:

— Знаете, Али, вы герой, прямо герой. Огромное надо иметь мужество, чтобы вести войну с интендантством!

* * *

В начале 1903 года нам об'явили, что батарея возвращается на старую штаб-квартиру в город Нерчинск, в Забайкалье.

С. Мехмандаров взял шестимесячный отпуск и поехал в Россию, в Петербург. По окончании этого отпуска, он попросил зачислить его в переменный состав офицерской артиллерийской школы для того, чтобы пройти ее курс. Там он учился семь месяцев, а в общем отсутствовал около двух лет. В течение всего этого времени я командовал батареей.

В начале апреля мы выступили из Харбина и приехали в Нерчинск в первый день пасхи. Управление дивизионом тоже перешло в Нерчинск. Здесь мы получили за отличие в делах против китайцев награды: для батареи—серебряные на георгиевской ленте трубы, а я был награжден орденом Станислава 2-й степени с мечами. За военные отличия на ордена накладывались золотые мечи.

Здесь я принялся за подготовку молодых солдат, которых начал учить уже в Харбине. В это время был получен приказ от командира дивизиона с требованием прислать ему штаб-трубача. Я донес, что назначаю Шавера—молодого солдата. Через своего ад'ютанта командир дивизиона выразил недовольство тем, что Шавер —еврей. Это было сказано только на словах. Что ж, пришлось отменить свое распоряжение.

Молодые солдаты окончили курс обучения, и командир дивизиона решил ознакомиться с ними. В команде молодых солдат было 85 человек. Обычно в артиллерии верховой езде обучают только одну третью часть каждого призыва, я же выучил всех 85 человек и доложил об этом командиру дивизиона, любителю верховой езды. Он был очень доволен и начал смотр с езды. Всех людей я разбил на четыре смены, таким образом один остался лишним. Им был как раз Шавер, который во всех четырех сменах являлся ведущим, так как отлично ездил. Солдаты ездили стоя, шагом и рысью; на рыси спрыгивали со стоячего положения, висели и вновь вскакивали в седло без стремян, соскакивая то в одну, то другую сторону. Словом, видно было, что люди действительно обучены езде. Когда прошли три смены, командир спросил: „Что же ведущий у вас один и тот же ездит?" Я об'яснил ему, но при этом не назвал фамилии.

После езды он смотрел гимнастику. Люди делали все хорошо, но проворнее всех оказался Шавер. Наконец,

поставили, так называемую, деревянную лошадь огромных размеров, ее постепенно поднимали на стойках. На самой последней установке перепрыгнул только Шавер. Командир дивизиона выразил одобрение:

— Какой ловкий солдат, прямо замечательно.

Подозвал его к себе и сказал: „молодец".

Тогда я напомнил:

— Господин полковник, это тот самый Шавер, которого я вам посылал в штаб-трубачи и от которого вы отказались.

Командир вновь подозвал Шавера, снял шапку, низко ему поклонился и сказал:

— Поздравляю тебя с хорошими успехами и благодарю твоего командира за то, что он подготовил такого хорошего трубача.

Летом 1903 года, для проверки пропускной способности одноколейной в то время Сибирской магистрали, решено было перебросить в Сибирь два полка 35-й пехотной дивизии и один дивизион 35-й артиллерийской бригады. Последний, под командой полковника Бушена, был расположен в городе Нерчинске. Батареям прибывшего дивизиона выдали новые скорострельные пушки, с которыми они не были знакомы, а мы успели уже две годовые практические стрельбы провести из этих пушек. Я основательно ознакомился с их особенностями, главным образом, с устройством и использованием прицельных приспособлений. Полковник Бушен просил моего командира дивизиона назначить офицера, который мог бы ознакомить их с новыми орудиями. Назначили меня. В нескольких сообщениях я ознакомил весь состав дивизиона 35-й артиллерийской бригады с прицельными приспособлениями скорострельных пушек как теоретически, так и практически.

Приготовились зимовать в Нерчинске. В начале ноября 1903 года вернулся С. Мехмандаров. Всеми моими распоряжениями он остался очень доволен, а распоряжения были таковы: в связи с тем, что у нас накопились большие сэкономленные суммы, и я боялся, как бы их не отобрали высшие штабы, большую часть их я израсходовал на свою же батарею. Я выписал конскую амуницию на всю артиллерию и на весь обоз, затем выписал хорошие, очень теплые одеяла на весь личный состав,

купил великолепный прочный экипаж московской работы, с электрическим фонарем, собственным аккумулятором и пр. На все это была израсходована 31 тысяча рублей, у нас оставалось еще 16 тысяч рублей сбережен-ных денег.

С. Мехмандаров принял батарею, расписался во всех книгах и в приеме денежных сумм, но денег не сосчитал. Я удивился, почему он не сосчитал денег. Тогда он улыбаясь, сказал:

— Ведь вы сосчитали, зачем же мне еще пересчитывать?

Надев шапку набекрень, что он делал, когда бывал в хорошем настроении, Мехмандаров положил ключ от денежного шкафа в карман и ушел домой. Мои младшие товарищи были этим очень удивлены, так как знали, как ревниво наш командир относится к казенным суммам. Я об'яснил им: такие люди, как С. Мехмандаров, если уж кому-либо доверяют, то доверяют во-всю, без остатка; меня же он знает с 1888 года.

УЧАСТИЕ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

4-го января 1904 года к нам прибыло пополнение из 85-ти молодых солдат. Я начал с ними занятия по обычной программе, но то, что случилось 26-го января, заставило меня изменить принятый порядок. В ночь с 26-го на 27-е января японцы предательски напали на нашу эскадру, стоявшую на Порт-Артурском рейде, и взорвали несколько судов*. На другой день была об'явлена война, и мне пришлось курсы молодых солдат вести так, чтобы в кратчайший срок они могли бы быть поставлены к орудиям, а остальные занятия пока оставить. К концу февраля это мне удалось, и 3-го марта я уже выступил в поход против японцев.

С. Мехмандаров уведомил меня по телеграфу, что он назначен командиром 7-го стрелкового артиллерийского дивизиона, входящего в состав 7-й Сибирской стрелковой дивизии, поэтому батарею в поход повел я. В Харбине нас нагнал подполковник Лаперов, назначенный новым командиром нашей батареи; я знал его еще по Кавказу с 1887 года. Батарею он принял прямо в вагонах, и дальше мы поехали под его командой. Командир 1-й батареи и 2-й полубатареи с хозяйственной частью остались в Мукдене, а моя полубатарея была отправлена на Квантунский полуостров. Тут я стал в подвижной резерв на станции Нангалин, откуда отделялась ветка на город Дальний. Здесь же стоял батальон 18-го Сибирского стрелкового полка.

26-го или 27-го марта, в пятницу страстной недели, была дана тревога: якобы в бухте Инченза на море увидели огни и заподозрили, что японцы производят десант

---

* Были выведены из строя 2 лучших броненосца „Ретвизан", „Цесаревич" и крейсер „Паллада" (Ред.).

на шлюпках. Наш подвижной резерв вместе с пехотой и артиллерией был немедленно двинут на станцию Ичеиза. По побережью полуострова расположились морские посты для наблюдения за морем, от одного из этих постов и исходило сообщение, будто на море видны огни. Погода была ужасная; шел дождь и дул холодный ветер. На полуостров была командирована и конно-охотничья команда 13-го полка под начальством поручика Ермаковского. Под утро Ермаковский вернулся на станцию и доложил, что об'ездил все побережье, но нигде никаких огней, никаких признаков японских солдат не нашел. Тревога оказалась ложной. Мы вернулись назад.

Здесь мне хочется упомянуть об одном своем солдате, которого я не перестаю прославлять с тех пор при каждом удобном случае. Когда мы вернулись на станцию Нангалии, наш поезд был поставлен в таком месте, что отгрузить орудия с платформы представлялось невозможным. Рельсы, по которым мы хотели спустить орудия, упирались одним концом в полотно железной дороги, а другой их конец торчал над платформой. Если опустить рельсы на уровень платформы, они не доходили до дамбы, на которой находилось полотно. Как мы ни прикидывали, ни до чего додуматься не могли. Тогда один из моих молодых солдат, прибывших из Орловской губернии, Новиков доложил, что он берется отгрузить. Я ему разрешил. Рельсы он поставил так же, как и мы, но затем предложил двум солдатам поднять конец рельс горизонтально. Когда верхняя половина рельс легла на платформу, на нее же поставили орудия своими колесами, а затем осторожно подкатывали их к краю платформы. Подойдя к самому краю, они своим давлением опустили рельсы вниз. После этого вторично положили рельсы, чтобы спустить передок.

Таким образом все орудия и зарядные ящики были спущены на полотно железной дороги.

Прошло 38 лет, и при каждом случае погрузки на железную дорогу эту задачу я задаю всем присутствующим, но никто никогда не сумел ее разрешить. В 1925 году мы стояли в лагере под городом Сурамом. Приехал туда заведующий передвижением войск Отдельной Кавказской армии для показа войсковым частям разли-

ных способов погрузки и выгрузки. Это был человек с огромным опытом.

Я показал ему новиковский способ выгрузки орудий. Он был очень доволен и поблагодарил меня за учебу, но я не преминул сказать ему, что это—идея канонира Новикова, к сожалению, погибшего от раны.

Недели через две после событий на станции Нангалин моя полубатарея передвинулась к городу Дальнему. Нам указали сборный пункт, куда нужно являться в случае тревоги. Кроме того, указали на побережье места для позиций в случае десанта японцев.

Однажды среди белого дня была дана тревога. Я явился на сборный пункт, там присоединился к 14-му стрелковому полку под командой полковника Грязного и пошел за полком по шоссе. В одном месте полк повернул влево на крутую горку, куда батарея подняться не могла. Я доложил полковнику Грязному, что по шоссе об'еду эту горку и совершенно скрытно выйду на гору, которая была назначена нам позицией.

Он мне этого не разрешил, а приказал итти за ним, что было абсолютно невозможно. Солдаты и молодые офицеры поползли на горку, а лошадь полковника его не поднимала. Он сошел с лошади, отдал лошадь солдату, однако, и его старые ноги стали скользить. Тогда он обнажил шашку, втыкал ее в землю и, таким образом, с трудом поднимался. Я, увидев его, крикнул:

— Господин полковник, вы все-таки требуете, чтобы батарея шла с вами?

Он ответил:

— Обязательно.

Тогда я скомандовал „рысью“ и пошел по шоссе. Я обошел гору совершенно незаметно, вошел в лощину между двумя горами, там снял с передков и поднял орудия на указанное место. Орудия я замаскировал, чтобы с моря их не было видно. На горе оказалась группа начальствующих лиц, приехавших из Порт-Артура. Минут через десять после меня и полк стал на мою позицию.

30-го марта совершилось тяжелое для русского флота событие—потонул броненосец „Петропавловск“ и на нем известный адмирал Макаров. Это на все наши войска произвело чрезвычайно тяжелое впечатление.

Вскоре приехала к нам и вторая полубатарея с нашей хозяйственной частью, во главе с новым командиром батареи, и мы стали все вместе.

Японцы произвели десант у Бицзыно и оттуда повели наступление на нашу позицию у Цзиньчжоу. Цзиньчжоуская позиция представляла собой горный массив с несколькими вершинами. Этот массив заполняет весь перешеек между Цзиньчжоуским и Таличванским заливами. По берегу Таличванского залива идет железная дорога, а по берегу Цзиньчжоуского залива—грунтовая колесная дорога.

Цзиньчжоускую позицию занял 4-й Сибирский стрелковый полк; там были старые пушки, вывезенные из крепости, не могущие быть заряженными, полевой же артиллерии на этой позиции не было.

Японцы намеревались обойти Цзиньчжоускую позицию с нашей стороны по грунтовой дороге. Это их намерение мы отбили прицельным огнем. Незадолго до заката солнца, 5-му полку, понесшему большие потери под концентрическим огнем японцев, приказано было отступить. Японцы густой массой появились на вершине с флагами в руках, торжествуя победу. Однако мы открыли учащенный огонь по ним, они принуждены были спрятаться в окопах нашего 5-го полка и забрать свои флаги.

Ночью мы передвинулись на станцию Нангалин, а на другой день пошли дальше по средне-артурской дороге (были еще две дороги по морскому побережью с западной и восточной стороны Квантунского полуострова). Эта дорога переваливала через, так называемые, Зеленые горы, причем перевал был весьма тяжел. Шоссе делало короткие зигзаги с очень крутыми поворотами, и под'емы были довольно крутыми. У начала под'ема мы остановились ночевать с тем, чтобы горы перевалить на другой день. 15-го мая мы перевалили через Зеленые горы. Часть войск пошла дальше и остановилась перед так называемыми, Волчьими горами, а другая часть остановилась на Зеленых горах, укрепляя их полевыми окопами.

Левый фланг Зеленых гор, а именно гора Юшлаза имела большое тактическое и даже стратегическое значение, ее особенно сильно укрепили. Здесь поставили ба-

тальон старика Гусакова, который об'явил: „Я князь Юшлаза, здесь умру, но позиции не сдам". Тяжелая японская граната его там погребла.

Тут же на седловине двух вершин этой горы был поставлен взвод 1-й батареи нашей бригады под командой высоко доблестного поручика Глебович-Полоцкого (замечательный был человек, погиб во время мировой войны). Наша вторая батарея была поставлена на шоссе над деревней Суан-Цай-Гао против станции Инчензе, у которой стояли 4 японских батареи, но стрелять отсюда нам не пришлось, так как противник был от нас очень далеко.

Борьба на Зеленых горах и на Юшлазе шла до 15-го июля (мы были там два месяца), когда войска подались назад. 16-го июля мы заняли район Волчьих ворот, отстоящих от Порт-Артурских верков в верстах восьми, и окружающую площадь между этими верхами и самими Волчьими горами. Инженеры здесь накопали таких окопов, из которых ближе 4-х верст стрелять было нельзя. Шесть орудий я оставил на месте, а два поднял на вершинку правее позиции, замаскировав на всякий случай. Перед нами открылась широкая горизонтальная долина, ниже долины — кряж, за кряжем — вторая долина, а уже за той долиной поднимались Зеленые горы. Вот за этим то кряжем и расположена деревня Дацафаньшань, которая нам совершенно не была видна.

Против деревни, на скрывающей ее горе, стояла часть охотничьей команды 13-го Сибирского стрелкового полка. Оттуда нам сообщили, что японская колонна, спускаясь с Зеленых гор, располагается бивуаком как в самой деревне, так и около нее. Расстояние от нас до этой деревни было немногим меньше четырех верст.

Деревни мы не видели. Я просил прибывшего оттуда офицера, прапорщика запаса Храмова, наблюдать за нашей стрельбой и, если снаряды не будут долетать, показать красный флаг, если перелетать белый флаг, а если попадут в цель, то поднять оба флага вместе.

Я опять прибег к обычному своему простому способу: на карте прочертил линию из вершинки, на которой стоял мой взвод, через деревню Дацафаньшань и продлил ее до Зеленых гор. Линия уперлась в скалистую вершину, которая отлично была видна от нас. Я приказал

направить орудие на вершинку, прицел и уровень поставил на четыре версты и открыл огонь. Нам сразу показали два флага. Так как целью являлась большая деревня, я стал обстреливать ее при высоте прицела 96, 98 и 100 с тем, чтобы покрыть глубину, примерно, в 150 метров, а так как деревня располагалась ниже, чем наша батарея, то дистанционную трубку я поставил на два деления длиннее, чем прицел. Результаты получились прекрасные. Храмов полетел кубарем с горки и лично прискакал сообщить нам о результатах нашей стрельбы. Он об'явил, что пули покрывают всю деревню. Японцы, не ожидавшие такого огня, в панике бегут из деревни. Бегут и жители, весь бивуак перемещается в другое место.

В это время приехал на позицию начальник бригады и приказал прекратить дальнейшую стрельбу, сказав:

— Сейчас вы достигли цели стрельбы, а дальнейшая стрельба только обнаружит вашу позицию, которая вам завтра пригодится.

Перед нами был расположен 13-й Сибирский стрелковый полк. Этот полк не выходил из боя несколько дней и ночей и был страшно утомлен. Об этом мы доложили генералу. Он сказал, что это ему известно, и завтра на рассвете этот полк будет заменен 14-м Сибирским стрелковым полком. Но японцы атаковали окопы этого полка ночью до рассвета. Секреты, находившиеся перед полком, проспали атаку. Японцы сразу появились над окопами полка, погруженного в сон. В результате полк ушел из своих окопов.

Оказалось, что не только наша батарея, но и 3-я и 4-я батареи нашей бригады в таком же положении, т. е. стрелять со своих позиций ближе как на 4 версты, они не могут. Из тех батарей, как и из нашей, по два орудия было выдвинуто на вершину. Из третьей батареи вышел капитан Гобято, из 4-й батареи—поручик Якубович, остальные шесть орудий каждой батареи, как и у нашей, оставались в положении бездействия.

Рано утром завязался артиллерийский бой, и наши три взвода открыли огонь по японской пехоте. Японская артиллерия навалилась, на один наш взвод навалилось не менее 2-х батарей. Батарейные командиры отвели свои

шесть орудий назад, так как они все равно действовать не могли, за широкий лог, находившийся за нами. На позиции остались три взвода. Через некоторое время Гобято и Якубович отошли, и я, занимавший правофланговое положение, остался один. Помня завет старины, что артиллерия не может оставлять позицию без прямого приказа, я упрямо сидел на месте и отвечал двумя орудиями на три японские батареи, в общем составе из 18-ти орудий (у них были шестиорудийные батареи).

Японские орудия менее дальнобойны, чем наши. Их шрапнель до нас не долетала, стреляли по мне гранатами, а я бил их шрапнелью. Гранаты попадали только в крутой откос на холмике перед нами, зарывались в землю или перелетали через холмик и ложились далеко позади нас, не причиняя нам никакого вреда, на самую же вершинку, где стояли наши части, ни одной гранаты не попало, иначе нам пришлось бы плохо.

Тем не менее вершинка горы все время находилась в дыму разрывов неприятельских снарядов.

Вдруг, левее нас, на той вершинке, которую раньше занимал Гобято, появилась японская пехота, не дальше, как в 300—400 шагах от нас. Прикрытия пехотного у нас не было. В это время мой командир батареи остановил какую-то пехотную роту, отходившую назад, повел бегом ее к нам, расположил у опушки находившейся здесь же китайской усадьбы и приказал открыть огонь по японским стрелкам. Японцы, готовившиеся было атаковать мой взвод, остановились, а командир батареи приказал мне немедленно отступить и вслед за тем подал на позицию передки. Мой взвод потерял двух солдат и пять лошадей от ружейного огня пехоты. Мы не только ничего существенного, но даже пустых стреляных гильз не оставили японцам, успели все уложить, с убитых лошадей сняли сбрую, положили в зарядные ящики и увезли.

Пройдя через широкий лог, на противоположной его стороне, я занял новую позицию, рядом со взводом Гобято, который уже стрелял оттуда. Гобято был верхом на лошади. Я его спросил:

— Почему ты не слезаешь? Ведь верхом скорее тебя поразить могут, по нас же стреляют.

Он ответил, что не может стоять на ногах потому,

что ранен в ногу. Оказалось, что у него бедро разбито пулей. Скоро к нашему взводу присоединились остальные части батареи и у нас собралось 16 орудий. Мы приостановили продвижение японской пехоты по лежавшему перед нами широкому логу, и под нашим огнем противник начал окапываться.

Только теперь 14-й полк подошел на смену 13-му, но уже было поздно. Всем частям было предложено войти в крепость. Мы вошли. Это было 17-го июля 1904 года, когда началась тесная осада Порт-Артура.

Сухопутный фронт крепости Порт-Артура был разделен на три фронта: восточный фронт — от морского берега до речки Лунвантунь, западный — от этой речки до горы Ляо-Тя-Шан и небольшой участок, несколько выдвинутый вперед между этими двумя фронтами, образовал северный фронт, не имевший особого тактического значения. Восточным фронтом командовал генерал Горбатовский, западным - мой командир бригады полковник Ирман и северным -командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Семенов. Наиболее важным был восточный фронт и на него сильнее всего наседали японцы. Впоследствии падение этого фронта решило участь крепости.

Генерал Горбатовский, человек чрезвычайно добросовестный, распоряжался очень толково, но об'явил, что он больше двух недель выдержать не сможет и просит его каждые две недели кем-нибудь заменять. Заменял его генерал Надеин, который распоряжался очень неумело. Для примера приведу такой факт.

Однажды ночью генерал Надеин вызывает меня к телефону и говорит:

— Повидимому японцы собираются атаковать третий форт, обстреляйте противника шрапнелью этой ночью.

На мой вопрос—„А где они собираются?"—генерал ответил: „Не знаю", и повесил трубку. Из своего блиндажа Надеин никогда не выходил, Горбатовский же постоянно бывал на позициях.

Полковник Ирман был человек чрезвычайной храбрости. Обычно принято говорить — безумно храбрый, но я его назвал бы бестолково храбрым. Он все время ходил во весь рост по самым высоким точкам, не делая ника-

ких распоряжений, не командуя своими частями, которые были предоставлены сами себе. От него ни на шаг не отставал его штаб-трубач Шавер, которого Ирман наградил двумя солдатскими георгиевскими крестами (это был тот самый Шавер, от которого он некогда отказывался, как от еврея).

Крепость Порт-Артур ни с какой стороны не подходила к типу современных крепостей. Это случилось, главным образом, потому, что план крепости составлялся не военными специалистами, а основывался на требовании министра финансов, чтобы гарнизон крепости был не более четырех с половиной тысяч человек, а для такого гарнизона нельзя было строить крепость—лагерь современного типа. Пришлось занять вершины, почти прилегающие к окраине города и обнимающие очень тесное пространство, окаймляемое с юга морем, а с севера фортами.

Форты были построены почти на тех же местах, где раньше стояли примитивные китайские укрепления. Эти последние были на вершинах усеченной конической формы, спускающихся к противнику очень крутыми скатами. Форты были вооружены орудиями образца 1877 года на высоких лафетах, открыто стоящих на крепостном валу. Как по крепостным валам, так и по этим орудиям пристреляться было чрезвычайно легко, и японские орудия образца 1902 года, скрытые за холмами и кряжами, безнаказанно забивали наши орудия.

Очень много построек было возведено самими войсками уже после об'явления войны. Эти постройки более или менее аннулировали дефекты самой крепости. К началу осады мы имели 8 фортов и рядом с ними 8 временных укреплений, затем было построено 4 форта и 3 временных укрепления, пятый форт был начат, но недостроен, остальные же форты и укрепления не были даже начаты.

Наша батарея первоначально была оставлена в резерве западного фронта и расположена в новом городе, так как в любой момент нас могли вызвать на позицию. Каждый день я приезжал и осматривал тот или иной участок фронта, отмечая на нем удобные позиции.

6-го августа пала Угловая гора, после того, как ее доблестный командир, старик подполковник Василий Федо-

рович Лисаевский получил пять ран. Необходимо было на Высокую гору выдвинуть полевые орудия. Моему командиру батареи приказали послать туда один взвод (два орудия). Он был в нерешительности, кого послать. На Волчьих горах в перестрелке с японцами был я, поэтому надо было послать одного из трех остальных офицеров. Увидев, что командир не может решиться, кого назначить и молчит, я заявил:

— Если прикажете, я поеду.

Он сразу ухватился за это предложение и сказал:

— Пожалуйста.

Я отправился на Высокую гору. До моего прихода на левом конце острого гребня этой горы было сделано два оконца для моих орудий. Это было 7-го августа. На Угловой горе уже были японцы. Они сидели в наших окопах. Через окопы было перекинуто перекрытие, изображавшее легкий полевой блиндаж. На этом перекрытии сидел японец, спустив ноги в окоп, и с биноклем в руках наблюдал, что делается на нашей стороне. У нас на гребне Высокой горы стояли шестидюймовые орудия и мои две трехдюймовки, крутой же скат, обращенный к противнику, окопан был в несколько ярусов, и там сидела наша пехота. Надо было сбить этого японского наблюдателя, чем я и занялся. Завидев блеск выстрела моего орудия, японец падал в окоп. Пули разрывающейся шрапнели перелетали через него, не задевая. Он опять поднимался, садился в своей старой позе и наблюдал за нами. После трех таких безрезультатных выстрелов, я придумал следующий прием: приказал первое орудие зарядить гранатой, второе—шрапнелью; первое орудие навести на перекрытие блиндажа, а второе туда же, как обычно. Первому орудию приказал:

— Поставьте трубку на удар.

Второму:

— На 350 деления трубки.

Затем сказал:

— Слушайте внимательно. Одно орудие должно стрелять за другим.

Потом скомандовал:

—Первое. Второе.

Ударная шрапнель первого орудия шлепнулась в перекрытие блиндажа, из-под которого, как мыши из

мешка, высыпалось 10—12 японцев. В этот момент разорвалась шрапнель другого орудия и покрыла всех этих людей. Таким образом наблюдение японцев за нашим расположением на Высокой горе было ликвидировано.

В течение дня мы продолжали обстреливать Угловую гору, но японцев там почти не обнаруживалось. Мы держали только редкий огонь, предполагая, что на том скате есть орудие, и мы его обстреливали, не видя результатов своего огня. Вечером мне приказано было вернуться к батарее.

8-го августа комендант крепости генерал Смирнов вызвал командира батареи к себе в штаб. Тот, как всегда, взял с собою меня. Комендант крепости вышел к нам и сказал, что наши крепостные орудия оказались не в состоянии бороться с японскими, что у нас выведено из строя очень много орудий и крепостных артиллерийских офицеров. Потом, показав на карте, добавил:

—Займите вот эту Безымянную гору и откройте огонь по закрытым японским батареям; если вы и не сумеете особенно сильно поражать их, то постарайтесь хоть вызвать замешательство. Когда батарея пройдет мимо моего штаба, вы ее остановите и доложите мне. Я поздороваюсь с людьми и напутствую их.

Мы вернулись к себе и повели батарею в старый город, где был расположен штаб крепости. Комендант вышел, поздоровался с людьми, пожелал им удачи и приказал итти на правый фланг Драконова хребта, остановиться сначала на Большой горе, а затем перейти на Безымянную гору. На Большой горе мы переночевали под открытым небом.

Как было указано, в крепостной артиллерии мы потеряли убитыми и ранеными очень много офицеров, так что пришлось пополнить ее офицерами из полевых батарей, в том числе двумя братьями Карамышевыми. Туда же, в крепостную артиллерию, добровольно вступил бывший артиллерист, ныне военный юрист, капитан Вельяминов, а также капитан Разумовский. Таким образом, полевые батареи пришли на помощь крепостной артиллерии.

9-го августа нашей батарее приказано было с наступ-

лением темноты перейти на указанную ей позицию на Безымянной горе. Эта гора впоследствии была названа по фамилии моего командира Лаперовской. Она стояла за линией форта № 3 и временного укрепления № 3. Вершина этой горы была, примерно, на одной высоте с третьим фортом, но значительно превышала третье временное укрепление. Немного левее, на скате нашей горы, стала крепостная артиллерийская батарея, названная Курганной.

Оказалось, что на скате Безымянной горы уже было выкопано 8 окопов для орудий, а между ними пирамидальные ямы-могилы, в которых можно было укрываться от ружейного и пулеметного огня японцев. Как сама местность, так и расположение наших войск были нам совершенно незнакомы. Мы решили установить свои орудия и лечь спать, а на завтра, с рассветом, произвести разведку и тогда отдать распоряжения, соответственно положению вещей. Но этому не суждено было осуществиться.

Около часа ночи японцы атаковали Драконовый хребет между Орлиным гнездом и Скалистым кряжем. Атака велась большими силами и с огромной энергией. Повидимому, японцы хорошо знали, что в этом месте нет артиллерийской обороны, и что, прорвавшись здесь, они могут сразу выйти в тыл Драконового хребта. О прибытии сюда нашей батареи они не подозревали. Наша батарея, незнакомая с местностью, с расположением своих и неприятельских войск, во всяком случае, не имела права стрелять через свои войска, но обстоятельства заставили ее открыть огонь.

Мы все время слышали команды: „Рота пли“, „Взвод пли“ и т. д. А потом вдруг с нашей стороны: „ура“, а со стороны японцев: „банзай, банзай“*. Затем наступало некоторое затишье и вновь раздавалась команда наших ротных и взводных командиров. После нескольких ротных и взводных залпов, сопровождаемых криками „ура“ и „банзай“, мы ясно себе представили, что идет жестокий штурм.

Вдруг к нам прибежал унтер-офицер и заявил, что находящаяся около Заредутная 6-дюймовая батарея

---

* „Банзай“ по русски „ура“ (Ред.).

и 9-ой новая „Волчья“ мортирная батареи стрелять по войскам противника не могут. Все офицеры и солдаты этих батарей с оружием в руках с ночи сидят в окопах и отбивают штурм то огнем, то штыком.

—Наши офицеры просят нас, если возможно, открыть огонь, так как японцы очень сильно нажимают. Мы скашиваем один ряд, а за ним вырастает новый ряд, вдвое больший.

В таком положении отказать в помощи было нельзя и, как всегда, командир батареи опять предоставил мне распоряжаться. Я развернул карту. Ясная полная луна освещала почти как днем. Карта показала, что небольшой крутой скат имеется перед самыми нашими окопом, а потом идет широкая площадка, почти горизонтальная, и на этой открытой площадке расположены два наших редута, захваченные японцами еще 8-го числа. За ними идет опять очень крутой скат вниз. Вот за этим крутым скатом, очевидно, японцы накапливаются и оттуда ведут наступление на наши окопы. Это благоприятствовало нам.

Я решил открыть огонь и, как всегда, прибег к простейшему средству: приказал орудиям сделать наводку на окопы, занятые нашей пехотой, затем открыть затворы орудий так, чтобы по каналу ствола был небосклон, но не гребень горы. После этого я приказал это положение орудия отметить по уровню, а затем каждое орудие поднять еще выше на четыре деления прицела с тем, чтобы наши снаряды никоим образом не могли задеть гребня горы. Таким образом, определился наименьший прицел* для каждого орудия. Хотя орудия были расположены так, что стояли на разных высотах, мы были уверены, что, во всяком случае, снаряды их ни одного из наших окопов не заденут. После этого первый залп я сделал при установке дистанционной трубки на 600 сажень (до нашей пехоты было 500 сажень), второй залп сделал на 800 сажень, и третий—на 1,000 сажень. Этот третий залп соответствовал тому месту, где, по моему предположению, накапливались японцы. По-

* Наименьший прицел—такой прицел, ниже которого стрелять нельзя, т. к. прикрывающий гребень, находящийся впереди орудия, не позволяет придать орудию меньший угол возвышения (Ред.).

сле этого я замолчал. В это время опять прибежа унтер-офицер с веселым лицом и доложил, что посл первого нашего залпа японцы, шедшие в атаку, повер нули назад.

—Офицеры просят вас продолжать огонь,—сказал он

Я продолжал стрелять при одних и тех же установ ках прицела, но при разнообразных установках трубк от 600 до 1200 саженей. Вскоре, как команды „рот пли", „взвод пли", также „ура" и „банзай" прекрати лись, штурм сказался отбитым.

На другой день утром штабс-капитан Ручьев, коман дующий „Волчьей" мортирной батареей, прислал мне ма ленький рисунок, на котором было изображено их по ложение, с надписями: „Орлиное гнездо", „Скалистый кряж", „Заредутная батарея", моя батарея, редуты №№ 1 и 2. Далее были начерчены стрелы, направленные в сторону японцев и над ними надпись: „Так бежали японцы из-под ваших шрапнелей."

Я сейчас же пошел к Ручьеву на наблюдательный пункт. Он меня ознакомил с местностью и указал на груду трупов японцев перед окопом на площадке. Эти трупы наши санитары убирали в течение трех суток и ночью вывозили на повозках.

В газете „Правда" от 28-го апреля 1939 года за № 117 была напечатана статья, подписанная полковником В. Внуковым и капитаном П. Павленко, посвященная 550-летнему юбилею русской артиллерии. Там, в описании прошлого русской артиллерии, было указано на отбитие этого ночного штурма в таких словах:

„В боях за Порт-Артур русская артиллерия нанесла противнику серьезный урон. В ночном штурме 10-го августа 1904 года, когда японцы были настолько уверены в успехе, что заранее распорядились о праздновании в Токио победы и пригласили в осадную армию иностранных корреспондентов для прославления японского оружия, артиллерия Порт-Артура неожиданно метким ответным огнем разбила замыслы противника. Японцы потеряли 15.000 человек"*.

---

* Эта стрельба была описана мною с приложением всех чертежей в 1929 г. на азербайджанском языке в бывш. военном журнале, издававшемся под названием „Харби билик" („Военные знания").

Следующий день прошел без инцидентов. Ночью я спал на моей походной кровати, спущенной в яму-могилу. Вдруг меня разбудили. Открыв глаза, я увидел над собою голову генерала Кондратенко, хотел встать, но он, положив руку на мое плечо, остановил меня:

—Не вставайте, вы устали. Проходя мимо, я хотел воспользоваться случаем и сказать вам, что неприятель поставил батарею вот здесь (он показал это место на своей карте), оттуда продольно обстреливает участок шоссе, идущий вдоль Драконова хребта, и безнаказанно бьет наши части, проходящие по шоссе. Завтра перекиньте батарею и поменяйте японцам.

Я, глядя на карту, доложил, что тут не может быть батареи.

—Если бы тут стояла батарея, то она не могла бы стрелять по указанному вами участку.

Затем я встал, стал приводить себя в порядок и надевать оружие.

—Куда вы?—говорит генерал.

—Днем выйти нельзя, а сейчас, воспользовавшись лунной ночью, я пойду и выясню обстановку на месте,—ответил я.—Только разрешите мне взять вашего ад'ютанта, так как меня иначе не выпустят из ограды.

Он разрешил, и я пошел. Знавший ад'ютанта караул, стоявший возле выхода из ограды, вывел меня наружу, дав мне охрану из трех солдат с винтовками. Осмотревшись, я убедился в том, что если даже там, где предполагалось, стоит батарея, то она оттуда не может стрелять, а стреляет со стороны впереди лежавшей горы. Повернув назад, я поручил ад'ютанту доложить, что в указанном генералом месте батареи нет, а что если завтра японцы будут стрелять, то по разрывам их снарядов я определю местонахождение и постараюсь заставить замолчать.

На другой день появились редкие разрывы шрапнелей на участках дороги, которые были указаны генералом Кондратенко. Я сразу убедился, что стрельба идет с Паплуньшанского хребта, из очень ловко замаскированных орудий, и направил туда свой огонь. Получилась такая же картина, как на Угловой горе. Когда раздавались выстрелы моих орудий, прислуга японской батареи скрывалась за бугром, находившимся около их

орудий, а после разрывов она опять становилась к своим орудиям и открывала огонь. Установив это, я применила способ, испытанный мною при стрельбе по Угловой горе. Результат получился такой же и японцы были вынуждены снять орудия с этой позиции и перенести их в другое, неизвестное мне место.

Впоследствии, описывая эти два случая, я назвал их „комбинированным огнем на удар и на дистанционный разрыв". Когда же были введены в полевую легкую артиллерию гранаты, то термин „комбинированный огонь" вошел в устав, выражая стрельбу одновременно одним орудием — гранатой, а другим — шрапнелью.

Первый серьезный штурм в сентябре японцы повели на водопроводный редут, находившийся в северном секторе. 6-го сентября японцы его взяли. После этого в районе редута они поставили в глубоком окопе 6-орудийную полевую батарею и повели стрельбу через амбразуры, которые не могли мне быстро обнаружить их орудия. Огнем своей батареи я скоро заставил замолчать японцев. Тогда они стали завешивать свои орудийные амбразуры полотнищем того же цвета, что и земля, чтобы мы не различили их.

В течение дня японцы несколько раз снимали свою маскировку и открывали огонь, и каждый раз я принуждал их к молчанию. На другой день они совершенно исчезли.

13-го сентября японцы начали штурм 3-го форта с западной стороны. Я убедился в том, что с моей закрытой позиции удержать этот форт против пехотной атаки я буду не в состоянии. Тогда я выставила два орудия на вершину горы, где был мой наблюдательный пункт, поставила их там открыто и огнем их отбросила японскую пехоту назад. Услышав шум перестрелки, полковник С. Мехмандаров вышел из блиндажа генерала Наделина и направился ко мне. Я был в полной уверенности, что он меня разнесет за неосторожность, что он сделал раньше, но теперь, оценив положение, он сказал:

— Это вы хорошо сделали. Я прикажу сюда выставить один взвод первой батареи. (До этого времени эта батарея стояла внизу в сравнительно безопасном месте).

Я просил не делать перемещений, а разрешить и второй взвод моей полубатареи выдвинуть, заявив, что я один здесь управлюсь. Он сразу на это согласился.

— Если хотите, это будет еще лучше.

Я вывел и другой взвод. Отодвинув временно орудия назад, я начал устраивать окопы. Оказалось, что горка покрыта сравнительно небольшим слоем земли, смешанной с мелким камнем, а под ним — сплошная скала. Пришлось высекать маленькие ровики в этой скале для людей, а так как земли нехватало для насыпи, то с боков и спереди устроил мешки, наполненные принесенной землей. Из этих мешков я сделал стенообразную стенку; сверху положил в виде крыши толстые бревна, их опять покрыл мешками с землей, а на эти мешки насыпал крупных камней, с расчетом, что если неприятельская граната и падет в камень, то разорвется, не углубившись в крышу моего импровизированного окопа.

Таким образом около каждой пушки с обеих сторон появились канавки в скале, покрытые сверху довольно прочным укрытием. Для того, чтобы одной шрапнелью неприятеля не были поражены одновременно люди двух орудий, полагается орудие от орудия ставить не ближе 30-ти шагов. У меня это было невозможно. Вершинка узенькая, от первого до второго орудия всего 7 шагов, от второго до третьего — 5 шагов, а от третьего до четвертого 12. В этом интервале было маленькое укрытие, где сидел я с моим командиром, когда не надо вести стрельбу. Для нашего укрытия земли нехватало. Поэтому мы возвели каменную стенку сухой кладки, которая скрывала нас только от взоров противника, но не от выстрела.

В верстах четырех от моей позиции, в долине между Волчьей горой и эспланадой крепости, находилась коническая вершина, которую мы назвали Сахарной головой. 18-го сентября из-за Сахарной головы мы увидели густой клубок белого дыма, а потом полет снаряда с громадным грохотом. Оказалось, что японцы поставили там 11-ти дюймовые орудия и начали из них громить 3-й форт. Появление орудий такого калибра перед крепостью было крупным событием, так как предполагалось, что на сухопутном фронте больше 6-дюймового

калибра орудий не должно быть. Прочность всех ка-матов фортов была рассчитана на попадание снаря орудий не более, чем этот калибр. На форту № 3 от крыто стояла 6-дюймовая пушка образца 1877 г. 12- выстрел японской 11-дюймовой батареи опрокинул н наше орудие. Тогда я открыл огонь по Сахарной голов и пристрелялся к вершине с прицелом 100 трубка 1 Для того, чтобы держать неприятельскую батарею по огнем, я вел стрельбу от высоты прицела 102, труб 104 до высоты прицела 106, трубка 110. Эта стрель заставляла японцев или молчать, или стрелять реж чем раньше.

Прошло несколько дней, командир „Вольей" морт ной батареи штабс-капитан Ручьев с „Драконовог хребта мне сообщил, что на квадрате 621-й литера „Щ японцы ведут фортификационные работы и, невидимом хотят там поставить осадные батареи (план крепости прилегающей местности, вычерченный в верстовом ма штабе, был разделен на квадраты величиной в од дюйм, и каждый такой квадрат был разделен на 25 м леньких квадратиков, которые обозначались буквами ру ского алфавита, под буквой „Щ" был 25-й квадратик).

Я взял карту и от Сахарной головы до указанно буквы „Щ" провел линию, затем измерил эту линию. Оказалось 400 саженей. Ввиду того, что до Сахарно головы у нас было 4 версты, на каждые 20 саженей приходилось одно деление угломера того времени. Ста ло быть, мои орудия надо было повернуть от Сахар ной головы вправо всего на 20 делений угломера. Ск мандовав этот поворот, я дал расстояние до новой це ли: прицел 106, трубка 106. Ручьев сообщил, что бы на 30 саженей левее. Я скомандовал: „Правее, на дв Когда мы сделали еще один залп из 4-х орудий, Ручь сообщил: „Направление верное, но разрывы очень в сокие". Тогда я третий залп сделал при прицеле 10 при трубке 110. Ручьев со смехом сообщил в телеф что японцы разбежались. После на этом месте у никаких построек возводить они не начинали.

Снаряды наших орудий все таяли. Мы были ог чены сохранением шрапнелей, для отбития пехот штурмов. Гранат наши орудия тогда не имели. В кр пости мы нашли оставленные еще китайцами 75

гранаты из чугуна, но они были, во-первых, немного меньше калибром, чем требовали наши орудия, а во-вторых, как чугунные, менее прочные. Мы собрали эти гранаты, выбили ведущие пояски и вставили пояски большего диаметра, после чего стали стрелять на сравнительно большие дистанции. Кроме того, мы убавили боевой заряд, дабы эти чугунные гранаты не разрывались в канале орудия. Стрельбой на малые, средние и дальние дистанции я определил разность между высотами прицела для наших гранат. После этого мы под пулеметным огнем японцев стреляли по их окопам этими гранатами, нанося им более или менее значительный вред и поддерживая этим дух своих людей, так как под обстрелом противника сидеть и молчать очень трудно. Шрапнелью мы стали стрелять только по штурмующей неприятельской пехоте.

Обыкновенно японцы усиливали свой огонь 13-го числа каждого месяца, что совпадало с японским 26-м числом. Эта усиленная огневая подготовка в конце каждого месяца велась перед штурмом и продолжалась она один—два дня, а иногда только в день штурма.

13-го октября моя горка опять начала куриться. Отовсюду падали гранаты и разрывались над головою шрапнели. Такая стрельба продолжалась несколько дней. Конечно, японцы вели огонь не только по моей позиции, но и по всему восточному сектору. На мою батарею падали снаряды различных калибров, начиная от 11-дюймового и кончая малокалиберными в 1,5 дюйма (37 мм). Кроме того, неприятельская пехота, занимавшая гребень Драконового хребта, обстреливала нас оттуда пулеметным и ружейным огнем. Таким образом моя батарея оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. О силе огня японцев говорит следующий факт. На каменную стенку, маскировавшую батарею, я положил мою мохнатую папаху, и в течение каких-нибудь пяти минут папаха была пробита десятками пуль.

Наконец штурм начался. От грохота артиллерийских выстрелов, неприятельских и наших, от разрывов неприятельских снарядов, от свиста ружейных и пулеметных пуль стоял кромешный ад. Люди не слышали моей команды даже тогда, когда я подходил близко к орудию. Мне приходилось по очереди подходить к каждому

из 4-х орудий, самому направлять орудия в новую цель и приказывать: „Дальше будете вот сюда стрелять."

6-дюймовая японская граната, разорвавшись у второго орудия, разбила левое колесо, скрутила в спираль толстый стальной прицел, бомбардиру-наводчику Лушинскому оторвало обе руки и ноги, и он тут же скончался; Балашову оторвало голову. Маленьким осколком, попавшим под правый глаз, убило наповал Карбашева. Запасному наводчику пробило голову пулеметной пулей. И это все на одном орудии. Меня, стоявшего тут же, только обдало горячим воздухом.

В таком тяжелом положении полубатарея находилась в течение нескольких часов, но ни разу ни одно орудие не прекращало стрельбы, кроме случая, когда во втором орудии меняли разбитое колесо и скрученный прицел. На это потребовалось полчаса. Через полчаса орудие опять продолжало огонь.

Вдруг я заметил, что через гласис у 3-го форта перебегают в ров этого форта маленькие собачки, вреде такс, и их много. Я стал внимательно вглядываться в это странное явление и заметил, что японцы перебегают гласис, прикрываясь полотнищем совершенно такого же цвета, как земля, и что по нижнему краю полотнища видны их черные ботинки, которые я принимал за такс. Сейчас же орудия моей батареи начали бить по этому месту, и движение японцев прекратилось, а успевшие перебежать ров частью попали под мой огонь, а частью под огонь крепостной артиллерии 3-го форта, и должны были отступить из окопа на прежнее место.

Таким образом огонь японских пулеметов с гребня Драконового хребта, спускающегося к деревне Сун-Шин, был прекращен. К 5-ти часам вечера штурм был отбит. Стрельба неприятельской артиллерии также почти прекратилась, к нам долетали только редкие гранаты и шрапнели. Людям дан был отдых.

Оказалось, что за тем, что творится на моей горе, следил начальник дивизии, а начальник артиллерии полковник С. Мехмандаров лично приехал на мою батарею. Одобрив мои распоряжения, он опять отправился на свой пункт. За это дело я был представлен к ордену Георгия Победоносца—к геройскому ордену старой армии. Начальник дивизии поддержал представление, написав,

что он лично наблюдал за доблестными действиями нашей артиллерии и ее командира капитана Шихлинского.

Этим крестом я был награжден по постановлению Петербургской георгиевской думы.

После отбития этого грандиозного штурма на несколько дней наступило полное затишье. Начальник западного фронта, мой бригадный командир полковник Владимир Александрович Ирман уехал к нам на восточный фронт, во-первых, посмотреть свои батареи (две батареи его бригады были на этом фронте), а во-вторых, ознакомиться с восточным фронтом, на котором он раньше не был. Посидев немного с нами, он обратил внимание на то, что у меня на шашке Анненский красный темляк, а на рукоятке сабли маленький орденъ Анны 4-й степени с надписью: „За храбрость". Это была самая маленькая боевая награда. Владимир Александрович сказал:

— Мне стыдно, что мы до сих пор такого доблестного офицера, как Али Ага, не могли больше ничем наградить, так как у него имеются уже все награды. Комендант укрепленного района мог бы дать от себя.

Тогда мой командир батареи сказал:

— Али Ага был страшно рад этой награде. Когда он узнал, что представлен к ней, он где-то достал себе и красный темляк, и соответствующую рукоятку шашки. Приказ о его награждении пришел к нам вечером. В это время шла стрельба, он был на батарее. Он тотчас вызвал туда слесаря и тут же под огнем приказал снять старую рукоятку и надеть новую рукоятку с Анненским крестом.

Тогда Владимир Александрович встал, поклонился мне, обнял и сказал:

— Приятно такого награждать. В турецкую войну какому-то капитану был дан Анненский темляк, но он на это обиделся и повесил его на цепь собачке.

Владимир Александрович выразил желание пройти по Драконовому хребту, а я решил его сопровождать. Полковник был небольшого роста, но голова его все же оказалась выше стенки. Несмотря на ружейный огонь он не сгибал головы.

— Зачем вы даром рискуете?—обратился я к нему. Он ответил:

— Вы же сами более крупного роста, и то не нагибаетесь.

— Если бы я шел один, обязательно нагибался бы так как зря рисковать своей жизнью не желаю. Но каков бы я был, Владимир Александрович, если бы плясал в присядку при командире, который идет не сгибаясь. Да я ведь человек одинокий, а у вас жена и трое детей. Я непременно расскажу Нине Максимовне (жене полковника), как вы рисковали собой.

После этих слов мой „храбрейший из храбрых", как называл его комендант, моментально опустил голову.

— И это расскажу Нине Максимовне; вы ее боитесь больше японских снарядов и пуль...

С рассветом 13-го ноября японцы снова открыли ураганный артиллерийский огонь на восточном фронте. Целый день шла бомбардировка. Мой командир батареи, получив осколочную рану в правый висок, был вынужден уйти. Я остался один на позиции. Как горох сыпались на нас японские снаряды самых различных калибров—11- и 6-дюймовые полевые пушечные, гаубичные и др., визжали над ухом ружейные и пулеметные пули. Но мы не отвечали на эту какофонию, так как берегли патроны, которые могли пригодиться против штурмующей пехоты. Люди сидели, притаившись в своих окопах, в подавленном настроении. Для того, чтобы их несколько подбодрить, я стал ходить от орудия к орудию и шутить с людми. Настроение сразу поднималось.

Обойдя один раз все четыре пушки, я вторично пошел к 4-му орудию. В это время рядом упала шестидюймовая граната, и меня сильно задело чем-то под левым коленом. Я схватился за колено и сразу почувствовал на ладони кровь. Рана была вершка на два выше колена. Я был в полной уверенности, что это—осколок гранаты, упавшей около меня. Только впоследствии выяснилось, что одновременно с гранатой недалеко от меня разорвалась еще осадная шрапнель мною не замеченная, и одна из пуль этой шрапнели попала мне в ногу. Она была на излете, ноги насквозь не пробила, но далеко углубилась в тело вместе с куском романовского полушубка, брюк и кальсон. Таким образом я получил глубокую рану, да к тому же и засоренную. Я приказал подпоручику Михайлову, стоявшему в стороне от меня с

двумя орудиями, поручить свои орудия фейерверкеру Чистякову, а самому притти на мою позицию, ознакомиться с положением. Михайлов вскоре пришел, и я подробно ознакомил его с тем, какое орудие стреляет по какой цели, где у каждого орудия для каждой цели искусственная точка прицеливания и какова установка угломера для них. Все это он записал.

Около 6 ч. 30 м. начался общий штурм, который был полностью отбит на всем фронте. Японцев отбросили назад. Стемнело. Стрельба с нашей стороны и со стороны японцев прекратилась. Тогда я сдал командование и, опираясь на руку подпоручика Михайлова и своего денщика, сошел с горки в свой блиндаж, лег в постель, и только тут, через три часа после ранения, мне сделали первую перевязку. Рассчитывая на свою здоровую кровь, я думал, что рана скоро заживет, но на самом деле вышло не так. Рана зажила только через пять с половиной месяцев.

Меня и моего командира поместили в 8-й полевой запасный госпиталь, во главе которого стоял известный хирург Иосиф Венедиктович Кржевец. Оказалось, что в одной из комнат 3-го этажа занята только одна койка. Лежавший на этой кровати штабс-капитан 14-го Сибирского стрелкового полка Маньковский, знавший меня раньше, попросил, чтобы меня и моего командира положили с ним в одной комнате. Через полчаса нас обоих с командиром повели в операционную комнату, и мне произвели операцию. Искали и осколок, но не нашли. Пробили насквозь отверстие, но на осколок не напали. Рана была рваная. Операцию делали без хлороформа. Наложив повязку, меня отправили наверх в свою комнату.

После отбития штурма японцы решили чем-нибудь поправить дело. Когда наши войска отдыхали, они, очевидно, с помощью какого-то шпиона, знавшего все пути, обошли третье временное укрепление, но неожиданно попали под картечный огонь Курганной батареи, находившейся несколько левее впереди позиции моей батареи. Эту батарею прикрывала одна рота 16-го Сибирского стрелкового полка, в строю которой было всего 18 человек, остальные, в том числе ротный командир, были или ранены, или больны цынгой и лежали в госпитале.

Понеся большие потери от картечного огня и снарядов от неприятельских, японцы залегли, но в это время рота морской пехоты ударила им во фланг. Все японцы, находившиеся на пространстве между 3-м временным укреплением и Курганной батареей, полегли под штыками наших моряков.

На другой день утром японцы просили Стесселя несколько часов перемирия, для того, чтобы они могли убрать своих убитых. Комендант дал полтора часа и об'явил, что со всех выдающихся пунктов крепости за ними будут наблюдать в бинокль, и если хоть один японец поднимет голову и оглянется по сторонам, чтобы изучить положение, со всех сторон откроют артиллерийский огонь по уборщикам трупов. Во время уборки трупов к поручику Карамышеву, наблюдавшему за японцами в районе Курганной батареи, подошел японский офицер, хорошо говоривший по-русски, и сказал:

— Вчера здесь был убит сын генерала Ноги, командующего осадной армией против Порт-Артура. Труп его мы нашли. На нем была золотая шашка подарок нашего микадо. Это—ценная вещь для генерала Ноги. Прошу, если кто-нибудь из ваших солдат, польстившись на золото, взял эту шашку, пусть возвратит. Генерал Ноги его достойно отблагодарит.

Карамышев молча вернулся к себе в блиндаж, принес оттуда золотую шашку и сказал, что наши солдаты не польстились на золото, а его денщик взял это, как трофей, и принес ему в подарок. Затем он добавил:

— Я ее возвращаю генералу Ноги и благодарности не прошу.

В течение продолжительного времени у меня была высокая температура, доходившая до 40°. На 13-й день после ранения у меня в бедре проделали второй канал и все-таки осколка не нашли. Через оба канала пропускали резиновый дренаж для оттока гноя. Когда при перевязке вынимали дренажи, это было для меня очень мучительно, так как вместе с дренажем отрывались кусочки начинающего отмирать мяса. Рана была загрязнена кусками одежды, что еще более усиливало воспалительный процесс.

Потерпев неудачу 13-го ноября на восточном фронте, японцы перенесли свои усилия на западный фронт.

Целью своей они поставили захват Высокой горы, представляющей прекрасный наблюдательный пункт, с которого был виден весь Порт-Артурский рейд, новый и старый город и берегов из батарей.

Наши корабли, стоявшие на рейде, орудиями крупных калибров стреляли по японским осадным батареям, японцы же наших кораблей не видели, поэтому Высокая гора для них имела особое значение.

Начиная с 14-го ноября, шли упорные бои на Высокой горе. Из строя последовательно вышли командиры Котлубаевский, Сычев, полковник Третьяков и славный подполковник Петр Дмитриевич Бутузов. Последний был ранен в живот и доставлен в наш госпиталь. Мы с ним лежали в разных палатах и друг друга видеть не могли, но каждый день осведомлялись о здоровье друг друга. На четвертый день ранения его денщик Листопад вошел ко мне в комнату, поставил на ночной столик полбутылки молока и сказал:

— Не вынил, сердечный. Э....э....эх...— и разрыдался. Я присоединился к нему.

Так кончилась жизнь одного из доблестнейших защитников Порт-Артура. Да будет ему вечная память.

Высокая гора держалась до 23-го ноября. В этот день она пала. Все это время на горе неотлучно находилась сестра милосердия с какой-то односложной фамилией, которую, к несчастью, я забыл. Приехала она в Порт-Артур до войны, как искательница приключений. После первой же бомбардировки Порт-Артура она заявила, что желает остаться здесь и будет работать в качестве сестры милосердия, обязанности которой быстро изучила. С началом тесной осады крепости она перешла на позиции и все страдные дни Высокой горы провела на ней, постоянно занятая перевязкой раненых под артиллерийским и ружейным огнем. О ее храбрости, стойкости и любви к раненым ходили легенды по всей крепости. Через год после падения крепости я ее встретил в Кисловодске. Грудь ее была увешана серебряными и золотыми медалями на георгиевской ленте. Хотя в Порт-Артуре я с ней не встречался, но тут сразу узнал ее по регалиям. Я подошел к ней и от души пожал руку. Кстати, скажу и о другой женщине.

Когда меня носили на перевязку, я видел одну сестру

милосердия, постоянно на коленях около солдат на полу, то кормящей их из ложечки, то обмывающей и убирающей за ними и не гнушавшейся ничем. Повидимому, это была энергичная женщина. Однажды японской крупной гранатой пробило крышу госпиталя. Было несколько убитых и вторично раненых. Случилось, что в этот момент меня опять проносили через палату. Сестра была занята перевязкой вновь раненых, в то время как палатный врач спрятался в блиндаже. Когда через день он ко мне зашел, я ему сказал:

— Михаил Иванович, я хочу перед вами ходатайствовать о награждении одной сестры милосердия, которую всегда вижу около больных. Удивительная вещь: вот вчера после разрыва бомбы она первая приступила к оказанию помощи пострадавшим, а вас, Михаил Иванович, там не было. Ее непременно нужно наградить.

Он, повидимому, очень этим заинтересовался и спросил:

— А какая она на вид?

Я сказал:

— Брюнетка, с родинкой на правой щеке.

Доктор встал и, поклонившись мне, сказал:

— Благодарю вас, это вы хвалите мою жену.

Итак, в опасную минуту доктор спрятался в блиндаже, а жена его побежала к раненым...

23 ноября японцы, наконец, овладели вершиной Высокой горы, после чего для наших судов, стоявших на рейде, создалась серьезная угроза. Одно за другим они шли на дно. Только капитан 1-го ранга Эссен вывел свой броненосец „Севастополь“ в открытое море. Когда ему сказали, что все равно и там он погибнет, он сказал:

— Я не бегу от гибели, я иду ей навстречу. Я только хочу, чтобы мой корабль погиб в открытом море, а не в этой поганой луже.

Каждую ночь японцы производили минную атаку, против этого корабля и недели через две потопили его. Эссен уцелел и в мировую войну командовал Балтийским флотом.

Наш госпиталь все время наполнялся ранеными. В числе их был и генерал Церпитский, бывший мой преподаватель физики и химии. Он часто приходил ко мне, садился около меня и горько жаловался, что его. гене-

рала, назначили инспектором госпиталей. Он собрался итти на Высокую гору. Я ему сказал:

— Викентий Викентьевич, зачем вы даром будете рисковать? Ведь вы ничем не командуете.

— Там умирают сотни, тысячи русских людей,—ответил он,—что ж, если к ним прибавится еще один Щепитский!

Он все-таки пошел и был ранен ружейной пулей в голову. Когда его несли в госпиталь, по дороге он получил вторую рану в руку и через день скончался.

Госпитали переполнялись не только ранеными, но еще больше цынготными больными. Госпиталей у нас было достаточное количество: 11 полевых запасных, 1 обширный артиллерийский сводный лазарет, 1 морской лазарет, 1 больница Красного Креста, 2 дивизионных лазарета, но и они не могли вместить даже половины цынготных больных. Люди, находившиеся на позиции, поголовно были заражены цынгой. Эта ужасная болезнь оказалась настоящим бичем крепости. Вначале раны, особенно от ружейных пуль, очень быстро заживали, но начиная с сентября, буквально каждую царапину приходилось лечить неделями и месяцами. Это было следствием недостатка пищевых продуктов; кровь была уже не та, что в начале обороны.

Помню, рядом со мной на перевязочном пункте лежал произведенный из солдат прапорщик Шуляк. У него в бедре была ружейная рана. С каждым днем рана делалась все хуже и хуже. Вместо крови и обычного гноя сочилась жидкость светло-шоколадного цвета. Он был болен скорбутом (цынгой).

Эта ужасная болезнь поражала не только десны, но и весь организм. Я видел цынготного больного, у которого доктор поворачивал ступню ноги пальцами назад пяткой вперед, а потом опять восстанавливал нормальное положение, настолько запущенная цынга размягчает кости.

Но из всей нашей батареи заболел цынгой в легкой степени только один солдат Иванович; дизентерией тоже только один, и то не в батарее, а в госпитале, через месяц после ранения. Это об'яснялось тем, что мы хорошо кормили своих солдат, конечно, настолько, насколько это было возможно. Мы выцарапывали продукты отовсюду, откуда только было возможно.

В Порт-Артуре в лавках было много хлеба, много сахара, масса конфет, но не было мяса и овощей. Наш начальник дивизии отдал приказ: убитых и тяжело раненых лошадей обращать в пищу, но здоровых не резать, так как лошади нам пригодятся в будущих полевых действиях.

Однажды мы сварили для наших людей очень жирный суп из конины. В первый день они с'ели его и были довольны, но на завтра один из солдат сказал:

— Как это пахнет конским потом!

Его вырвало. Этого было достаточно для того, чтобы со всеми моментально приключилась морская болезнь. После этого они отказывались от конского мяса.

Мы узнали, что в порту у моряков имеется огромный запас масла. Командиром порта был адмирал Григорович. Продукты в порту были заготовлены на весь флот, теперь же и половины людей не осталось. Часть кораблей ушла после сражения 28-го июля в иностранные порты и там интернировалась, а другая часть погибла при обороне крепости. Поэтому масла у моряков было в избытке.

Однажды я сел в экипаж, взял с собою двуколку и отправился к командиру порта. Адмирал Григорович принял меня довольно сурово. Я ему сказал:

— Мы очень нуждаемся в масле; до сих пор мы сохраняли здоровье наших солдат, и если теперь, вы, ваше превосходительство, уделите нам часть масла, то и далее мы сохраним здоровье наших солдат. Окажите нам эту помощь.

Он послал за Бурхановским, капитаном 2-го ранга, заведующим хозяйством порта. Пришел крупный мужчина с толстым красным носом, не имеющий военного вида. У меня мелькнула мысль: „У такого господина толку не добьешься". Но, к счастью, я ошибся. Адмирал спросил его:

— Есть у нас масло? Вот сухопутные опять масла просят.

Тот, очень нескладно подняв руку к козырьку, доложил:

— Есть.

— Значит, сможем мы им уступить?

— Можем.

Видя такую готовность Бурхановского, я осмелел и на вопрос, сколько мне нужно масла, сам не веря в возможность такой милости, закрыв глаза, бухнул:

— 10 пудов.

Адмирал недоуменно посмотрел на меня, потом на Бурхановского и спросил:

— Можем?

Тот опять спокойно сказал:

— Можем, ваше превосходительство.

Я моментально вышел с Бурхановским и получил 10 пудов великолепного сибирского масла по заготовительной цене—16 рублей за пуд.

Когда я доложил своему командиру, что получил 10 пудов масла, он подумал, что я смеюсь. Тогда я откинул брезент, которым было закрыто масло, и сказал:

— Вот, смотрите.

Он, увидя огромную глыбу масла, пришел в восторг и стал аплодировать. Мы взяли 20 фунтов себе, а $9^1/_2$ пудов отдали солдатам.

У меня лично был еще другой источник получения масла и швейцарского сыра. В Порт-Артуре был гастрономический магазин в полуподвальном этаже кавказской столовой, а в стороне, в другом здании, кондитерский магазин. Хозяином этих торговых предприятий был кавказец, армянин Зазунов. Он меня, как своего земляка, встретил очень радушно. Когда в продаже уже не было ни масла, ни сыра, я его спросил:

— Не найдется ли у вас масла?

Его приказчик ответил:

— Где теперь его найти, нет у нас.

Но Зазунов сказал:

— Отпустите из моего личного запаса.

И приказчик отвесил 3 фунта масла и 3 фунта швейцарского сыра, которые принесли откуда-то из подвала. На прощанье Зазунов мне сказал:

— Когда вам понадобится еще масло, я всегда готов поделиться с вами своим личным запасом. Но ни солдатам, ни офицерам не говорите об этом, потому что тогда пойдет из уст в уста, что у меня имеются запасы масла, и его разберут.

Я старался любезностью земляка пользоваться не очень часто. Раз в месяц я ездил в банк для получени

денег на выплату жалованья солдатам и тогда заезжал к нему. Он каждый раз отпускал три фунта масла и три фунта сыра, при этом о спекулятивных ценах и речи не могло быть.

Японцы видели с Высокой горы все наши госпитали и все же снаряды то и дело падали около госпиталей.

Так было и с нашим госпиталем. Пришлось раненых переводить в подвальный этаж.

В скором времени в окно палаты, где лежал я, влетела легкая граната, пущенная с Высокой горы, откуда был виден наш госпиталь. Ударившись об пол, она разорвалась. Осколком половицы ударило в голову штабс-капитана Маньковского. Он в это время спал и, не проснувшись, впал в обморочное состояние. С лица у него текла кровь. Он лежал бледный, как мертвец. Ни меня ни моего командира не задело ни одним осколком. Прибежал санитар. Я приказал скорее вынести Маньковского, чтобы оказать ему помощь. Мой командир, раненый в голову, встал и сам побежал вниз. Довольно долго за мной не приходили, наконец, взяли и меня. На площадке лестницы второго этажа (мы были на третьем этаже) я увидел, что там поставлена кровать Маньковского, и сестра Комаровская обмывает его новую, очень незначительную рану, а он сидит все еще бледный, но уже с улыбкой.

В подвале оказалось очень тесно.

Меня навещали мои товарищи, находившиеся на позиции. Они приносили разные гостинцы, то вино, то булочку. Однажды пришел штабс-капитан Шмит и говорит:

— Вчера я купил за 500 рублей свинью и двух поросят.

Когда он услышал, что я свинины не ем, то выразил сожаление, но все-таки через три дня я получил от него посылку в двух связках и письмо, в котором он писал.

„Посылаю вам пирог из говядины и отдельно полупоросенка; зная вас, я уверен, что вы один есть не будете, так вы пирог оставьте себе, а поросятиной угостите товарищей".

Но я все положил на общий стол. В этом отделении подвала, где был я, лежало 62 человека. Поэтому пирог разрезали на 63 куска, а полпоросенка на 61 кусок, при-

каждому дали по куску пирога и поросятины, а мне два куска пирога. Таким образом, мы побаловались, благодаря моему товарищу Швинту.

В начале декабря было приказано освободить наш госпиталь, а больных перевести в другое лечебное помещение. Мы все трое, лежавшие раньше в одной палате, попали в сводный Порт-Артурский лазарет, учреждение обширное, хорошо снабженное всяким продовольствием. Здесь впервые за все время болезни мы поели наполовину досыта.

2-го декабря крепость получила непоправимый удар — погиб генерал Кондратенко. Случилось это так. Японцы ворвались в ров форта № 2. Наши, загородив пути мешками с землей, сохранили за собой половину рва и там поставили караул. Через несколько дней японцы пробуравили эту стенку из мешков с землей и пропустили туда какую-то трубку, через которую стал проникать удушливый газ. Убрав караул, мы оставили здесь только часового, которого приходилось менять через каждые две минуты, так как третью минуту он уже не выносил. Положение оказалось критическим. Об этом донесли Кондратенко. Когда повечерело, Кондратенко явился туда со своим начальником штаба Науменко, с инженером Рашевским—одним из наиболее доблестных защитников Порт-Артура и др. Было созвано совещание, в котором участвовало 18 человек. 11-дюймовая бомба пробила свод каземата, где они сидели, и разорвалась внутри каземата, 9 человек было убито и 9 ранено. В числе убитых был сам Кондратенко, его начальник штаба и славный инженер Рашевский. Это вызвало искреннее сожаление и горе всех защитников Порт-Артура.

В командование сухопутным фронтом вступил генерал Фок, открыто говоривший всем, что у него не хватает воли командовать крупными частями. Обходя окопы он заявил:

—Если мы продержимся на Драконовом хребте еще две недели, то этим уже выполним все то, что от нас зависит, и тогда будем оборонять высоты, находящиеся за нами.

Кондратенко делал иначе. Он не только не предсказывал отхода назад, а наоборот, отходящие части посы-

лал в атаку для того, чтобы отобрать отданные японцам трофеи. В таких случаях люди старались держаться на своих местах, так как отход им стоил очень дорого — они повторно должны были итти в атаку.

Психология человека такова, что если ему говорят: „мы отойдем отсюда через две недели", он уже думает: „если мы будем принуждены отдать Драконов хребет, то зачем же мучиться эти две недели", и уже нестойко держит оборону.

Спустя 17 дней после смерти Кондратенко, как предсказывал Фок, 19-го декабря японцы заняли весь Драконов хребет. Оттуда, как на ладони, виден был старый город, в котором помещались штаб укрепленного района, штаб крепости, штаб начальника сухопутного фронта, все учреждения фронта и управление крепостной артиллерией. В этот день после полудня Стессель послал японцам парламентеров с предложением сдать крепость на определенных условиях.

Когда в госпиталях стало известно, что крепость сдается, всеми овладело уныние, а меня охватила такая тоска, что прямо язык отнялся. Я лежал на спине, схватившись за голову обеими руками. В таком оцепенении я пролежал несколько часов.

Так окончилась порт-артурская осада. Я всегда с гордостью вспоминаю, что был участником порт-артурской эпопеи.

Несмотря на то, что Порт-Артур был полностью изолирован от внешнего мира, изредка удавалось связываться с армией генерала Куропаткина. Делалось это через отважных людей, которые прорывали кордон японской разведки, окружавшей Квантунский полуостров. Мне хочется упомянуть здесь имена этих героев.

Первым из них был поручик 17-й конной артиллерийской батареи Македонский. Он несколько раз просился на войну, но его не отпускали, тогда он взял отпуск во все места Российской империи и приехал в Порт-Артур. В это время японцы высадились у Бидзево и прервали сообщение между Манчжурской армией и Квантунским полуостровом. Был отдан приказ о том, что поручик Македонский, не имея возможности возвратиться из отпуска, прикомандировывается к 4-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде.

В конце мая или в начале июня 1904 года комендант укрепленного района вызвал желающих отправиться с донесением к Куропаткину. Первым откликнулся Македонский. Врученную ему почту он благополучно доставил Куропаткину и получил от него директивы для доставки начальнику Квантунского укрепленного района Стесселю. В день от'езда он был приглашен на обед к Куропаткину. За обедом Куропаткин лично приколол к его груди орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В это время стало известно, что 17-й армейский корпус идет на театр военных действий. Тогда Македонский обратился к Куропаткину с просьбой разрешить ему вернуться в свою родную батарею, которая идет с этим корпусом. Тот заявил, что это вполне законное желание, и тут же приказал начальнику штаба найти другого офицера, который повезет его распоряжения. Македонский с возмущением воскликнул:

—Ваше высокопревосходительство, вы меня глубоко обидели, я не вернусь в свою батарею, не исполнив уже состоявшегося вашего приказания.

Куропаткин его обнял, поцеловал и отпустил.

Македонский благополучно доставил в Порт-Артур пакет. В обратный путь он отправился не совсем обычно. Его положили на потайное дно джонки, а сверху сделали еще настил. Поверх были уложены перевозимые китайцами в каких-то красных бочках товары. Темной ночью джонка потерпела крушение. Через двое суток в районе города Инкоу рыбаки заметили, что-то плавающее на воде. Оказалось, что это Македонский, ухватившийся за какой-то красный бочонок. Он был в бессознательном состоянии, отделить его от бочонка не удавалось. Тогда его выловили вместе с бочонком, положили в лодку и привезли на берег. Стали отогревать. Наконец он пришел в себя. Единственно, что он сохранил в памяти—это ослепительный блеск и сильный треск. Барахтаясь в воде, он случайно ухватился за бочонок и тем спас себе жизнь. Что же послужило причиной катастрофы, Македонский не знал.

Он потерял все письма и телеграммы, весь свой багаж, но донесения начальника укрепленного района он доставил Куропаткину. Они были у него зашиты под

подкладкой фуражки, а фуражка притянута к лицу ремешком. После этого он вернулся в свою батарею и добросовестно провел всю кампанию.

Вторым офицером, поддерживавшим связь между Порт-Артуром и Манчжурией, был капитан Генерального штаба Сергей Иванович Одинцев. Он доставил из Порт-Артура донесение начальника укрепленного района в штаб армии и остался там.

Третьим из таких офицеров был Дмитрий Гурко. Он попал в руки к японцам. Великолепно владея английским языком, он притворился англичанином, предварительно уничтожив изобличавшие его документы. Японцы приняли все меры для того, чтобы выяснить его личность. Он им сказал, что является представителем какой-то фирмы, и они могут его проверить (были ли у него документы от этой фирмы или нет, я не знаю).

Тогда японцы пустились на хитрость. Несколько офицеров, владевших русским языком, заговорили по-русски, что его нужно расстрелять. Гурко с таким равнодушием слушал, что японцы „убедились" в его незнании русского языка и освободили. Затем он пробрался в Порт-Артур и оттуда вернулся в Северную манчжурскую армию.

Наконец, четвертым лицом, поддерживавшим связь, был князь Радзивилл. Не будучи военным и живя постоянно за границей, он прибыл на Дальний Восток для участия в русско-японской войне и здесь проявил себя в отправке корреспонденции из Порт-Артура.

Во время обороны Порт-Артура наша рота, столкнувшись с японской ротой, уничтожила ее поголовно, потеряв максимально 10—15% своего состава. Батальон наш бил японцев, полки дрались с неменьшим успехом, а дивизия и высшие соединения проигрывали сражения. Происходило это от того, что некоторые наши высшие начальники не умели принимать на себя ответственность за крупные операции и боевые действия. У них интересы личного благополучия брали верх над общими интересами государства. Каждый из них больше думал о своей пенсии и о незапятнанной службе, чем о чести своей армии и о пользе государства. Этим об'ясняются неудачи в полевой войне в Манчжурии. Каждый из высших начальников ожидал прямого указания и точного

приказа от своего начальника, не проявляя инициативы, с тем, чтобы в случае неудачи, сослаться на приказ начальства и об'явить, что он точно его исполнил.

Я намеренно в воспоминаниях перешел на описание полевой войны в Манчжурии, хотя там не участвовал, с тем, чтобы еще раз подчеркнуть, что Порт-Артур является единственным светлым пятном на мрачном фоне несчастной для России войны.

При прекращении военных действий в Порт-Артуре японцы предложили отпустить офицеров на родину лишь при таком условии, если они дадут подписку больше не участвовать в войне. В противном случае все офицеры и солдаты об'являются военнопленными.

Стессель сдал крепость и донес об этом царю. Царь телеграммой поблагодарил гарнизон за доблестную оборону и об'явил, что разрешает офицерам вернуться. Многие офицеры дали подписку и вернулись, но офицеры нашей бригады отказались от подписки, считая ее унизительной.

Я также не соглашался дать подписку. На счастье, мой врач поместил меня в список негодных к военной службе.

—Так как у вас нога не разгибается,—сказал он,—возможно, вас отпустят. Но не бойтесь: по существу, вы будете годны к военной службе и долгое время еще прослужите. Это только временно.

Я поблагодарил его и сказал, что как только мне удастся отсюда выбраться и поправиться, сейчас же вернусь в манчжурскую армию.

Когда явилась смешанная русско-японская комиссия для осмотра признанных негодными к военной службе, один из наших врачей, д-р Бессонов, взял меня за правую пятку и показал, что эта нога не разгибается. На восьмушке писчей бумаги японец написал три латинские буквы ABC, поставил маленькую красную печать и дал мне на руки этот документ. Таким образом, японцы меня, как больного, отпустили в Россию без подписки.

25-го декабря всех пленных увезли в Японию, а мы остались в наших госпиталях. Только 7 марта следующего года были эвакуированы остатки 9-го, 10-го и морского госпиталей, а также больница Красного Креста-

Нас повезли по железной дороге в город Дальний—бывший наш городок.

Там на станции приготовили тележки, а для больных—носилки. Всех, кто мог ходить, посадили на эти тележки, остальных положили на носилки и понесли в здание бывшей дальнинской гимназии, где все было устроено для приема офицеров. Солдат поместили в другом месте.

На другой день нас опять посадили на тележки и повезли на пристань, где стоял пароход. Часть офицеров поместили в кают-компании, а для остальной части на палубе были приготовлены кровати с постельными принадлежностями.

Итак, 8-го марта мы покинули воды, окружающие Квантунский полуостров, и отправились в город Чифу, где должны были оставить японский пароход.

В Чифу помещалось отделение Русско-китайского банка с довольно большим числом служащих. В этот день банк был закрыт и все служащие находились на пристани. Нас посадили в экипажи и повезли в помещение банка, где был сервирован прекрасный обед за собственный счет служащих Русско-китайского банка.

Вечером нас доставили на пароход „Мюнхен“ и отправили в порт Циндао. Там раненых и больных, требующих лечения, поместили в морской госпиталь, офицеров с зажившими ранами—в гостиницы, а солдат—в лагерные здания, причем за помещение каждого солдата брали 60 коп. в сутки, продовольствие же солдат шло за счет хозяйственного учреждения нашего госпиталя.

Был зафрахтован английский пароход „Инкума“, огромнейший корабль, обыкновенно перевозивший уголь. Его стали приспособлять для перевозки людей. На это потребовался месяц.

Числа 10-го пароход был уже готов. Его вычистили, окрасили снаружи и внутри белой краской, приспособили для перевозки раненых. Старший врачебный персонал поместился около капитана парохода в кормовой части. Часть офицеров была в кают-компании, а остальные разместились в трюме. Там же были помещены и все солдаты.

Офицеры подняли вопрос о том, чтобы начальни-

Удостовѣреніе

№ 317

Данно сіе отъ Полевого Запаснаго
№ 9-го госпиталя Капитану 4-й
Восточно-Сибирской стрѣлковой ар-
тиллерійской бригады Шихлинско-
му въ томъ, что онъ Японской
Врачебной Коммиссіей признанъ неспо-
собнымъ къ военной службѣ, а по-
тому отпущенъ въ Россію безъ
всякаго обязательства не прини-
мать участіе въ настоящей
Русско-Японской войнѣ. Что под-
писомъ и приложеніемъ казенной
печати удостовѣряется.

Апрѣля 5 дня 1905 г. П. Шуинтау

За Главнаго Врача,
Надворный Совѣтникъ [illegible]

ком эшелона был назначен я. Однако, врачи этому воспротивились, заявив, что я больной и нуждаюсь в лечении. В связи с этим начальником эшелона был назначен главный врач 10-го госпиталя д-р Кожевников.

11-го апреля мы пустились в дальнее плавание. Первая остановка у нас была на рейде Сингапура. Простояли там около 7-ми часов, но на берег не сходили. Наш пароход был окружен торговцами, предлагавшими разные товары. Мы, офицеры, покупали бананы и другие заморские фрукты, а некоторые и шелковые вещи, например, вязанные головные платки разных цветов. Солдаты же, карманы которых были полны деньгами, покупали, несмотря на то, что мы советовали этого не делать, попугаев и маленьких обезьян. Ни одной из этих птиц и обезьян не удалось довезти даже до Порт-Саида, они погибли по дороге.

Выйдя из Сингапура около острова Суматра, мы заметили вдали колонну судов. Оказалось, что это—эскадра адмирала Небогатова. Обменявшись по морскому обычаю приветствиями, мы продолжали свой путь.

Следующая остановка была в Коломбо на о. Цейлоне. Приехали мы туда уже после сумерок и знали, что простоим здесь сутки. Все вышли на палубу и оживленно говорили — как быть, где переночевать? Каждому хотелось переночевать на суше. Был разговор о том, что здесь существует великолепная гостиница „Метрополитен", и следует итти туда. В это время за нашими спинами раздался мелодичный голос.

—Здравствуйте, господа.

Все обернулись. Перед нами стоял молодой человек, очень приятной наружности, отлично одетый, с соломенной шляпой в руке. Он нам сказал:

—Ваш пароход до завтрашней ночи останется здесь, вероятно у вас будут желающие сойти с парохода и переночевать на суше. Так милости прошу к нам в гостиницу „Россия". У нас не так роскошно, как в „Метрополитене", но все необходимое есть и в приличном состоянии. В добросовестности пищи вы можете быть убеждены. Вам подадут чай, заваренный по-русски, европейцы заваривают не так, как мы привыкли; у вас будет прислуга, говорящая по-русски. Если кому угодно, милости просим, я провожу.

Первым крикнул я:

—Иду в „Россию".

За мною в один голос крикнули и другие.

Мы вышли с этим молодым человеком. Он сказал, что заграницей всех русско-подданных называют русскими, не спрашивая, кто какой национальности.

—Я, управляющий этой гостиницей, и хозяин гостиницы—евреи из Минска. Хозяин гостиницы женат на моей родной сестре. Два года тому назад я окончил гимназию, но в университет не попал, так как оказался вне необходимого для евреев процента. Зять мне предложил приехать сюда и назначил меня управляющим, а сам занялся коммерцией.

Потом он посоветовал нам, что если мы завтра будем делать покупки, то какую бы сумму ни назначил продавец и что бы мы ни покупали, больше $^1/_6$ части не давать, так как иначе мы будем обмануты.

—Во всех портах любят русских, у которых широкая натура, но не стесняются их обирать,—сказал молодой человек.—В качестве переводчика вы можете взять прислугу из гостиницы. Та же прислуга будет сопровождать вас, если вы захотите осмотреть окрестности.

В Коломбо мы были на рынке и накупили за бесценок целую кучу ананасов и мангустанов. На другой же день они пришли в такой вид, что мы вынуждены были их выбросить в море. Оказывается, их в таком спелом виде, как мы выбирали, покупают только для того, чтобы сейчас же с'есть, а если их оставлять, хотя бы на два дня, надо покупать зелеными. Мангустан—это редчайший плод, которого Европа не знает, так как довезти его не удается. По внешнему виду он напоминает крупный мандарин или мелкий апельсин, а по цвету кожи—баклажан. Эта кожа легко снимается, как кожа мандарина, и тогда обнаруживается ярко-белая непрозрачная, очень мягкая масса, разделенная на доли, вроде мандарина, но ни косточек, ни пленок она не имеет, поэтому тает во рту. По нежности вкуса и по аромату мангустан не поддается описанию.

Наш пароход был покрыт тентом из толстого брезента. В тени этого тента, мы, изнывая от жары, лежали на плетеных лонгшезах. Когда мы жаловались на жару, бывалые люди говорили:

—Погодите, это не все. Настоящая жара будет в Красном море.

В Индийском океане нам предсказывали жестокую качку, так как в апреле на этом океане постоянно дуют муссоны. Но это предсказание не оправдалось. В течение двух недель, которые мы плыли по Индийскому океану, ни разу не было ни малейшего дуновенья ветра. Наш пароход скользил по спокойной зеркальной поверхности. Не оправдалось и предсказание о том, что мы нажаримся в Красном море. Здесь нас встретил легкий ветерок, который не только разогнал жару Красного моря, но дал еще нам отдых от жары в Индийском океане. Так мы прошли Красное море, Суэцкий канал и остановились на сутки в Порт-Саиде.

На другой день мы пересекли Средиземное море и вступили в знаменитый Дарданелльский пролив, путешествие по которому представляет большой интерес. В Константинополе мы простояли 8 часов против знаменитого храма святой Софии, но сойти на берег нам не позволили.

Здесь нас встретил сотрудник нашего консульства и об'явил, что мы можем спустить на берег кого-нибудь из врачей для отправки писем и телеграмм родственникам.

Налюбовавшись в бинокль на минареты многочисленных константинопольских мечетей и на дворцы, мы продолжали путешествие.

Родное Черное море нас встряхнуло. За все время путешествия это была первая качка. Многие заболели. Лично я вынужден был лежать, так как меня мутило.

К одесскому берегу мы пристали около 9-ти часов утра 11-го мая. Встречала нас масса народу. Тут же были и представители различных одесских организаций, которые обращались к нам один за другим с приветственными речами.

В Одессе нам сообщили, что великий князь Сергей Михайлович—генерал-инспектор артиллерии готов порт-артурцев перевести туда, куда они пожелают сами, а государь принимает всех офицеров, бывших в порт-артурском гарнизоне, независимо от чинов.

Во второй половине мая я поехал в Петербург, представился великому князю и доложил, что желаю итти в маньжурскую армию. Он задал вопрос:

—Каким образом вы можете попасть туда?

Тогда я показал ему свидетельство, которое я получил от нашего госпиталя. В свидетельстве было указано, что японской врачебной комиссией я признан неспособным к военной службе и уволен на родину без всякого обязательства. Таким образом я имею полное право участвовать в войне и только по этой причине вернулся в Россию; в противном случае я разделил бы участь солдат, с которыми вел оборону.

Сказав это, я подумал, что мои слова являются как бы упреком по адресу тех офицеров, которые дали обязательство японцам не драться против них и вернулись на родину, поэтому сейчас же добавил:

— Там среди офицеров существовало два мнения: одни говорили, что мы имеем большой боевой опыт, поэтому на родине сможем быть полезными, подготовляя новые кадры для отправки в манчжурскую армию. Другие, в числе которых был и я, думали иначе, они полагали, что армия мобилизована только частично, что на родине у нас еще много офицеров и наша помощь им не нужна. Поэтому необходимо разделить участь солдат. Но мне посчастливилось тем, что меня признали негодным к военной службе. Я вернулся домой, не дав никаких обещаний врагу, и прошу вас отпустить меня на войну.

На это Сергей Михайлович резко махнул рукой и сказал:

—Довольно того, что вы перенесли, не отпущу.

Тогда я попросил назначить меня в 15-ю артиллерийскую бригаду, которая стояла в Одессе. Просьба моя была исполнена. Царю я не представлялся, так как считал, что для простого обер-офицера это является высокой честью, которой я не имею права воспользоваться, пока мои товарищи страдают в плену. Когда они вернутся, тогда и я представлюсь.

Моя рана окончательно зажила еще в Индийском океане, и 26-го апреля я снял повязку, но все же хромал и ходил, опираясь на палку. Когда я уходил из кабинета великого князя, он засмеялся и сказал:

— Еще и хромать не перестал, а хочет вторично воевать.

В 15-й бригаде я был зачислен во второй дивизион, который готовился к отправке в Манчжурию. Но прежде чем этот дивизион успел на театр военных действий, было заключено перемирие, и в действующую армию я не попал.

Взяв шестимесячный отпуск, я первые два месяца пробыл в Ессентуках, так как после перенесенной дизентерии мне необходимо было лечить желудок, а остальные 4 месяца провел у себя на родине.

Эти 4 месяца в нашем доме прошли как сплошной праздник. Со всего уезда приезжали меня навещать. Не только наш дом каждый день наполнялся посетителями, но меня с моими ближайшими родственниками приглашали в разные села нашего уезда то на обед, то на ужин, где собиралось 20—30 человек.

От пятилетнего пребывания на Дальнем Востоке и от годичной страды в Порт-Артуре я отдохнул и почти забыл о своей ране, но 1-го октября, через пять месяцев после снятия повязки, вдруг разболелась ступня раненой ноги. Температура поднялась до 40°. В это время я был в Тифлисе.

Немного оправившись, я поехал в Петербург. Каким-то образом о моем пребывании в Петербурге узнал штабс-капитан Маньковский, лежавший со мною в одной палате в госпитале в Порт-Артуре. Он разыскал меня в гостинице и, увидев на одной ноге суконный сапог, расспросил в чем дело. Я ему рассказал. Оказалось, что и у него рана еще не зажила и он помещается в Царском Селе в больнице, оборудованной на личные средства великой княгини Елизаветы Федоровны. Там прекрасное лечение и содержание.

—Едем сейчас же туда,—предложил он.

Я поехал. Меня тут же положили в той палате, где лежал и Маньковский.

Тем временем настало 26-го ноября—день праздника ордена Георгия Победоносца. В этот день император об'явил малый прием в Царскосельском дворце, на который были приглашены все георгиевские кавалеры. Представился ему и я, имея на правой ноге изящный лакированный сапог, а на левой—синий суконный сапожок, доходивший до половины голени. Нам подан был великолепный завтрак, который подавали каждый гол в

Георгиевский праздник с одним и тем же меню. Большого приема, который обыкновенно бывает в Большом дворце и сопровождается днем завтраком, а вечером обедом, в этом году не состоялось, так как война еще не была ликвидирована.

В день Георгиевского праздника я был произведен в подполковники. Итого за японскую войну я получил всего шесть наград: орден Анны 4-й степени с надписью на шашке: „За храбрость", золотые мечи к имеющемуся у меня ордену Анны 2-й степени, полученному мною еще в мирное время, орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом, золотое оружие с надписью: „За храбрость", чин подполковника и орден Георгия 4-й степени — мечту русских офицеров того времени.

ОТ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мне по чину подполковника полагалось быть батарейным командиром, но свободных батарей не оказалось. Поэтому я просил великого князя назначить меня в переменный состав офицерской артиллерийской школы для прохождения ее курса. Моя просьба была удовлетворена, и 1-го февраля 1906 года я начал учебу. Наука, всегда дававшаяся мне легко, на этот раз была мне тем более доступной, что я, следивший за развитием артиллерии, знал все, что преподавалось в школе. По положению о школе офицеров, пропустивший 28 учебных дней отчислялся. Курс состоял из трехмесячного теоретического и четырехмесячного практического обучения. После двух месяцев практики у меня опять разболелась нога. Я взял отпуск и уехал на Кавказские Минеральные Воды. Таким образом, два месяца самого горячего учебного времени мною были пропущены, и я решил, что, вероятно, считаюсь не окончившим курс. Но школьное начальство показало меня окончившим первым, и в мой послужной список записали: „Отлично окончил офицерскую артиллерийскую школу стрельбы и за успехи награжден монаршим благоволением". Это было потому, что я имел все ордена, которые могут иметь подполковники, монаршее же благоволение сокращало срок выслуги пенсии на много лет.

В офицерской артиллерийской школе преподаватели, которых было восемь человек, назывались руководителями. По положению о школе они должны были быть академиками*, окончившими курс этой самой школы и командовавшими не менее одного года батареей. Я ака-

---

* Окончивший Михайловскую артиллерийскую академию (Ред.).

демии не кончал, батареей не командовал, тем не менее осенью из школы поступил запрос, не хочу ли я быть на год прикомандирован к школе для испытания меня в роли руководителя. Я выразил согласие. Кроме меня был приглашен еще один офицер, окончивший академию, и школу. Ему предложили бывать на занятиях старого руководителя и присматриваться, а мне дали партию, которую я должен был вести по всем предметам. Партия моя окончила курс очень успешно.

В бытность мою руководителем, я удостоился особой похвалы со стороны начальника школы и начальника Главного артиллерийского управления. Это случилось по следующему поводу. Во время стрельбы моей партии на полигоне под городом Двинском явился подпоручик Зайковский, батарея которого обслуживала мою партию. Он сказал, что его бригадный командир генерал Голицын просит меня рекомендовать какой-нибудь способ, облегчающий указание цели командиром дивизиона командиру батареи, когда они стоят на различных удаленных друг от друга наблюдательных пунктах. Поскольку генерал Голицын обратился не к старому руководителю, а ко мне, прикомандированному, то это, конечно было для меня очень лестно, и я решил непременно удовлетворить его желание. Как в таких случаях всегда со мной бывало, опять возник экспромт. Я достал из кармана памятную книжку и изобразил треугольник, не требующий ни линейки, ни циркуля, ни масштаба.

— Представьте себе,—сказал я,—что вот на этой вершине стоит командир дивизиона, а на другой—командир батареи. Расстояние между ними может быть измерено хотя бы шагами и прописано здесь, на этой стороне треугольника. Там, на третьей вершине, представьте себе, находится гора, называемая „Прыжок", и на этой горе кустик, его видят и командир дивизиона, и командир батареи. Расстояние от них до этого кустика известно, оно отмечено на карте.

После этого я разграфил свой треугольник линиями, параллельно основанию треугольника, т. е. линии, соединяющей двух командиров, и поставил на ней тут вычисленную мною цифру. Затем указал, как пользоваться этим треугольником для указанной цели.

Стало несомненным, что этот простой треугольник

чик вполне отвечает своему назначению. Полковник пришел в восторг, схватил клочек бумаги и поскакал к своему бригадному командиру. Мои ученики рассказали об этом случае офицерам других партий, и на ближайшем заседании нашего ученого комитета начальник школы спросил меня:

— Вы какой-то треугольник выдумали и от нас скрываете.

Я сказал, что не скрываю, а считаю это изобретение не столь важным явлением для того, чтобы о нем кричать.

— Расскажите, в чем дело.

Я показал. Рядом сидели два наших старших руководителя. Им было поручено начальником школы, чтобы они к осени составили новый задачник для офицеров переменного состава. Тут же начальник школы приказал, чтобы в задачник они внесли этот треугольник, а мне предложил дать более подробные указания. Я тогда вычертил треугольник на кальковой бумаге, в определенном масштабе и дал его описание. Этот чертеж в масштабе показал, что все мои выводы правильны. Описание треугольника было помещено в новом издании задачника и его назвали „треугольником Шихлинского."

Треугольник получил широкую известность не только в нашей артиллерии, но и во французской. В конце 1920 года я узнал о том, что он был известен и в австрийской армии.

Как то меня познакомили с австрийским артиллеристом.

—Не родственник ли вы знаменитого Шихлинского? — спросил австриец.

Выяснив, что я и есть тот самый Шихлинский, он подал мне руку со словами:

—Ваш треугольник известен всей нашей артиллерии.

Спустя несколько лет мы получили усовершенствованную буссоль, которая дала возможность ориентировать батарейного командира, и тогда необходимость в местной ориентировке предмета отпала. После этого мы перешли от треугольника к параллелограму целеуказания. Этот параллелограм был введен, как пособие в нашей артиллерии, одним из моих учеников – капитаном Иваном Григорьевичем Пащенко.

В настоящее время имеется точный прибор для указания не только наземной цели, но и воздушной, однако, ни треугольник, ни параллелограмм не потеряли своего значения. Прибор может быть испорчен или потерян, наконец, стоящие у прибора могут ошибиться в своих расчетах, между тем треугольник и параллелограмм сам командир может восстановить.

Осенью 1907 года я был назначен командиром батареи в 29-ю артиллерийскую бригаду, стоявшую в городе Риге. Через два месяца после этого назначения меня пригласили в школу на штатную должность, так как там открылась вакансия. Таким образом, я получил эту должность без всякого ценза.

Первый толчок к быстрому моему продвижению по службе дала русско-японская война, второй толчок — офицерская артиллерийская школа: прохождение в ней курса и первый год службы в качестве руководителя.

Еще до открытия штатной должности в школе во Втором Константиновском артиллерийском училище появилась вакансия командира батареи. Начальник этого училища, бывший моим командиром в Одессе, выставил мою кандидатуру, но начальник Главного артиллерийского управления генерал Кузьмин-Караваев отказал ему в этом ходатайстве, заявив, что для такой должности, как командир батареи артиллерийского училища, надо найти русского человека, а не „татарина". Начальник училища ответил, что считает меня самым подходящим кандидатом, и этому назначению будут рады не только юнкера, но и офицеры. Кузьмин-Караваев возразил, что знает и ценит меня, но в училище не назначит.

В этой связи мне памятен следующий случай.

В 1895 году на маневрах 39-й пехотной дивизии и одной казачьей дивизии, с соответствующей артиллерией, присутствовал профессор Норвежской военной академии. По окончании маневров, ведя батарею на сборный пункт, я по дороге встретил экипаж, в котором сидели корпусный командир князь Амилахвари и этот норвежец с переводчиком—капитаном генерального штаба Буреким. Я отсалютовал командиру корпуса. Тот поздоровался со мной, назвав меня по фамилии.

Через неделю в городе Карсе на одном домашнем концерте, в котором выступали две скрипачки, сестры

Прокопович—лауреатки Московской консерватории, участвовал и капитан Бурский, оказавшийся великолепным пианистом. После исполнения своего номера, он подошел ко мне и говорит:

— Знаете, этот норвежец почему-то вообразил, что вы мусульманин, но я, конечно, его разуверил.

— Благодарю вас. Вероятно вы обиделись, что русского артиллериста норвежец принял за мусульманина. Хотя моя фамилия скорее похожа на польскую, но я действительно мусульманин. Имя мое—Али Ага, отчество—Хаджи Исмаил-бек оглы. Как вы видите, норвежец оказался более проницательным, чем вы,—ответил ему я.

Этот инцидент интересен для характеристики старого режима, который к иноземцам и инородцам относился пренебрежительно и держал их в черном теле. Слава советской власти, изжившей это несправедливое отношение к людям! Теперь людей расценивают по их личным качествам и по добросовестности исполнения взятых на себя служебных и общественных обязанностей.

Курс 1908 года моя партия прошла также успешно, как и 1907 года. Летом этого года был инцидент, который мог бы мне стоить жизни, но лишь увековечил мое имя в школе. В присутствии генерал-инспектора артиллерии была организована стрельба крупными артиллерийскими частями. Я был назначен начальником авангарда, в состав которого входил дивизион артиллерии. От главного руководителя было получено задание: в 8 часов авангарду развернуться около Кривого озера, а в 10 часов переехать в район высоты, отмеченной на карте цифрой 48,0. Батареи шли шагом по лесной дороге, а я с начальствующими лицами и с разведчиками под командой начальника полигона полковника Майделя проскакал вперед для разведки. Под'езжая к горе с отметкой 48,0, я увидел, что на эту гору сыплются шрапнельные пули с позиции главных сил. Тогда, оставив всех за лесом, я решил пробежать это расстояние до блиндажа на горе и по телефону сообщить главному руководителю, что я прибыл. Со мной побежал полковник Майдель. Под огнем мы достигли блиндажа, откуда я сообщил о своем прибытии на гору и о том, что попал под шрапнельные пули. Он приказал немедленно огонь перенести в другое направление.

Этот случай дал повод назвать гору с отметкой 4[illegible] горою Шихлинского, и на всех картах полигона, вышедших после этого, напечатано „гора Шихлинского".

26 ноября 1908 года, в день празднования ордена святого Георгия Победоносца, я был произведен в полковники, ровно через три года после производства в подполковники. Случай редкий, даже невероятный для мирного времени.

В 1909 году я был награжден орденом святого Владимира третьей степени (шейный орден, который обыкновенно жаловали полковникам, прокомандовавшим несколько лет полком).

Летом на пять дней на наш полигон прибыла офицерская стрелковая школа, находившаяся в Ораниенбауме, для ознакомления с действиями артиллерии в разных случаях ее боевой деятельности. Для этой школы были организованы показные учения. Продемонстрировали ночную стрельбу, как по целям, бывшим под нашим огнем днем, так и по целям, обнаружившим себя уже ночью блеском выстрелов или бивуачными огнями, или же вообще какими-нибудь светящимися точками.

Эта стрельба была до такой степени удачной, что при составлении новых правил стрельбы мне предложили редактировать отдел ночной стрельбы.

Осенью этого года в моей личной жизни произошла, имевшая для меня огромное значение, перемена. 27-го октября, 46-ти лет от роду, я женился на дочери моего родственника Закавказского муфтия Гусейна Гаибова. Ниар Ханум, вдове Дерини-бека Палавандова, происходившего из грузинской княжеской фамилии. Эта перемена в моей жизни направила мое дальнейшее существование по светлому пути, не затемнявшемуся ни клочком облака в течение 22-х лет нашей совместной жизни. Обладавшая от природы большими способностями, хорошо образованная, очень кроткого характера, жена моя была создана для семейного счастья, и этим счастьем я пользовался в полной мере. Смерть жены, последовавшая 15-го августа 1931 года, была для меня роковым ударом. С женой вместе ушло от меня все—и счастье, и здоровье.

В конце 1909 года командир конной батареи офицерской артиллерийской школы, он же руководитель кон-

кой артиллерийской партии, тяжело заболел и должен был оставить строевую службу. Таким образом, конная артиллерийская партия оказалась без руководителя. Тогда пригласили командиром конной батареи школы выдающегося артиллериста подполковника Зубовского, которому предложили одновременно с командованием батареей пройти и курс школы с тем, чтобы с 1911 года он мог стать руководителем конной артиллерийской партии. Таким образом, в 1910 году руководителя конной партии не оказалось, и решили конную артиллерийскую партию разбить по одному—по два человека в пешие артиллерийские партии.

За две недели до начала занятий нам сообщили из Главного артиллерийского управления, что в этом году в переменный состав школы назначается капитан лейб-гвардии конной артиллерии великий князь Андрей Владимирович. Начальник школы созвал экстренное заседание учебного совета и заявил, что считает неудобным посадить великого князя в одну из пеших артиллерийских партий, так как всем известно, как ревниво относятся конные артиллеристы к своему роду оружия.

Помощник начальника школы полковник Карачан взял слово и доложил, что он считает необходимым создать конную артиллерийскую партию и поручить ее полковнику Шихлинскому.

Начальник школы сказал:

И пришел сюда с таким же мнением, и так как мой помощник со мной солидарен, то разрешите этого не голосовать.

Все согласились с ним.

Курс в конной артиллерийской партии прошел также успешно, как и в предыдущих моих партиях.

По окончании школы обычно каждая партия устраивала прощальный товарищеский обед, приглашая туда и своего руководителя. Они вместе снимались и затем преподносили фотографию в рамке своему руководителю, с серебряной дощечкой и надписью.

В этом году конная артиллерийская партия мне преподнесла сверх этого еще подарок, который доказывал особое внимание с их стороны, в частности, со стороны Андрея Владимировича, к своему руководителю: мне

преподнесли роскошный бювар, крытый шагреневой кожей оливкового цвета. В углу бювара была помещена художественной работы серебряная конская голова, а по всему бювару разбросаны подписи офицеров. Особенно аккуратно была выполнена на тонкой серебряной пластинке в центре переплета огромной величины из золота подпись „Шихлинский", написанная арабским шрифтом. Я сразу узнал свою подпись, но никак не мог догадаться, откуда они ее взяли. На мой вопрос ответил Андрей Владимирович:

— Помните, однажды после классных занятий я вас попросил на листке бумаги написать, как по-арабски пишется Андрей Владимирович. Вы написали. Тогда и другие офицеры попросили вас написать их фамилии арабским шрифтом. Затем Вы показали, как сами расписываетесь. Я взял эту вашу подпись и приказал фотографу ее увеличить.

Я привожу этот случай, как показатель большого внимания ко мне со стороны моих учеников.

Осенью 1910 года меня назначили командиром первого дивизиона 21-й артиллерийской бригады, расположенной в городе Владикавказе. Командиром корпуса, в состав которого входила эта бригада, был генерал Алексеев, знавший меня еще по Манчжурии. Один из батарейных командиров—подполковник Гамазов—был моим товарищем по тифлисскому кадетскому корпусу и по артиллерийскому училищу. Другой батарейный командир Коллерт, в молодые годы служил со мною в одной батарее. Таким образом, я попал в среду, где у меня были близкие знакомые, а в лице корпусного командира—ценитель моей работы и покровитель. В этой должности я оставался всего один год и четыре месяца. За это время я, кроме своих прямых обязанностей, выполнил еще другое задание. Командир корпуса учредил трехнедельные штабные офицерские курсы, где были собраны штаб-офицеры всех частей корпуса—пехоты, кавалерии и артиллерии. На этих курсах тактику читал офицер Генерального штаба, а лекции по артиллерии я.

Вспоминаю один случай из того периода. Я всегда был сторонником сопровождения артиллерией пехотных частей до возможно ближайшего расстояния от противника. На маневрах моему дивизиону была назначена

практическая стрельба целым дивизионом. В ходе маневров получилось так, что наша пехота, выйдя на гребень горы, попала под убийственный пулеметный огонь противника. Понадобилась поддержка артиллерии.

Батарея капитана Мена была ближе всех к этому месту, но стрелять по неприятелю не могла, потому что наша пехота попала бы под ее огонь. Тогда я дал такие исходные данные, как руководитель стрельбы, что Мен вынужден был выехать на гребень горы, на открытую позицию и с ближней дистанции открыть огонь по противнику. Он тотчас лихо вывел батарею на гребень и расшиб мишени. Я одобрил эту его инициативу, но на разборе все присутствующие офицеры заявили:

— Да, против мишеней это возможно, а против живого противника это невозможно—батарею расстреляли бы из пулеметов.

Это случилось в 1911 году.

В 1916 году, будучи назначен инспектором артиллерии Западного фронта, я выехал на фронт, и мой вагон остановился на одной станции. Оказалось, что недалеко от этого места в резерве стоит 21-я артиллерийская бригада. Офицеры, узнав о моем приезде, верхом прискакали ко мне, приглашая посетить их и тут же, перебивая друг друга, захлебываясь от восторга, рассказали мне, что на австрийском фронте тот же Мен, теперь уже не временный, а настоящий командир той же батареи, буквально повторил маневр, подсказанный ему мною на полигоне. Таким путем он отогнал австрийскую пехоту, дал возможность нашей пехоте занять вражеские позиции и получил за это Георгиевский крест. Мен стоял тут же, самодовольно улыбаясь, на груди у него поблескивал белый крестик.

Когда наступила осень, обычное время аттестации, я получил утвержденную Главным штабом аттестацию, данную мне в 21-й артиллерийской бригаде в Третьем Кавказском корпусе. Надо заметить, что выдающихся артиллерийских полковников иногда зачисляли в кандидаты на командование пехотным полком, и это было для них обычно началом большого продвижения по службе, так как в то время большинство пехотных командиров, при производстве в генерал-майоры, уходило в отставку, а артиллеристы, прокомандовавшие пехотным полком,

открывали себе путь к высшим должностям до командира корпуса включительно.

В этом году мне была дана аттестация беспримерная, а именно: выдающийся, достойный выдвижения на должности вне очереди, во-первых, командира артиллерийской бригады, во-вторых, командира пехотной бригады. Хотя впоследствии я занимал очень высокие должности до командования армией в военное время включительно, но и до сих пор эта небывалая аттестация является предметом моей гордости.

В начале января 1912 года я отправился опять в Царское Село для занятия предложенной мне вновь введенной должности старшего руководителя офицерской школы. Сверх прежних восьми руководителей теперь введено было 4 должности старших руководителей. Каждый из них, являясь руководителем одной из партий, об'единял в некоторых случаях занятия трех партий и для этих партий читал в общей аудитории лекции по тактике артиллерии; занятия же по искусству стрельбы, как теоретические, так и практические, велись каждой партией отдельно.

Зимний курс прошел обычным порядком. Летом на школу была возложена особая задача—испытать стрельбой 1000 введенных для полевой легкой артиллерии гранат с тротиловым зарядом для выяснения вопроса, не представляют ли эти снаряды опасности для своих людей при перевозке и при стрельбе. Тротил—вещество такой взрывчатой силы, что если бы снаряд разорвался в канале орудия, то разорвало бы все орудия и искалечило бы людей; если бы снаряд разорвался по вылете из орудия перед дулом, то часть осколков полетела бы обратно и опять поразила бы людей. Поэтому надлежало орудие поместить в блиндаже, зарядить и наводить на цель, затем к спусковому механизму привязать длинную веревку и, выведя людей из блиндажа, производить выстрелы, дергая за эту веревку. Для испытания было дано по 500 гранат полковнику Чеботареву и мне. Полковник Чеботарев выпустил все гранаты, точно выполнил задание и сделал доклад, что эти гранаты никакой опасности не представляют ни при обращении с ними, ни при перевозке, ни при стрельбе.

Но я подумал, что расходовать 500 гранат для ра-

решения только одной задачи не стоит, надо попутно с выяснением вопроса о безопасности гранат выяснить и действие этих гранат при стрельбе по различным целям. Поэтому для моей батареи были поставлены следующие цели: открыто стоящая пехота, открыто стоящая артиллерия, пехота, закрытая полевыми окопами, людп, находящиеся в лесу; кирпичная стенка, деревянный сруб и настоящие материальные части орудий—зарядные ящики из числа материальной части старой артиллерии.

Я так же, как и полковник Чеботарев, в своем отчете указал, что гранаты совершенно безопасны для своей пехоты, но, кроме того, донес следующее:

1. Гранаты сильно действуют по открытым войскам, если разрываются от них не далее 10 саженей, а при больших удалениях осколки быстро теряют свою скорость и серьезных поражений наносить не могут.

2. Люди, закрытые спереди окопом или каким-либо другим укрытием, могут получать поражение сзади от гранат, упавших за ними, так как осколки этих гранат летят не только вперед, но разлетаются и во все стороны.

3. Лес не только не укрывает людей от поражения гранатами, но увеличивает это поражение, так как снаряды, попадая в стволы деревьев, разрываются не на земле, а в воздухе и могут бить сзади и с боков людей, спрятавшихся за стволами.

4. Кирпичную стену граната разбивает, если она толщиной не более полутора футов.

5. Деревянное здание разрушается гранатами.

6. Материальная часть артиллерии сильно разбивается прямым попаданием гранат, упавших под орудиями или совсем близко около колес, или около хобота, и осколки наносят поражение, причем деревянные части колес разрушаются совершенно.

7. Против земляных насыпей гранаты бессильны.

Мой отчет был просмотрен Ученым комитетом Главного артиллерийского управления в моем присутствии и получил полное одобрение.

Кроме указанных выводов, я пришел к следующему заключению:

1) стрельба тротиловыми гранатами должна вестись методически, с наблюдением за результатами каждого отдельного выстрела и

2) ввиду того, что стрельба требует особой точности, то после получения двухделенной вилки с обеспеченными прицелами следует каждое орудие пристреливать отдельно, назначая ему индивидуальную установку прицела и угломер, причем мелкие поправки надо вводить не только прицелом, но и уровнем.

В 1912 году летом к нам на полигон приехал военный министр Сухомлинов, человек легкомысленный в своей частной жизни (легкомыслие его и погубило), но выдающихся способностей и глубоких военных знаний. С ним вместе приехал генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович. На меня была возложена организация большого артиллерийского маневра.

По окончании этого маневра состоялся разбор действий всех начальствующих лиц из всех частей. Когда дошла очередь до меня, как руководителя этого маневра, то я заявил, что возражаю против действий командира авангардного артиллерийского дивизиона и против молчаливого одобрения его со стороны начальника авангарда.

По плану маневра было показано со стороны противника пять батарей, которые навалились на наши три батареи. Командир артиллерийского дивизиона подполковник Созентович решил борьбу непосильной для себя, прекратил стрельбу и спрятал своих людей в окопе. Находившийся тут же начальник авангарда полковник Добровольский против этого не возражал. Оба они поступили правильно, так как в недавно изданном проекте наставления для действий артиллерии в бою черным по белому сказано следующее: „Командир дивизиона на это имеет право". Я же, несмотря на наставление, возражаю против этого и говорю, что пока это написано в проекте наставления—полбеды, если же это войдет в вырабатываемый в настоящее время полевой устав, то это будет настоящая беда.

Начальник школы генерал-лейтенант Синицын, не дав высоким гостям ответить на мой вопрос, заявил:

— Зачем даром терять людей, когда борьба невозможна.

Тогда я вторично выступил:

— Я позволю себе настаивать на разъяснении этого вопроса здесь потому, что неприятель, освободив свои

пять батарей от наших трех батарей, перенесет всю силу огня на нашу пехоту, и только общий войсковой начальник может разрешить вопрос—жертвовать ли несколькими процентами артиллеристов, обеспечив тем самым продвижение пехоты вперед и выполнение ею поставленной боевой задачи, или же сохранить свою артиллерию и временно задержать наступление пехоты до развертывания артиллерии главных сил.

Великий князь не взял на себя разрешение этого вопроса, а обратился к военному министру. Тот сердитым тоном об'явил:

— Двух мнений по этому вопросу не может быть. Полковник прав.

Начальник школы, трижды призывавший меня в школу, выдвинувший мою кандидатуру руководителем конно-артиллерийской партии, когда в этой партии был великий князь Андрей Владимирович, всегда относившийся ко мне очень благосклонно и ценивший мою служебную работу, с этого момента затаил против меня вражду.

Осенью того же года помощник начальника школы получил другое назначение, и когда поднялся вопрос о моем назначении на должность помощника начальника школы, то начальник возражал против моей кандидатуры, но я все же был назначен.

После моего назначения помощником начальника школы ко мне посыпались поздравления от артиллеристов со всех концов России. Два поздравления, очень схожие между собою, я здесь приведу.

Профессор Академии Генерального штаба Незнамов прислал мне краткую телеграмму: „Поздравляю вас и русскую артиллерию". А начальник французской офицерской артиллерийской школы генерал Нолле прислал мне открытку такого содержания:

„До меня дошло известие, что вы назначены вторым шефом* русской артиллерийской школы. Я поздравляю с этим назначением русскую артиллерию."

В этом же году у нас на полигоне был французский артиллерист—командир артиллерийского дивизиона майор Лаверь. Он приехал к 1-му мая, к началу наших летних занятий, и попросил начальника школы позволить ему пер-

* Так называли помощника начальника школы (Ред.).

ние 15 дней выезжать каждый день с новой партией в поле, а на 13-й день он заявил, что хочет быть прикрепленным к партии Шихлинского, и до 1-го сентября выезжал исключительно с моей партией.

Во второй половине лагерного сбора приехал к нам Бруссо, тоже командир дивизиона французской артиллерии. Это был наш старый знакомый. Он был женат на русской, и свой отпуск всегда проводил в России. Отвезя жену к ее родным, он поселился у нас в школе. Под конец лагерного сбора приехал начальник французской школы артиллерийской стрельбы полковник Нолле (после мировой войны, уже генералом. Нолле был председателем комиссии, разоружавшей побежденную Германию, и в одном из очередных министерств Франции—военным министром).

По окончании лагерного сбора пришли со мною попрощаться сначала Лаверь, заявивший, что увозит во Францию богатый научный багаж, которым всецело обязан мне, а затем, после его ухода, Бруссо. Он на прощание сказал:

— Желаю вам к будущему моему приезду,—а я приезжаю каждый год,—быть генералом.

— Андрей Андреевич, я же совсем молодой полковник,—возразил я ему.

Но он на это ответил:

— Ах, боже мой, что значит молод, когда вы так выделяетесь!

Я почувствовал некоторую неловкость и, когда он ушел, сказал жене:

— Французы народ любезный. Конечно, этих комплиментов он наговорит всем руководителям.

Но я ошибся: оказывается, он, представляясь перед отъездом генерал-инспектору артиллерии, доложил ему обо мне в том же духе, а через два месяца после их отъезда я один из всего состава школы получил офицерский крест Почетного легиона.

Для проверки деятельности школы, каждый год в конце лагерного сбора военный министр присылал комиссию под председательством какого-нибудь известного артиллерийского генерала, а членами комиссии были один пехотный, один кавалерийский и один генерал Генерального штаба.

В 1912 году комиссию возглавлял известный артиллерист, отличившийся в японскую войну, генерал-лейтенант Владимир Алексеевич Слесаренко. В заключительной части проверки я им показал двусторонний маневр. С одной стороны, где находилась комиссия и я вместе с нею, стояла артиллерийская бригада, с противной стороны—артиллерийский дивизион. Руководитель дивизиона был со мною связан телефоном, и я давал ему ориентировку. По окончании маневра состоялся разбор, на котором член комиссии заявил, что им нечего сказать. Тогда генерал Слесаренко взял меня обеими руками за руку и сказал:

— А вот я имею добавить. За всю свою долгую службу никогда я не видел такого красивого артиллерийского маневра, за который вам очень благодарен.

2-го января 1912 года состоялось мое назначение помощником начальника школы, а в апреле, в день пасхи, я был произведен в генерал-майоры со старшинством со 2-го января. Итак, мое производство в генералы произошло через четыре года и 36 дней после производства в полковники. Правила же на этот счет были такие: обычно срок пребывания в чине полковника составлял 10 лет, выдающихся производили за 8 лет; в особо, крайне редких, случаях производили за 6 лет, но произведенного генерала оставляли еще в списках полковников, и он получал генеральский чин только тогда, когда были произведены в генералы все полковники, состоявшие раньше выше него. Конечно, я с четырехлетним стажем оставался в разряде полковников.

Начальник школы в этом году просил разрешения поехать в Севастополь для присутствия на практических занятиях крепостного отдела школы, чего он раньше никогда не делал. Я полагаю, что он был обижен за то, что не считаясь с его мнением, меня назначили помощником, и не хотел проводить лето со мною вместе на полигоне. 1-го мая я издал приказ о вступлении в должность начальника лагерного сбора. Для обслуживания нашей школы в лагере находились две артиллерийские бригады—26-ая и 37-ая. Командиры обеих бригад были уже старые генералы и находились в генеральской линии по старшинству. 2-го мая приехал ко мне командир 26-ой артиллерийской бригады генерал майор Ивашинцев и удивился, почему это я начальник

лагерного сбора, когда он старше. Я приказал подать мне положение о школе и в этом положении прочитал: „В отсутствии начальника школы начальником лагерного сбора полигона является его помощник, независимо от чина, в котором он состоит."

— Видите, Андрей Васильевич, закон. Но если вам не хочется быть в подчинении младшего, то вы подайте рапорт о болезни, а старший из ваших командиров дивизионов будет исполнять мои приказы.

Ивашинцев рапорта о болезни не подал. Он оставался на своем месте, но в дело не вмешивался.

Это лето у нас вышло очень громкое. В Россию приехал начальник французского генерального штаба генералиссимус Жоффр с 17-ю офицерами французской армии. Один день они уделили нашей школе. С ними приехал и наш генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович.

Французы высказали следующие пожелания:

1) показать им стрельбу гаубичной батареи (у французов полевых гаубиц не было);

2) показать им стрельбу батареи, командир которой стоит в стороне от батареи, а также

3) показать им стрельбу группы батарей при единоличном управлении.

Все их желания были исполнены, и все такие стрельбы мною были организованы. Стрельба гаубиц произвела на французов большое впечатление, повидимому, они тут же решили завести у себя гаубицы. По абсолютно невидимой для наводчика цели стреляла полевая легкая батарея под командой полковника Костина, который стоял в стороне от батареи на расстоянии 800 саженей. Цель командиру также не была видна, он только видел блеск огня неприятельской батареи из-за закрывавшего ее гребня. Так как этот блеск проектировался на фоне темной рощи, находящейся за гребнем, то было ясно, что неприятельская батарея стоит на площади между гребнем и лесом. Больше ничего не было видно. Блеск от двух выстрелов для мишеней батареи изображался взрывом пироксилиновых шашек, положенных около мишеней орудия и взрываемых время от времени посредством электричества.

Для французов стало ясно, что огонь батареи верно

направлен на цель, и обстреливается площадь между прикрывающим батарею гребнем и сзади стоящей рощей. Осмотрели мишени. Несколько высланных туда французских офицеров показали, что мишени, бывшие чистыми до открытия огня, теперь имеют достаточное количество пробоин. Французы остались довольны и этим методом стрельбы.

Последним номером была стрельба шести пеших батарей и одной конной батареи. Предполагалось, что в бою участвуют дивизия пехоты и бригада конницы: места их нахождения на различных этапах боя обозначались флагами. Особенное впечатление на французов произвел переезд конной артиллерийской батареи нашей школы с правого фланга на левый. По пути этого переезда командиру батареи, следовавшему вместе со своей батареей на полном карьере, показана была неприятельская конница, внезапно выходящая из леса. Командир повернул батарею кругом, снял батарею с передков, сделал три залпа, и неприятельская конница скрылась в лесу. Осмотр мишеней этого маневра показал довольно большое поражение неприятельской конницы.

В конце этого маневра французы захотели ознакомиться с оборудованием нашего полигона. Им показали телефонную систему подземных кабелей и чрезвычайно прочные блиндажи, в которых находилась центральная станция. Все было устроено так, что в любой из 12-ти имеющихся траекторий стрельбы можно было соединиться с любым пунктом полигона по телефону. Они остались очень довольны этой системой.

После маневров в нашем собрании был дан завтрак. За завтраком рядом со мною сидел французский полковник Верлен. Предлагались официальные тосты за здоровье глав государств, за русский и французский народы, за союзные армии. Верлен обратился ко мне и полушопотом сказал:

— Экстра-тост, Али Ага, за ваше здоровье!

Я был удивлен, что он знает мое имя, так как мы первый раз встретились.

Он мне об'яснил:

— Во Франции, Али Ага, артиллеристы вас знают. Приезжающие отсюда, побывавшие в офицерской школе, всегда о вас рассказывают.

После завтрака гости уехали. В окрестностях Петербурга, в Красном Селе, французам были показаны маневры войск гвардии Петербургского военного округа, а затем, после ряда торжественных банкетов, французская делегация во главе с французским посланником, дала прощальный обед в ресторане „Кюба" для начальствующих лиц русской армии. На этот обед был приглашен из Луги и я.

В следующем году в Петербург с визитом к царю прибыл президент французской республики Пуанкаре и привез награды за показ генералиссимусу русской армии. Всего им было пожаловано два командирских ордена Почетного легиона (генеральские кресты), из которых один получил командир гвардейского корпуса генерал-адъютант генерал от кавалерии Безобразов, а второй — я. Командир нашей конной батареи полковник Зубовский получил офицерский крест Почетного легиона.

Осенью 1913 года начальник школы генерал Синицын ушел в отставку по преклонному возрасту. На его место великий князь выбрал инспектора артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенанта Гантимова, которого он знал очень давно, а я был знаком с этим генералом с первого же года службы. Когда генерал-инспектор предложил ему эту должность, тот был поражен:

— Я никогда не готовился к такой должности, мне трудно будет ее занимать.

Великий князь ответил:

— Я вас туда назначаю только на один год. В ноябре 1914 года будет проведена в жизнь большая программа преобразования армии, тогда вы получите должность начальника артиллерии Одесского военного округа, а Шихлинский станет во главе школы. Теперь, когда он меньше года состоит помощником начальника школы, мои советчики не соглашаются на такое раннее его назначение.

— А что же, ваше императорское высочество, я буду в этот год делать? Я же не знаю условий этой службы.

— У вас будет помощник, хорошо знающий ее.

— Тогда разрешите мне сначала с ним переговорить.

— Пожалуйста, с ним можете переговорить, но не смейте соваться в Главное артиллерийское управление, пока не дадите мне ответа.

Меня вызывают к телефону. Я подхожу. Взволнованный голос говорит:

— Здравствуйте, Али Ага, с вами говорит Гантинов.

— Здравствуйте, Валерий Михайлович. Чем могу служить?

— Я говорю с вами из кабинета его высочества. Мне предложена должность начальника школы. Я вас очень прошу приехать в Собрание армии и флота в 5 часов, мы пообедаем и посоветуемся.

Я приехал. Гантинов меня спросил, согласен ли я на то, что он будет только шефом, а я буду вести занятия. Я ему ответил, что не только согласен, но и обязан, потому что положение о школе так об этом и говорит.

Тогда он сказал:

— Благодарю вас, я доложу великому князю о своем согласии.

Затем он получил назначение.

Новый начальник постоянно находился в районе аудиторий, посещал лекции и тактические занятия, которыми руководили офицеры Генерального штаба, но в ход этих занятий не вмешивался, оставив все это своему помощнику.

В лагере был такой же порядок, он выезжал на стрельбы каждый день, но все руководство лежало на мне.

В конце лагерного сбора 1914 года для проверки работы школы приехала комиссия, во главе нее был генерал граф Баранцев, которого я еще не встречал, но знал, что это человек высокой порядочности, знаток артиллерии, однако человек со странностями и неуживчивый. Особенно не уживался он с начальством. Будучи начальником артиллерии Варшавского округа, он не ужился с генерал-губернатором и командующим войсками и просился в отставку, но военный министр, ценя его знания и душевные качества, взял его в свое распоряжение. Вот теперь этот странный человек приехал проверять нашу работу.

Он явился к начальнику школы и показал свои полномочия. Тот ему сказал:

— Хозяином положения здесь является Шихлинский, к вас прошу обратиться к нему.

Денщик мне доложил, что пришел генерал, который меня ожидает в кабинете. Войдя туда, я увидел генерала, державшего в одной руке шапку, а в другой хлыст. Без шашки, в кителе. Мы обменялись рукопожатием. Он продолжал пристально смотреть на меня. Я предложил ему сесть. Он не принял этого предложения. Разглядев меня вполне, он сказал:

— Вас все хвалят, а мне мой жизненный опыт говорит, что когда человека все хвалят, то тут есть какая-то фальшь.

Я сразу охладел и ответил:

— Ваше снятельство, вы будете здесь у нас 10 дней, каждый день, если пожелаете, будете проводить с мною 6 часов. В вашем распоряжении будет 60 часов наблюдения за мной и, если в чем-либо вы найдете какую-нибудь фальшь, я вас покорнейше прошу также откровенно, как теперь вы высказали мне свое подозрение, рассказать и о замеченном.

Он продолжал стоять. Сухим тоном я добавил:

— Каждое утро ровно в 6 часов я здороваюсь с батареей, на стрельбе которой думаю присутствовать. Каждое утро в 6 часов без 15 минут вам и вашей комиссии будут подавать лошадей. К вам явится офицер и проведет вас на ту директрису, где я буду находиться. Стрельба будет организована так, что в течение первых шести дней, выезжая в поле по утрам и после обеда, вы увидите каждую из наших 12-ти партий в работе, а следующие 4 дня останутся для более крупных занятий в составе дивизиона и бригады; если до тех угодно другой порядок показа, я организую его иначе.

— Нет, мы ничего изменять не будем, нам дано директива посмотреть то, что вы без нас делаете; поэтому и при нас сохраняйте свой обычный распорядок занятий.

Он ушел. Со следующего дня начался показ. Баранцев постоянно что-то записывал в свою книжку и советовался с членами своей комиссии, но каждый раз на мой вопрос: „Что угодно вам сказать?“ — отвечал: „Ничего.“

Накануне его отъезда адъютант доложил мне по телефону, что сегодня граф Баранцев со всей комиссией хочет попрощаться, причем он желает сделать мне

непременно на моей квартире. Он просил сообщить, в котором часу я могу его принять. Я попросил комиссию прибыть ко мне к 4-м часам.

К четырем часам жена сервировала чай со всякими гостеприимными сладостями. Приехал и генерал Гантимов, извещенный мною о желании графа.

Пришел граф Баранцев. Он был чрезвычайно любезен, познакомился с моей женой, поцеловал ей руку, а потом, обращаясь к генералу Гантимову, сказал:

— Теперь я убедился в том, что, имея такого помощника, можно быть спокойным.

На прощание он обратился к моей жене:

— Разрешите обнять вашего мужа.

Она ответила:

— Не только разрешаю, но и благодарю вас за теплое к нему отношение.

Он меня обнял и трижды поцеловал.

— Граф, я очень боюсь,—сказал я ему,—что и вы теперь будете меня расхваливать на всех перекрестках, оказав этим плохую услугу. Могут найтись большие, чем вы, скептики, которые скажут: ну и ловкач этот Шихлинский, даже графа Баранцева обошел.

Он еще раз взял меня за руку и сказал:

— Не будьте таким злопамятным, это к вам не идет.

И мы с ним расстались друзьями. Я его больше не встречал.

Нагрянувшая первая мировая война закончила мою работу в офицерской артиллерийской школе.

В течение моего пребывания в школе я издал следующие брошюры:

1. Инструкция для организации артиллерийских маневров в составе дивизиона.

2. Конспект лекций, читанных в офицерской артиллерийской школе полковником Шихлинским. Этот конспект, изданный школой, получил большое распространение в нашей артиллерии и дал школе достаточный доход, из которого мне было уплачено в виде гонорара 500 рублей золотом.

3. В журнале школы напечатал статью „О стрельбе артиллерии через голову своих войск".

Этот вопрос был поставлен очень остро после рус-

ско-японской войны. Многие говорили о том, что для поддержки атакующей пехоты иногда необходимо стрелять через ее голову, но еще большее число начальствующих лиц отрицало этот метод стрельбы из опасения, что будут поражены свои войска. В моей статье доказывалось как вычислениями, так и чертежами в масштабе на канвовой бумаге, что эта стрельба опасна для своих войск на ровной местности только при подходе их к цели на расстоянии в сто саженей, а до этого расстояния можно стрелять без всякого опасения; если же неприятель занимает скат, обращенный к нам, то это безопасное расстояние сокращается до 30—35 саженей; когда неприятель занимает гребень высоты, круто спускающейся к нам, то можно поддерживать нашу атакующую пехоту почти вплоть до штыкового удара.

Эта статья произвела переворот в мнениях артиллерийских войсковых начальников. На эту статью была ссылка в одном из военных журналов Красной Армии еще в 1924 году. Ясно, что и сейчас еще существуют скептики, которые боятся такой стрельбы.

К моим слушателям я предъявлял такие требования, с которыми многие артиллеристы не соглашались:

1) Я требовал наступления артиллерии вместе с пехотой или за нею, но так как артиллерия—оружие дальнего боя, то указывал, что пользоваться им без крайней необходимости в пределах досягаемости ружейного огня не следует, оставаться же артиллерии на дальних позициях, когда пехота приблизилась на расстояние ружейного огня, преступно. Мне возражали, что русско-японская война показала небывалую смертоносность современного огнестрельного оружия и что, поэтому, наступать артиллерии открыто невозможно.

Я отвечал, что японская война также показала, что наша артиллерия открыто отступала под огнем, а по отступающим гораздо легче стрелять, чем по наступающим, так как грозное движение артиллерийских батарей вперед вселяет тревогу в душу противника. У него плечо трепещет, в глазах рябит, и он не так метко стреляет, как по отступающим. Конечно, я говорил о том, что нужны меры осторожности, бросаться без предварительной подготовки и рваться в огонь нельзя. Всякому передвижению артиллерии вперед должна предшест-

вовать тщательная разведка и исправление путей. Пехотные части, в районе которых хотят передвинуть артиллерию, должны быть осведомлены об этом. Необходимо очистить для нее место в избранном ими позиционном районе. Батареи переводить надо под охраной, причем остающаяся на месте батарея своим огнем должна прикрывать движение идущих вперед. Вообще все такие переезды по открытой местности надо делать, как говорил Суворов, „с разумением и под ответом".

Отдельные случаи лихих переездов артиллерии вперед во время первой мировой войны и многочисленные случаи открытого движения артиллерии и танков в текущую войну целиком оправдывают мое требование. В текущую войну танковые колонны и артиллерия движутся вперед, несмотря на колоссальные потери орудий и танков. Дальнобойность артиллерии не является гарантией жизни артиллеристов, когда пехота гибнет тысячами, а служит для того, чтобы близко подойти к противнику, обстреливать его на возможно более широком районе и по всей глубине его расположения, и бить его не только фронтальным огнем, что производится с дальних позиций, но и во фланг и даже косвенно в тыл.

2) Стрельба артиллерии, как бы точно она ни производилась, не имеет никакой цены, если она не обусловлена тактическим положением данного этапа боя. Поэтому артиллерист должен иметь еще более широкий кругозор, чем пехотинец или кавалерист. Батальонный командир, например, обязан знать положение на фронте своей дивизии и ближайших частей соседней дивизии, так как огонь может потребоваться на любом пункте района своего корпуса.

3) Я требовал возможно раннего выезда вперед начальника колонны, а не тогда, когда поступят первые сведения о столкновении передовых частей, идущих навстречу противнику. Сам я лично выезжал, как только завязывалась перестрелка пехоты с заставой противника, и мой старый приятель, ныне доктор военных наук, профессор тактики артиллерии Евгений Захарович Барсуков всегда упрекал меня за слишком большую прыткость.

4) По своему характеру я всегда тяну вперед,

мысль моя всегда летела вперед, поэтому очень часто мои далеко идущие предложения не разделялись моими сослуживцами, но иногда, спустя продолжительное время, они оправдывались. Так, например, я давно проповедывал введение полковой артиллерии. Против этого не только артиллеристы, но и многие общевойсковые начальники возражали. Теперь полковая артиллерия введена в Красную Армию с 1924 года и полностью себя оправдала. Это—один пример.

Другой пример. В 1911 году в школе пересматривали правила стрельбы. Возбужден был вопрос о правилах стрельбы по воздушным целям. Я говорил о том, что не только положение этих целей не похоже на наземные цели, но у них, кроме того, слишком велика быстрота, а именно 60 верст в час. Я высказывал мнение, что сегодня они делают 60 верст в час, завтра будут делать 90 верст, а пока мы обдумаем основу этой стрельбы, создадим специальные пушки и составим правила, они будут делать уже 180 верст в час. Вот поэтому сегодня же надо писать правила для стрельбы по самолетам, которые идут со скоростью 180 верст в час. Мои товарищи меня упрекали, что я, как любитель верховой езды, всегда разрешаю вопрос времени, векать, а один даже сказал:

— Али Ага заджигитовал.

Но мы теперь знаем, что самолеты, делающие даже 500 км в час, не считаются уже скоростными.

И теперь, если бы не моя физическая немощь—ослабление слуха, зрения, слабость сердца, которая приводит к быстрому утомлению, мой мозг в таком состоянии, что я мог бы работать под девизом вперед! Всегда вперед!

УЧАСТИЕ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Во время первой мировой войны я не командовал частями, поэтому не могу предложить образцов нашей славной молодежи, борющейся в текущей войне на обширных полях с извергами XX века. Но мое очень быстрое продвижение по иерархической лестнице и то обстоятельство, что различные командиры высших рангов старались перетянуть меня к себе, показывают, что моя работа на фронте признавалась полезной и получила положительную оценку. Поэтому я считаю, что участие мое в мировой войне все-таки довольно поучительно.

В ночь с 18-го на 19-ое июля (по новому стилю с 1-го на 2-ое августа) 1914 года мы получили телеграмму от военного министра о том, что Германия об'явила нам войну. Наша школа была на полигоне, и нам предстояло провести там еще 40 дней. Около 2-х часов ночи пришла телеграмма лично на мое имя с требованием 19-го числа в 11 часов дня быть в штабе войск гвардии Петербургского военного округа. Я быстро изготовился, сложился по-военному и в 6 часов утра был уже на вокзале в Луге. Поехала со мною и жена.

В Петербурге мне об'явили, что я назначен начальником артиллерийской обороны столицы на случай, если бы немцы высадили десант на Балтийском побережье и атаковали столицу.

Мне вручили карту, на которой заранее была намечена линия обороны. Она тянулась дугой от Лахты до северного побережья Финского залива и от южного побережья того же залива между Петергофом и Ораниенбаумом, прикрывая Красное Село и Гатчину, пересекала Петербургско-Варшавскую железную дорогу. На всем протяжении этой линии обороны с первого же дня войны начались усиленные фортификационные работы. Не за-

держивая этих работ, я сразу же об'ехал весь фронт и наметил места установки батарей, при этом указав, какие для них нужно сделать окопы и ложементы.

В мое распоряжение были назначены два руководителя крепостного отдела офицерской артиллерийской школы полковники Лукьянов и Денекян, ряд офицеров, вызванных из запаса, затем офицеры, служившие вне строя в различных петербургских учреждениях или обучавшиеся в Артиллерийской академии. Среди этих офицеров было три выдающихся человека: профессор Артиллерийской академии генерал Никитин, молодой профессор той же академии полковник Граве (ныне лауреат Сталинской премии), которого я назначил к себе начальником штаба, и восходящее светило, молодой, но чрезвычайно способный капитан Яковлев.

Мне были даны орудия образца 1877 года калибром от 3,4 дюйма до 6-ти дюймов. К этим орудиям нужно было приспособить угломеры для стрельбы по закрытой цели, а личный состав как офицеров, так и солдат надо было обучить стрельбе по новым правилам. Для этого я организовал две школы — во главе одной из них я поставил полковника Лукьянова, а во главе другой полковника Денекяна. Работа закипела.

В это же время я дважды выезжал в командировку в Финляндию, где мне было поручено наметить новую линию сухопутной обороны крепости Свеаборг.

Старая линия обороны была слишком близка к городу Гельсингфорсу. Дальнобойная артиллерия противника, находясь сама вне досягаемости наших старых орудий, стоявших на прежней линии, могла бы свободно обстреливать как столицу Финляндии, так и Свеаборг, с находящимися в его порту военными судами.

Я значительно отдалил вперед линию фронта обороны, выбрал места для установки батарей и ложементов, указал род и калибры орудий; этим мои обязанности были закончены, и я вернулся опять к организации артиллерийской обороны Петрограда.

Одновременно с этим я продолжал командовать оставшейся частью офицерской артиллерийской школы. Весь строевой и преподавательский состав школы отправился на театр военных действий, здесь же остава-

Нияр Ханум Шихлинская

лась хозяйственная часть и один из важнейших отделов школы — ее полигон, расположенный под городом Лугой. Живя в Петрограде, я два раза в неделю выезжал в Царское Село для распоряжений по школе.

С целью усилить оборону столицы, я потребовал отпуска еще некоторого количества скорострельных пушек образца 1900 года. Они были установлены на особого типа платформе*, спроектированной генералом Розенбергом. Таким образом, у меня появилась противосамолетная артиллерия. Она была расположена по той же окружности.

С уходом личного состава школы на театр военных действий, помещение нашей учебной части и казармы всех батарей опустели. Тогда жены и другие члены семей нашего командного состава задумали устроить здесь больницу Красного Креста, исключительно для раненых и больных солдат. Во главе больницы находился дамский комитет офицерской артиллерийской школы, председательницей которого дамы выбрали мою жену. Эта больница была названа „Больницей дамского комитета офицерской артиллерийской школы", но обычно ее называли „Больницей Шихлинской". Моя жена постоянно бывала в лазарете и, помимо своих обязанностей председательницы комитета, писала раненым солдатам письма к родным на русском языке, на языке казанских татар, казахском и др. Солдаты называли ее не иначе как „мамаша", а так как и я посещал эту больницу, меня произвели в „папаши".

В январе 1915 года я получил телефонограмму от начальника Главного артиллерийского управления (он же комендант Кронштадта) генерала Маниковского, моего школьного товарища, с просьбой прибыть к нему в Главное артиллерийское управление.

Он мне сообщил следующее:

— Я был на фронте в штабе Северо-Западного фронта у генерала Рузского, и он попросил меня рекомендовать ему такого артиллериста, который одинаково хо-

---

* Платформа, приспособленная под полевое орудие для стрельбы по самолетам, давала возможность вести стрельбу на 360° по горизонту и по высоте до 55° (Ред.).

рошо знал бы полевую легкую и тяжелую артиллерию. „У нас с тяжелой артиллерией справиться не могут", - заявил он. Я ему назвал тебя, оговорившись, что командующий 6-й армией вряд ли согласится отпустить. Но генерал Рузский решил попытаться. Надеюсь, ты на меня не сердишься за то, что я тебя рекомендовал.

Я, разумеется, выразил только благодарность.

17-го января я уже выехал в Седлец, где находился штаб Северо-Западного фронта. Не только Рузский и Бонч-Бруевич, но и начальник штаба генерал Гулевич встретили меня радостно.

Для характеристики отношения ко мне начальника штаба приведу один случай. Полковник Генерального штаба Хвощинский подал ему длинную телеграмму с распоряжением по артиллерийской части. Гулевич спросил:

— Кто эту телеграмму составил?

Ему доложили, что генерал Шихлинский. Он тогда прикрыл рукою текст и там, где было оставлено место для его подписи, написал: „Гулевич". Затем, улыбаясь, сказал:

— Если телеграмма составлена Али Ага, то ее можно подписать, не читая.

Хвощинский хотел убрать телеграмму, но Гулевич, задержав ее, добавил:

— Постойте, этим я выразил доверие Али Ага, но все-таки я должен знать, что именно подписал.

Первый мой выезд к войскам состоялся 20-го января. По указанию главнокомандующего, я должен был посетить раньше всего вторую армию, штаб которой находился в городе Гродзиске. В штабе мне показали расположение 5-ти тяжелых батарей, состоящих из крепостных орудий. Все они были поставлены вместе за широкой густой рощей, вполне скрывающей их от неприятельского наблюдения.

Я на другой день туда и поехал. Батареи были поставлены очень близко друг от друга, на тесных интервалах, чтобы всем им поместиться за рощей. Вернувшись, я сообщил в штаб, что батареи надо развести, и на карте показал место, где я их поставила бы (с самой местности я еще не видел).

Одновременно я сделал распоряжение, чтобы на другой день утром в штаб явились инспектора артиллерии расположенных здесь всех четырех корпусов.

В числе их приехал и наш старый знакомый генерал Ивашинцев, который когда-то протестовал против того, что начальником сбора на полигоне был назначен я, а не он. Когда я предложил развести батареи по таким-то местам, Ивашинцев опять возразил:

— Да зачем эти тяжелые орудия таскать, Али Ага. Ведь мы отсюда по всем этим пунктам можем стрелять.

Я разъяснил, что по всем пунктам может стрелять одна батарея, нужно лишь обеспечить ее большим запасом снарядов, а остальные 4 батареи перебросить в другую армию. Батареи надо расставить так, чтобы они стремили по разным направлениям: то в лоб, то в правое ухо, то в левое ухо, а то и в затылок.

Ночью шел дождь, грязь была невообразимая. Я приехал туда, где должны были ожидать меня офицер с лошадью. Там оказался и сам генерал Ивашинцев. Он решил вместе со мной посетить эти места, а может быть, и посмотреть, почему я выбрал именно их. Я показал ему место, где должна была быть поставлена одна батарея, а также и место наблюдательного пункта для этой батареи в сторонке от самой батареи. Он внимательно осмотрелся во всю обстановку и сказал:

— Да, это хорошо.

Дальше мы поехали по всему фронту, и оказалось, что выбранные мною места всем нравятся, никто против них не возражает. Я вернулся в штаб и доложил командующему армией, что дело налажено и инспектора согласились с местами, куда батареи будут перевезены. Затем я уехал в штаб фронта.

Вскоре после этого генерал Рузский командировал меня в Новогеоргиевскую крепость с приказанием отобрать там орудия, которые можно было бы вывезти в поле в виде тяжелой артиллерии. Я там нашел уже 2 дивизиона, организованные из 6-дюймовых гаубиц современного типа, и оба дивизиона вывел оттуда со всем личным составом. Они были отправлены на фронт. Кроме того, из Новогеоргиевской крепостной артиллерии я взял несколько орудий калибра 4,2 дюйма (они у нас называются 42-линейными), орудия образца 1877

года, к ним приспособил угломеры и вывез их на левый фланг той же 2-й армии для установки на выбранной мною площадке около Варшавско-Виленской железной дороги.

Я назначил день первой стрельбы из крепостных орудий и сам при ней присутствовал. Неожиданно сюда же под'ехал генерал Ивашинцев. Молодцевато спрыгнув с лошади, он с сияющим лицом подошел ко мне и сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за урок. Как только начали стрелять из орудий, расставленных по вашему предложению, у немцев поднялся невероятный переполох.

Следующий мой выезд был в район 1-й армии. Мне нужно было посетить Второй Кавказский корпус, командиром которого был мой соотечественник генерал С. Мехмандаров, а также один из сибирских корпусов, которым командовал генерал Воронов.

В штабе Сибирского корпуса меня встретили явно недружелюбно; и командир корпуса, и инспектор артиллерии сухо заявили, что у них артиллерия еще не вполне установлена. Я попросил показать мне, где у них расположен тяжелый дивизион. Мне показали. Я нашел, что все батареи скучены и место выбрано неподходящее. Еще с вечера я рассмотрел карту их расположения и по карте определил, где, на мой взгляд, следует поставить батареи.

— Теперь, с вашего разрешения, — заявил я командиру корпуса, — я поеду и ознакомлюсь с этой позицией в натуре, а не только по карте.

По дороге я нашел еще два места, которые были гораздо лучше их позиции, они могли бы быть и наблюдательными пунктами для другой батареи. Проехав еще версту, я встретил артиллериста-полковника с ад'ютантом, который ехал мне навстречу. Он представился как командир тяжелого дивизиона артиллерии корпуса. Оказывается, он ездил в поисках новой позиции для своего дивизиона. Я его спросил:

— Нашли позицию?

— Да.

— Покажите.

Он показал то самое место, которое я нашел еще

штабе армии. Целых десять дней они тут были и десять дней терпели неладное расположение своей артиллерии и только получив телеграмму, что завтра приедет генерал Шихлинский для проверки расположения тяжелой артиллерии, в штабе корпуса спохватились и стали искать лучшие позиции. Из этого инцидента я понял, что инспектор артиллерии корпуса генерал Макеев вообразил себя гением и очень обиделся, что инспектировать его едет какой-то неизвестный генерал младшего чином. В этой связи мне пришел на память следующий афоризм—если обыкновенный смертный вообразит себя гением, то он натуральнейший тупица.

Итак, из 6-ти осмотренных мною корпусов только в одном тяжелая артиллерия была расположена соответствующим образом и получила целесообразную задачу.

Новый мой выезд был опять в район 2-й армии. На этот раз я хотел посетить 5-й армейский корпус под командованием генерала Гурко, штаб которого находился в городе Жирардове. С вечера по телефону я связался с исполняющему должность инспектора артиллерии генералу Сидельникову:

— Доложите командиру корпуса, что мне необходимо видеть вашу тяжелую артиллерию. Я поеду из Гродиска до Жирардова и далее до станции Франциполь на поезде, а там прошу мне приготовить верховую лошадь и человека. Это в том случае, если командир корпуса не захочет мне дать каких-либо предварительных указаний, если же командиру корпуса угодно будет дать мне таковые, пусть на вокзале в Жирардове меня кто-нибудь встретит, и я приеду в штаб корпуса.

На другой день на станции Жирардов меня встретил офицер и на автомобиле повез меня к командиру корпуса. У командира корпуса в кабинете сидел инспектор артиллерии Сидельников. Генерал Гурко, у которого в корпусе я был при первом моем выезде на фронт, принявший тогда меня очень хорошо, на этот раз сухо об'явил:

— Вот вы раз'езжаете и даете приказания—выставить вам там-то лошадь, говоря, что на обратном пути вы заедете в штаб. Я считаю это не совсем удобным.

Внимательно посмотрев на Сидельникова, который опустил глаза, я ответил генералу Гурко.

— Ваше превосходительство, я повторяю вам то,

что вчера говорил по телефону вашему инспектору артиллерии: если вам угодно дать мне какие-нибудь предварительные указания, то пусть меня кто-нибудь встретит на вокзале в Жирардове, и я приеду в штаб корпуса. а если их не будет, то разрешите мне для избежания лишней траты времени проехать прямо до Франциашкова, а на обратном пути явиться к вам с полным докладом. А насчет лошади, согласитесь сами, что такое большое расстояние от железной дороги до позиции вашей артиллерии я не могу по снегу итти пешком. Наконец, все это было просьбой, а не приказом. Из ваших же слов, ваше превосходительство, я вижу, что вам не так доложили о моей просьбе. Если у вас не будет никаких указаний, разрешите мне продолжать свою поездку.

— Пожалуйста.

Я поехал на позиции и увидел нечто неладное. Батареи стояли в 5-ти верстах за пехотой. Около батарей были все хозяйственные пожитки и тут же находилась кухня—чай себе варят и обед готовят. Это были крепостники, они не понимали полевой службы, и их расположение являло полное непонимание полевой службы. Я им показал на карте места, где им следовало бы поставить батареи, разные же хозяйственные учреждения оставить сзади, а потом сказал:

— Я не вправе вам отдавать распоряжения. Если наш инспектор артиллерии с моими указаниями согласится, а командир корпуса эти указания одобрит, тогда вам предложат их выполнить; если же такого приказания вы не получите, то поступайте так, как они прикажут.

В штабе корпуса я доложил Гурко:

— Батареи стоят очень далеко. Места, ими избранные, совсем открыты.

Гурко возразил:

— Дальше Скорневицкого леса мы стрелять не можем, там ничего не видно, а на расстоянии до леса и отсюда можно вести огонь. Если же тяжелая артиллерия окажется слишком близко к позиции, получится неудобно. Вот ведь в 5-й армии орудия немцам оставили.

— Не надо равняться на оставляющих свои орудия—сказал я.

Гурко живо спохватился:

— Да я не равняюсь на них.

Я высказал свое мнение:

— Будь я пехотным командиром, может и забыл бы о батарее, которая стоит в 5-ти верстах от меня, потому что я и звука ее не слышу. Если же батарея была в одной версте от меня и своей боевой музыкой услаждала мой слух, такую матушку я бы не оставил на позиции!

Помимо того, я об'яснил, что на таком расстоянии артиллерия вынуждена будет стрелять только полным зарядом, очень разрушительным для своих орудий, а если их подадут ближе, удастся применять уменьшенный заряд, который не разрушает орудия, дает крутую траекторию и бьет сверху вниз. Кроме того, снаряды в этом случае сильнее разрушают земляные укрепления.

— Наконец, ваше превосходительство, если 42-линейные батареи поместить сюда (указываю), то они возьмут во фланг окопы противника, не только зарывшись в землю против фронта вашего корпуса, но и против 4-го корпуса, стоящего левее вас.

Он посмотрел, прикинул расстояние и, обращаясь к инспектору артиллерии, сказал:

— Совершенно верно говорит генерал. Прикажите сегодня же ночью переместить батарею на указанное им место.

Для полноты впечатления забегаю вперед. После этого случая я полагал, что мои встречи с генералом Гурко всегда будут холодны, так как думал, что он мною остался недоволен. В первый раз после этого я его встретил как заместителя начальника штаба верховного главнокомандующего во время болезни генерала Алексеева. Вторая встреча произошла на Нарочском направлении, где он командовал уже 5-й армией, и куда я был командирован из ставки в качестве генерала для поручений при верховном главнокомандующем. Третья встреча была тогда, когда он был назначен моим прямым начальником — главнокомандующим Западным фронтом. Во всех этих случаях он бывал ко мне чрезвычайно внимательным.

Штаб 5-й армии в апреле 1915 года находился в г. Лемже. В районе этой армии был расположен дивизион

6-дюймовых осадных пушек завода Шнейдер-Крезо. Это были очень мощные и меткие орудия, но в войсках ими пользоваться не умели. Я поехал в Ломжу, чтобы дать указания для правильного использования этих орудий. В штабе мне сказали, что командующий армией генерал Плеве каждой из своих дивизий дал по одной такой пушке, одну батарею целиком передал 4-й дивизии и при этом предупредил начальника дивизии:

— Если вы не будете стрелять, то я у вас ее отберу.

И вот, по требованию начальника дивизии, эти 6-дюймовые пушки стали стрелять по совершенно пустяковым целям на дальнее расстояние. Был случай, когда стреляли по двум—трем повозкам обоза, идущим по шоссе на расстоянии недоступном для этих орудий.

Я выразил свое возмущение начальнику штаба армии генералу Миллеру (тот самый Миллер, который в дальнейшем возглавлял в Париже военную организацию белых эмигрантов). Он ответил, что это требование командующего армией.

— Вы знаете, какой он упрямый. С ним ничего нельзя сделать.

— Пойдемте к нему,—предложил я,—может быть мне удастся его убедить в нецелесообразности такого распоряжения.

Мы явились к генералу, больному, почти слепому, сидящему в мягком низком кресле, заложив правую ногу через левую. Я ему доложил, что в 4-й дивизии и вообще в его армии нелепо поступают с ценными орудиями. Орудия принесут гораздо больше пользы, если их поставят вместе или, по крайней мере, по два орудия. Тогда и хозяйство их не будет расстроено, теперь люди стоят друг от друга за несколько верст, их даже трудно кормить. Они ведут огонь по пустяковым целям, вместо того, чтобы поражать противника и прочие постройки, которыми другие наши пушки бороться не могут.

— Поэтому, ваше высокопревосходительство,— заключил я,—было бы очень хорошо, если бы вы нашли возможным запретить дивизиям попусту выпускать дорогие снаряды и портить еще более дорогие орудия.

Он быстро перекинул левую ногу через правую и крикнул в сторону Миллера:

— Не стрелять!

Я его поблагодарил, а перед уходом напомнил:

- Я ваш ученик по Михайловскому артиллерийскому училищу. Когда я был в старшем классе в 1885—85 учебном году, вы являлись руководителем наших практических занятий по тактике.

У него лицо совершенно изменилось. Он повеселел, протянул мне руку и сказал,

— Очень рад. Очень рад.

В Ломже я сильно заболел гриппом и принужден был лечь в постель. Вдруг получаю телеграмму: „Немедленно возвращаться в штаб фронта". Приезжаю. Оказывается, Рузский заболел и ушел на временный отдых. Главнокомандующим назначен генерал Алексеев, и он пожелал меня увидеть, чтобы узнать, зачем я здесь, так как по штату такой должности не было.

Находившиеся в моем распоряжении полковники Черкасов и Эйдеи были этим сильно взволнованы, так как генерал Алексеев и их спросил, зачем они здесь.

Я явился к Алексееву. Он очень любезно и деликатно спросил:—Чем вы тут заняты?—Я ему подробно рассказал о своей деятельности на фронте 1-й и 2-й армии, показал написанные мной инструкции для действий дивизиона 6-дюймовых пушек завода Шнейдер-Крезо и для пользования в траншейной войне малокалиберными морскими орудиями, снятыми с судов.

На другой же день он послал в ставку следующее ходатайство: „По встретившейся надобности, прошу учредить в порядке верховного командования при мне должность генерала для поручений по артиллерийской части и на эту должность назначить генерал-майора Шихлинского".

Пришел ответ за подписью дежурного генерала Кондзеровского о том, что такая должность „Положением о полевом управлении войск" не предусмотрена. Алексеев обратился повторно, написав: „Если главнокомандующий фронтом находит нужным просить о чем-нибудь, то он прежде, видимо, обдумал вопрос всесторонне; что такой должности нет в „Положении о полевом управлении войск", вероятно главнокомандующему известно. Настаиваю на своей просьбе и прошу вас о ней доложить верховному главнокомандующему."

Через несколько дней в штабе фронта был получен приказ верховного главнокомандующего, в котором в § 1-м вводилась просимая должность, а в § 2 на эту должность назначен был я. Таким образом, я остался на фронте.

Следующий мой выезд на фронт имел особый характер. Я обратил внимание на то, что слабым местом нашего фронта являются стыки между частями и соединениями, и что немцы особенное давление оказывают именно на эти участки. При отходе наши войсковые начальники часто обвиняют друг друга. Один говорит: мой левый сосед ушел, открыл мой левый фланг, и я принужден был отступить, другие заявляют, что раньше ушел правый сосед, оголил его правый фланг, и он принужден был отойти.

Я на это обратил внимание главнокомандующего и доложил ему, что можно было бы, изучив местность на стыках, организовать взаимодействие артиллерии соседних соединений и частей для обороны этих стыков. Он это одобрил и сказал, что это полезно даже и между фронтами Западным и Юго-Западным. Списались с главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом Ивановым. Мне разрешили об'ехать весь фронт его правофланговой 4-й армии, под командованием генерала Эверта.

В этой армии за день до моего приезда произошла очень интересная стрельба, но, к сожалению, я на ней не присутствовал. Сюда приехал американский офицер артиллерист, который интересовался стрельбой русской артиллерии при удалении командира батареи от своей батареи на значительное расстояние. Такого рода стрельба была развита в нашей артиллерии после японской войны. В других государствах не верили в ее целесообразность. В это время полубатарею одной из батарей 2-й гренадерской артиллерийской бригады понадобилось перевести на новую позицию, и это было исполнено в присутствии американца. Полубатарея стала на новую позицию. Командир батареи стоял на наблюдательном пункте, левее своей полубатареи, на вершине. Американец заинтересовался стогом сена, находящимся впереди, в расположении неприятеля, и просил командира батареи, не подходя к своей батарее, открыть огонь по этому стогу. На это командир ответил:

— С прежней позиции, где стояла полубатарея, мы уже стреляли по хутору, около которого стоит этот стог, и данные нам известны. Мы можем сейчас же эти данные трансформировать для новой позиции и открыть огонь.

Тот даже рот разинул.—Разве это возможно?

Да, мы это делаем. У нас записано, по какой цели и при каких данных мы стреляли.

Командир взял карандаш, на бумажке сделал маленький чертеж и показал на карте:

— Видите, мы переместились на 400 саженей левее прежней позиции. Это соответствует для данной дистанции до цели двумстам делениям угломера, и, кроме того, новая позиция на сто саженей ближе к стогу, чем прежняя, а это соответствует пяти делениям прицела. Если я теперь прикажу навести на прежнюю точку наводки, которая находится сзади, то я должен командовать не 250, а 270 по угломеру и прицел поставить не на 100 делений, а на 97. Вот при этих данных мы откроем огонь, и если в стог не попадем, то произведем поправку по наблюдениям.

Первым же выстрелом подожгли стог. Американец был поражен.

Как командующему 4-й армией, так и главнокомандующему фронтом я привез богатый материал для усиления обороны стыков между частями с помощью артиллерийского огня.

Вслед затем я был командирован в 3-ю армию, которой командовал генерал Леш, где посетил гвардейский корпус и 9-й корпус. Последним командовал болгарский генерал Радко Дмитриев. С ним я раньше встречался. Однажды в „Обществе ревнителей военных знаний" был устроен доклад на большую военную тему, и дискуссии участвовал и я. Мое выступление вызвало одобрение аудитории, и мне аплодировали.

Во время перерыва ко мне подошел маленький черноватый штатский в черной паре и на чистом азербайджанском языке, обратясь ко мне, сказал:

— Я о вас и раньше слышал, а теперь рад, что познакомился. Я—Радко Дмитриев.

Это было до войны. Радко Дмитриев был тогда посланником Болгарии при российском дворе. Во время

войны, когда Болгария выступила против России, своей вековой спасительницы, Радко Дмитриев вышел из болгарского подданства и перешел в русское, попросив дать ему какое-нибудь назначение. Он был назначен корпусным командиром. Как болгарин, он хорошо знал турецкий язык, но эмигрировав в Россию, долго служил в Тифлисе, где изучил азербайджанский язык. Он окончил в России Академию генерального штаба. По вступлении на болгарский престол Фердинанда Кобургского, он вернулся на родину.

Приехав в штаб 9-го корпуса, я предполагал, что опять буду беседовать с корпусным командиром на родном языке, но начальник штаба корпуса мне сообщил, что командир болен, лежит в постели и, к сожалению, меня принять не может, но приказал в точности записать все мои пожелания и непременно привести их в исполнение.

Я сказал, что желаю видеть только расположение тяжелой артиллерии. Он дал мне и моему спутнику, морскому офицеру Донканту, верховых лошадей, офицера-проводника и двух вестовых.

Недалеко от штаба шоссейная дорога пересекала железную дорогу, а вблизи этого перекрестка дорог находилась железнодорожная станция. В этом месте железная дорога делала поворот в сторону противника и образовала тупой входящий угол. Тяжелую артиллерию следовало бы расставить в этом месте так, чтобы она полукругом обнимала пересечение дороги с железнодорожными станциями. Но они взяли артиллерию и скучили всю вместе в сторону от этого важного пункта. Я показал командиру тяжелого дивизиона место, где следовало бы поставить батарею, и сказал:

— Из штаба корпуса вам дадут знать, исполнять это или не исполнять.

Затем я вернулся в штаб. Начальник штаба доложил мне, что командир корпуса шлет мне привет и еще раз крайне сожалеет, что не может лично со мной переговорить, а указания мои будут исполнены сегодня же.

Как я потом узнал, оказалось, что герой Балканской войны совсем не был болен и вовсе не лежал в постели, а сидел за письменным столом и занимался делами: принять же он меня не мог потому, что у него на голову и на усы были наложены повязки с краской.

Вернувшись в штаб армии, на другой же день я поехал в расположение 14-го корпуса, которым командовал генерал Цуриков. Тут меня ожидал другой курьез. После беседы с командиром корпуса и моих замечаний, я встал, чтобы попрощаться, но генерал Цуриков попросил остаться пообедать с ним. Я спросил:

— Вы, кажется, вегетарианец?

— Нет, нет. Я ем все. Я совершенно здоров.

Тогда я сказал:

— Я благодарю вас, но обедать не останусь, хотя я думал, что смогу разделить с вами трапезу. Я вегетарианец.

И ушёл. Я знал наверняка, что генерал Цуриков строгий вегетарианец и жестоко страдает желудочными болезнями. Скрыл он это от меня, как от лица, находящегося при главнокомандующем.

Вернувшись в Холм, я сообщил командующему армией все усмотренные мною недостатки. Между прочим, я сказал, что тяжелую артиллерию ставят не на подходящих местах, что ее нужно располагать на вероятном месте наступления противника или на таких местах, которые мы непременно хотим удержать в своих руках.

По возвращении из 3-й армии я представил главнокомандующему доклад о следующем. Часто пехота, понесшая очень большие потери, снимается с позиции и отводится на отдых, с нею вместе снимают и артиллерию. Это я считаю нецелесообразным, так как обычно артиллерия не бывает истрепана в той мере, как пехота. Отводя ослабленную пехоту назад для отдыха, артиллерию следует оставить на позиции и снять только после того, как под прикрытием ее огня новая дивизия со своей артиллерией займет позицию, оставленную отводимой частью; артиллерию же этой последней можно вывезти и применить в другом месте или для оказания более сильного нажима на противника, или для сопротивления его наиболее сильному нажиму. Когда же отведенная назад пехота оправится, то ее вновь введут в бой в том районе, где работает приданная ей артиллерия.

Это мое предложение так же, как и указания о тяжелой артиллерии, было одобрено главнокомандующим, и приказано было об'явить его к руководству во всех армиях фронта.

Когда решили эвакуировать крепость Ивангород, главнокомандующий приказал мне отправиться туда, выбрать по своему усмотрению два крупнокалиберных орудия и поставить их в районе 16-го армейского корпуса для обстрела города Мацневицы и разрушения вражеского наблюдательного пункта. Город был занят немцами; колокольня церкви была единственным наблюдательным пунктом, откуда разглядывалось расположение наших войск. От нас тоже была видна эта колокольня, но не отовсюду, так как огромное пространство было занято густым высоким лесом.

Сначала я заехал в штаб 4-й армии, в состав которой входил 16-й корпус. Командующий армией генерал Эверт отнесся отрицательно к этой затее, но я сказал, что такой категорический приказ главнокомандующего, и я непременно возьму орудия из крепости. В штабе 16-го корпуса также считали, что лучше орудия вывезти, нежели они попадут в руки немцев.

Комендантом крепости был инженер Алексей Владимирович Шварц—мой товарищ по обороне Порт-Артура. Я просил его дать мне список орудий, какие у него имеются, и отобрал два современных 6-дюймовых орудия образца 1904 года системы генерала Маркевича. Орудия эти я распорядился доставить в район 41-й дивизии, нашел подходящий наблюдательный пункт для корректировки огня.

Еще затемно я выехал на автомобиле и ранним утром был в штабе корпуса. Начальник штаба встал с постели и, накинув на себя летнее пальто, вышел ко мне, сказав, что командир корпуса спит. Я попросил его посмотреть, может быть он уже проснулся. Он сам открыл дверь, и оттуда послышался голос:

— Я не сплю.

Тогда я попросил начальника штаба, чтобы не беспокоить командира корпуса, передать, что орудия я уже получил и сейчас поставил в районе 41-й дивизии, близко около станции, чтобы не пришлось далеко тащить. Потом я попросил дать мне разрешение по дороге заехать в артиллерийский полк и заказать там лошадей, передки и побольше людей, чтобы сгрузить пушки и довезти их на лошадях до указанного мною места. Когда я приехал на вокзал, то оказалось, что орудия уже на [illegible]

зале, но еще стоят на железнодорожной платформе. С этими пушками были присланы два юнца, безусые подпоручики. Я им сказал:

— Сгрузите платформы. Я вам укажу место, где их поставить, вы поскорее их поставьте. Это довольно длительная работа. Тут оставьте двух толковых людей, которые сказали бы солдатам полевой артиллерии, как надо спустить с платформы на полотно дороги эти пушки. Они все это вам сделают и свезут орудия туда, где будет у вас платформа.

Они заявили, что их пушки крепостные, запрягать их нельзя:—Мы их по крепостным дорогам на канатах перетаскиваем.

Я подтвердил, что придут люди и приведут лошадей, которые и потащат пушки.

Я взял карту, положил на доску ввиде стола и ориентировал по бусоли. После этого от выбранного мною места, которое на карте было обозначено, провел линию до колокольни города Масневицы. На карте был нанесен не только весь город, но крестом отмечена и самая церковь. После этого по бусоли же я дал направление этим юношам, чтобы они среднюю линию платформы направили туда.

— Я поеду вам искать наблюдательный пункт, а вы пока ставьте платформы. Это работа длительная.

Это было в каких-нибудь 400—500 шагах от штаба дивизии. Я вошел туда и сказал начальнику дивизии генералу Широкову, что сейчас поставлю ему тут две могущественные пушки, и они разрушат наблюдательный пункт немцев. Он обеими руками схватился за свою седую голову и сказал:

— Боже мой, боже мой, опять обуза.

— Постараемся, чтобы это была не обуза, а помощь, —заметил я.

Затем я попросил дать мне какие-нибудь средства передвижения, чтобы поискать наблюдательный пункт. Он приказал подать мне легкую пролетку, запряженную одной лошадью. Я поехал, но оказалось, что всюду пески, и нам пришлось большей частью двигаться шажком. Было несколько песчаных бугров. Я туда и пешком заходил, и становился в своем экипаже, но ничего не видел. Наконец, я был обрадован встречей со знакомым гене-

ром Ефтиным, командиром 41-й артиллерийской бр... ады и попросил его указать наблюдательный пу..., быть может оттуда удастся увидеть масневицкий кост...

— Сегодня я не артиллерист,—ответил Ефтин.

— Как так?

— На меня возложено командование одним бое... участком, куда входят два пехотных полка, поэтому у меня артиллерийского наблюдательного пункта нет. О... костел виден только из района расположения Авар... пехотного полка. Видимо там находятся все артилл... рийские наблюдатели.

Когда я узнал, что туда надо ехать несколько верст, а мой экипаж тянет лошадь, я, во избежание потер... времени, попросил его:

— Соединитесь и спросите, связался ли он со шт... бом дивизии.

— Не надо спрашивать,— сказал Ефтин. —Я соедин... сь со штабом дивизии, и вам туда ехать не надо.

Я вернулся назад. Платформы были готовы. Ст... ло только взглянуть, чтобы убедиться,—платформы смотр... т влево. Подпоручики пытались сослаться на то, что они устанавливали по бусоли, но, конечно, я им указал ошибку.

— Как же вы ставите так свою платформу! Ведь вы вели бы огонь не в том направлении.

В это время из-за станции показалась артиллерийская запряжка и с нею вынеслась первая пушка. Один из подпоручиков истошным голосом крикнул своему товарищу:

— Вова, Вова, гляди, наши пушки на лошадях едут!

Я засмеялся.

— Вот видите, а вы меня учили, что ваши пушки не могут ехать на лошадях.

Я попросил генерала Широкого, чтобы у телефона кто-нибудь стоял, так как нам будут давать наблюдения. Через минуту после открытия огня из этих орудий по колокольне, генерал Широков, начальник 41-й дивизии, сообщил по телефону:

— На полверсты снаряд не долетел.

Я приказал поднять орудия на полградуса. Подняли. Сделали второй выстрел. Ждем. Через некоторое время генерал Широков говорит:

— Колокольня разрушена.

Это вызвало большое ликование.

В середине июля было решено перевести штаб главнокомандующего в Волковыск. Предполагалось в два часа ночи выехать со станции Седлец. Поезд главнокомандующего стоял на запасном пути в стороне от станции. В 12 часов ночи его подали на станцию. В Седлеце оставался только комендант штаба со своим управлением; на месте поезда главнокомандующего стоял вагон первого класса. Комендатура должна была переехать на другой день и перевезти с собою все имущество штаба.

За час до нашего отправления, а именно в час ночи мы услышали звук трех взрывов, одного за другим. Оказалось, что прилетел немецкий самолет и сбросил три бомбы в том месте, где ранее находился штаб главнокомандующего. Полагаю, что немцы имели точные сведения не только о том, что мы переедем, но и о времени переезда, но, к счастью, нас уже не застали.

Из Волковыска я выезжал на фронт 1-й армии, которая вела бои на Вышковском направлении. Здесь немцы, переправившись через реку Неман, оказывали сильное давление на наши войска, но 3-й армейский корпус сильным ударом в правый фланг немцев остановил их наступление.

Но тут обнаружилась какая-то каменная стена, в которой немцы сделали амбразуру, поставили против нее пулемет и обстреливали дорогу.

Приехав в штаб 5-корпуса, я услыхал об этой стене. Узнав, где тяжелый дивизион, прибывший сюда вчера, я верхом отправился к нему. Меня встретил командир батареи, капитан с подозрительно бегающими, не внушающими доверия глазами. Его орудия стояли между голыми стволами сосен на опушке леса безо всякого прикрытия. Я спросил его:

— Где же ваш наблюдательный пункт?

— Впереди, против этой каменной стены.

— Вы там были?

Он со смехом ответил.

— Гм, разве туда пойдешь... Там наблюдательный пункт в 250-ти шагах от пулемета, который стреляет разрывными пулями.

— Но ваш наблюдатель там?
— Там.
— И его не разорвало?
— Нет.
— Так почему же вы думаете, что вас непременно разорвет? А если бы вы сами увидели это своими глазами, то дело выиграло бы.

Очевидно это мое указание на него мало подействовало. Он продолжал:

— Пехотное начальство требует от нас огня гранатами по ничтожным целям. Они ведь ничего не понимают. Мы заряжаем шрапнелями и здорово стреляем, а они думают, что это гранаты.

Дальше он рассказал, что теперь уже не так опасно на наблюдательном пункте потому, что стена уже пробита.

— Чья батарея пробила?
— Моя.
— А когда вы здесь стали?
— Сегодня утром.

Ну, думаю, хорошо, значит. Я под'ехал к командиру дивизиона и сказал ему:

— Ваш капитан мне сейчас сделал очень неладный доклад. Я ему ничего не ответил, а вам говорю — это нелепо. Оказывается, вы обманываете пехотных начальников, и об этом ваши офицеры хвастливо мне докладывают, полагая, что я как артиллерист их поддержу. Но по-моему, это чистый обман, и этого не следует делать. Если вы, полковник, находите, что к вам пред'являют несерьезные требования, то вы как специалист обязаны убедить пехотного начальника в том, что невыгодно тяжелую гранату пускать на такие легкие блиндажи. Если же вы не сумеете убедить, значит вы не заслужили доверия. Полагаю, что хвалиться тут нечем.

Потом, смотрю, стоит штабс-капитан. Спрашиваю:

— А вы кто?
— Я,—говорит,—командир 2-й батареи.
— А где ваша батарея?
— Здесь, ваше превосходительство.

Его позиция была на пашне сжатого хлеба, сложенного видс кубов, и я видел только копны. Оказывается, он свои орудия замаскировал под копны, сверху накрыв снопами.

Я одобрил все распоряжения этого штабс-капитана и спросил его:

— Вы, вероятно, еще не успели стрелять?

— Я открывал огонь и получил „вилку“ по этой стенке. Мои снаряды стали ложиться с одной и с другой стороны.

— Ваша фамилия?

— Потемкин.

Когда я сказал полковнику, что поеду на наблюдательный пункт, он пытался отсоветовать:

— Там очень опасно.

Но я поехал с ад'ютантом.

Приближаясь к той дороге, на переднем конце которой был наблюдательный пункт, я услыхал около себя выстрел, повидимому, из крупно-калиберного орудия. Повернули туда, оказалось, что в кустарнике расположена легкая гаубичная батарея подполковника Пловского. Я спросил, куда он стреляет. Он указал мне на карте немецкие окопы.

— А ваш наблюдательный пункт впереди?

— Да. Я сам не вижу, оттуда мне сообщают.

— А по стенке стреляли?

— Стреляли, только вчера.

Я попрощался с ним и поехал дальше. Когда мы в'ехали в рощу, сейчас же услышали звук ружейных выстрелов и падение пуль. Одни падали на землю, а другие ударялись в стволы сосен. Мы слезли с лошадей, оставили их здесь, а сами с ад'ютантом пошли вперед. Дошли до наблюдательного пункта. Там была выкопана яма, прикрытая сверху настолько, что ружейной пулей ее не пробьешь. Здесь находились офицер и пять солдат разных батарей. Я спросил у них:

— Когда пробита эта брешь?

— Вчера.

— Какая батарея пробила?

— Подполковника Пловского.

Между тем, подполковник Пловский даже не сообщил из скромности, что им пробита брешь.

Я приказал наблюдателю батареи того капитана, который вызвал во мне подозрение, по телефону передать мой приказ, чтобы он двумя выстрелами показал свою последнюю „вилку“. Выстрелов не последовало, хотя при-

жание было передано. Прошло пять минут. Я приказал спросить, что же не стреляют. Через несколько минут телефонист доложил:

— Ваше превосходительство, не отвечают. Наверно провод порван.

Очевидно у него и „вилки“ не было, и он теперь боялся стрелять, чтобы не осрамиться.

Тогда я наблюдателю штабс-капитана Потемкина приказал показать мне двухделенную „вилку“. Тот показал. Причем один снаряд упал по ту сторону стены, а другой по эту сторону и настолько близко, что стенку обдало пылью.

Я приказал прекратить огонь и вернулся к командиру дивизиона. Тут же был Потемкин и незадачливый капитан. Потемкину я подал руку и сказал:

— Вы отлично пристрелялись и прекрасно устроили свою батарею, а брешь в стене пробита вчера подпоручиком Пловским, который скромно об этом умолчал. Я это узнал только на наблюдательном пункте, где находится и ваш наблюдатель.

Затем я обратился к командиру дивизиона:

— Если свыше будет требование представить командиров к наградам за вышковское дело, то представьте штабс-капитана Потемкина, а мне напишите, я прослежу.

Я повернул лошадь, чтобы уехать, но затем резко остановился, повернулся через плечо к капитану и сказал:

— А вы, капитан, не пугайте заезжих генералов разрывными пулями, и знайте, что в штабе главнокомандующего фазанов нет, а проверять к нам приезжают настоящие генералы.

И уехал.

Вскоре наш штаб перешел на ст. Барановичи. В это время немцы прорвали наш фронт у Свенцян и направились на город Борисов, угрожая обходом Минска. Главнокомандующий генерал Алексеев сосредоточил против них огромное количество войск, которые следовали большей частью по грунтовым дорогам, так как железная дорога не могла справиться с такими большими перевозками в короткое время. Тем не менее, сосредоточение совершено было быстро, и немцы, атаковавшие по-

ними корпусами, принуждены были отступить верст на 50. Таким путем свенцянский прорыв был ликвидирован, и мы вынудили немцев перейти к позиционной войне.

Когда немцы подошли к крепости Ковно и подвергли ее жестокой бомбардировке, комендант крепости генерал Григорьев посылал непрерывные донесения главнокомандующему о тяжелом положении крепости. Главнокомандующий сказал, что, вероятно, придется эвакуировать ее и приказал мне с'ездить туда для того, чтобы наметить орудия, которые можно было бы увезти для использования в другом месте.

Здесь я убедился, что люди, возглавлявшие оборону Ковно, недостаточно стойки для того, чтобы удержать ее на долгое время. Уезжая в штаб фронта, я предварительно указал, какие орудия надо будет эвакуировать, так как они могут пригодиться на фронте.

Вскоре Ковно, а за ним и Гродно были нами оставлены. Таким образом, в тылу армии образовался огромный резерв крепостных орудий старого типа, но по своим боевым качествам вполне пригодных и в настоящее время. Я задумал образовать из них тяжелую полевую артиллерию впредь до изготовления тяжелых орудий современного типа и подал 19 августа 1915 года главнокомандующему соответствующий проект.

Я предложил создать тяжелые артиллерийские бригады из орудий образца 1877 года калибром в 4,2 дюйма и в 6 дюймов. В каждой бригаде организовать два дивизиона по три батареи в каждом. Первые батареи дивизиона должны состоять из орудий в 4,2 дюйма, а вторые и третьи батареи из 6-дюймовых пушек. Для запряжки применить к ним осадные передки, если же их будет недостаточно, то воспользоваться осадными передками, захваченными на Юго-Западном фронте у австрийцев; на орудия поставить угломеры образца 1900 года; на колеса надеть, так называемые, башмаки Соколова, дающие возможность продвигаться по рыхлой почве и облегчающие стрельбу без платформы; приспособить к орудиям компрессоры для стрельбы без платформы и без откатных канатов.

Генерал Алексеев одобрил этот проект.

В это время произошла перемена в верховном командовании. Великий князь Николай Николаевич был наз-

нячи наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказского фронта. Верховное командование взял в свои руки император, и начальником штаба к себе призвал генерала Алексеева. Главное командование Западным фронтом перешло в руки генерала Эверта.

Генерал Алексеев поручил мне выехать в тыловые районы и собрать необходимые орудия для формирования этих частей. Мой вагон подали на станцию Барановичи.

Орудия, вывезенные нами из остальных крепостей, были развезены по всей Европейской России, некоторые из них дошли даже до Оренбурга, но большинство орудий было сосредоточено в Можайске и в его районе. Тут я выбрал 56 орудий калибром в 4,2 дюйма и 112 орудий калибром в 6 дюймов. Из них было предположено сформировать 7 артиллерийских бригад.

Выбрали еще 16 шестидюймовых пушек образца 1904 года и из них предполагали образовать два осадных дивизиона по две батареи в каждом; затем выбрали 4 шестидюймовых пушки Канэ и решили из них образовать две двухорудийные батареи позиционного типа. Весь личный состав эвакуированных крепостей был в Москве во главе с комендантом Брест-литовской крепости генералом от артиллерии Лаймингом. Я явился к нему и сказал о том, что предложил сформировать из старых крепостных орудий соединения полевой тяжелой артиллерии, что начальником штаба верховного главнокомандующего это одобрено, и на него будет возложена организация этих новых частей.

— Техническую помощь, — заявил я, — вы получите от начальника артиллерии Московского округа генерал-лейтенанта Атабекова, которому я сейчас напишу об этом от имени начальника штаба верховного главнокомандующего.

После этих предварительных указаний я уехал в Петроград, где обратился к начальнику Главного артиллерийского управления генералу Маниковскому, чтобы он теперь же отпустил в распоряжение генерала Лайминга угломеры, башмаки Соколова и компрессоры, хотя бы на одну третью часть орудий.

Из Главного артиллерийского управления я поехал в Главный штаб, где обратился к генералу князю Туманс-

ву, заведывавшему ремонтом кавалерии и артиллерии снабжением их конским составом. Я ему заявил о необходимости предоставления лошадей для формируемой артиллерии. Он ответил, что охотно исполнит мою просьбу при первой же возможности. После этого я вернулся к себе.

Новый главнокомандующий генерал Эверт принял меня очень радушно. Через несколько дней получили телеграмму от генерала Рузского с просьбой командировать генерала Шихлинского, хотя бы на две недели, в его распоряжение для выбора места под береговые батареи на Эстляндском побережье. Генерал Эверт ответил, что „пребывание генерала Шихлинского необходимо".

На другой или на третий день после этого была получена телеграмма от начальника штаба верховного главнокомандующего: „Командировать генерала Шихлинского во вверенный мне штаб". Генерал Эверт опять приказал ответить отказом. Начальник штаба доложил, что не считает это удобным: Шихлинский работал с генералом Алексеевым, который его хорошо знает. Очевидно сейчас есть необходимость в его присутствии около него и он как представитель высшей инстанции может даже перевести генерала Шихлинского к себе; если же командировать только на время, то есть еще надежда, что его вернут нам.

Меня направили в ставку. Генерал Алексеев поручил мне поискать, где можно найти для формируемых частей осадные передки и конскую амуницию, в чем у нас ощущался недостаток.

Зная, что трофеи, захваченные на Юго-Западном фронте, сосредоточены в киевском арсенале, я поехал в Киев. Там действительно я нашел массу осадных передков и приказал отправить в распоряжение генерала Лайминга или генерала Атабекова в Москву потребное им количество передков.

Далее, я знал, что в Харьковском районе предполагалось провести конно-железную дорогу, но потом от этой затеи отказались. Однако, для лошадей была заготовлена амуниция, которая хранилась около Харькова. Поехав туда, я нашел склад, где были хомуты и постромки, но не отыскал шлей, необходимых для артилле-

рийской упряжки. Я распорядился хомуты и постромки, оказавшиеся вполне пригодными для артиллерийской упряжки, отправить также в Москву. Осведомив затем генералов Лайминга и Атабекова о сделанных мною распоряжениях, я вернулся в штаб верховного главнокомандующего.

Здесь мне дали приказ верховного главнокомандующего от 31 октября 1915 года о том, что при верховном главнокомандующем учреждается должность генерала для поручений по артиллерийской части с правами начальника дивизии в чине генерал-лейтенанта и на эту должность назначается генерал-майор Шихлинский.

Мною были поданы два проекта о командном составе формируемой артиллерии. Командиров батарей и всех младших офицеров в них я предлагал наметить из числа крепостных артиллеристов, командиров же дивизионов и бригад, по меньшей мере, наполовину—из числа полевых артиллеристов, так как крепостные артиллеристы не имеют понятия о тактике полевого боя, тактически управлять огнем своих батарей и располагать их по задачам они не в состоянии. Далее я писал, что из полевой артиллерии нужно назначить таких офицеров, чтобы они сразу импонировали крепостным артиллеристам, как действительно знающие артиллерию люди. Нужно, чтобы это были офицеры из числа окончивших академию или офицерскую артиллерийскую школу, известные своей прошлой деятельностью, или же боевые офицеры, получившие в нынешнюю войну награды. При этом я приложил список полковников, выдвигаемых мною из среды полевых артиллеристов на эти должности. Каждому из указанных мною лиц была дана обстоятельная аттестация.

Начальник штаба верховного главнокомандующего одобрил все мои предложения и прибавил:

— Поезжайте опять в Москву и внушите все ваши идеи генералам Лаймингу и Атабекову, так как практическое претворение в жизнь является их делом.

Исполнив это приказание, я заехал в Минск, где стоял штаб Западного фронта, представился на прощание главнокомандующему, забрал свое имущество и приехал в ставку.

С начала кампании и до весны 1915 года бывший ге-

генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович болел ревматизмом и выехать на фронт не мог. Это его очень тяготило. В один из моих приездов в Петроград он просил меня его навестить. Во время свидания он мне сказал, что переносит большие нравственные муки, нежели физические, так как он живет и дышит артиллерией, а в трудную для артиллерии минуту он находится вдали от нее. В октябре он стал поправляться и решил просить царя дать ему работу на театре военных действий. Просьба его была исполнена. Он был назначен полевым инспектором артиллерии. Прежде чем выехать на фронт, он организовал управление. Начальником этого управления был назначен инженерный доктор военных наук, профессор, лауреат Сталинской премии Евгений Захарович Барсуков. Этот выбор был наиболее подходящим. Е. З. Барсуков, окончив Академию Генерального штаба, остался в артиллерии и всю дальнейшую службу провел в Главном артиллерийском управлении и при генерал-инспекторе артиллерии. Последней его должностью в течение нескольких лет была должность генерала для поручений при генерале-инспекторе артиллерии, т. е. при том же Сергее Михайловиче. Поэтому он был в курсе дел Главного артиллерийского управления. Человек с широким тактическим кругозором, он и на артиллерию умел смотреть с точки зрения ее тактического применения на полях сражения. В мирное время Е. З. Барсуков руководил тактическими занятиями в Офицерской артиллерийской школе, а в последнее время он безотлучно находился на полигоне этой школы.

Кроме того, великий князь избрал себе трех выдающихся генералов для поручений и трех штаб-офицеров. С этим управлением Сергей Михайлович приехал в Ставку 5 января 1916 года. После представления государю и свидания с Алексеевым, он попросил последнего разрешить мне работать в его управлении. Алексеев согласился на это. Оба они были такого мнения, что меня, как занимающего высшую должность, не следует переводить в его управление, а только разрешить сотрудничать. Когда мне об этом сообщили, я выразила довольствие. Для того, чтобы показать характер моей работы в Управлении полевого инспектора артиллерии, приведу как пример первую же данную мне задачу.

Старший брат Сергея Михайловича—Александр Михайлович—ведал во время войны авиацией и находился со своим штабом в Киеве. Он прислал своему брату артиллеристу на заключение проект правил стрельбы артиллерии с помощью летчиков-наблюдателей. Сергей Михайлович написал красным карандашом на этом проекте: „Прошу Али Ага ознакомиться и дать мне свое заключение". Я ознакомился, затем отложил в сторону, сам написал совершенно новую инструкцию и представил ее. Он на этой инструкции наложил резолюцию: „Перепечатать, дать мне на подпись". Затем эта инструкция была отправлена Александру Михайловичу, и ею начали пользоваться.

26-го ноября, в день праздника Георгия Победоносца, были большие торжества. Из всех частей армии и флота вызвали представителей—георгиевских кавалеров, офицеров и солдат. Таким образом собралось огромное число приглашенных. После парада для всех приглашенных был устроен обед. Среди прибывших с Кавказа был капитан—князь Вашакидзе, взявший в плен турецкого корпусного командира со всем его штабом.

За обедом царь подозвал его к себе и приказал рассказать, как он это сделал. Оказывается, у него под командой была только одна рота. Он расставил группы по гребню высот, окружавших котловину, где был расположен турецкий штаб. В штабе была охрана с пулеметами, гораздо сильнее, чем рота капитана Вашакидзе, но последний с несколькими солдатами вошел прямо в штаб, обратился к паше, показав на свои группы и сказал:

— Вы окружены, прошу сложить оружие.

Они сдали оружие. После этого Вашакидзе спросил, какими частями он командует, причем название их он выдумал, так как у него, кроме роты, ничего не было. Когда он повел пленных, его группы, по заранее установленному порядку, располагались вдоль дороги, по которой он возвращался. Когда паша увидел, что у него кроме этой роты, ничего нет, он воскликнул: „Ах, шайтан!" Этот рассказ царю очень понравился. По окончании обеда государь поздравил всех прибывших с офицеров с производством в следующий чин.

Среди георгиевских кавалеров был один азербай-

джанец—ротмистр нижегородского полка Теймур Новрузов, отличившийся в первой же столкновении с немцами, на второй день после об'явления войны, когда наша конница под командой генерала Гусейн Хана Нахичеванского разбила немецкую конницу. В этом сражении Новрузов атаковал спешенную конницу немцев и захватил две тяжелых пушки, за что и был награжден Георгиевским крестом.

В декабре этого года крупным событием была операция по прорыву немецкого фронта в районе озера Нарочь. Эта операция известна под названием „Нарочской". Выполнение этой операции было возложено на 4-ю армию, которой командовал генерал от инфантерии Рагоза. Он послал туда много корпусов, много тяжелой артиллерии, массу огнестрельных припасов, но все-таки операция не удалась.

Генерал Рагоза вместо того, чтобы взять операцию в свои руки, передал ее выполнение командиру 1-го Сибирского корпуса генералу Плешкову и ему подчинил несколько других корпусов для нанесения главного удара.

Дело в том, что в корпусе нет аппарата для управления несколькими корпусами, а в штабе армии есть такой аппарат в лице генерал-квартирмейстера и его управления. Корпусной командир перед лицом других корпусных командиров не может пользоваться таким авторитетом, каким пользуется командующий армией.

Наконец, ни один из корпусов не может знать обстановки на всем фронте, подлежащем атаке так, как это известно штабу армии, давно находящемуся здесь и тщательно изучившему весь свой фронт.

Поэтому я полагал, что можно было предвидеть неудачу. Во всяком случае под личным командованием командующего армией всякая операция прошла бы лучше, чем она прошла под командой генерала Плешкова. Я полагал, что генерал Рагоза также это понимал не хуже меня, но, боясь ответственности за операцию, чего вообще боялись все наши крупные начальники, он переложил ее на чужие плечи. Конечно, главнокомандующий генерал Эверт, знаток военного дела, посмотрел на это сквозь пальцы—как до начала операции, так и после нее он не подверг генерала Рагозу должной кри-

тике потому, что очень доверял ему и верил в его способности.

После окончания этой операции великий князь выехал в штаб Западного фронта в город Минск, куда созвал всех крупных артиллеристов, участвовавших в этом деле, для разбора их действий при подготовке операции и при ее выполнении. С собой он взял Е. З. Барсукова и меня.

Из этого разбора выяснилось, что о подготовке артиллерии не могло быть и речи, так как громадная масса артиллерии прибыла на поле сражения слишком поздно и не имела возможности в достаточной степени ориентироваться в обстановке. Артиллерийская подготовка шла самотеком; инспектор артиллерии 1-го Сибирского корпуса генерал Закутовский, обязанный об'единить действия артиллерии всех корпусов, не имел достаточного времени, чтобы изучить обстановку и выполнить такую ответственную задачу. Великий князь пришел к заключению, что артиллерию подвели, не дав ей возможности тщательно подготовиться к предстоящему сражению. С этим мы вернулись обратно в Ставку.

После этого из Штаба верховного главнокомандующего мне была дана задача об'ехать весь фронт, где проводилась Нарочская операция, и привезти точные сведения о работе артиллерии. Собранные мною сведения я изложил в обширном докладе и представил генералу Алексееву. Он велел его отпечатать в виде брошюры и отправить на фронты всем армиям, корпусам и дивизиям, как руководящие указания.

Прошло еще несколько времени и я загрустил. Пока не было Управления полевого инспектора артиллерии, я считал себя в Ставке человеком нужным, но после приезда Управления положение изменилось. Начальник Управления и его подручники были выдающимися артиллеристами, сплоченными в дружный коллектив, а я бегал то в Штаб верховного главнокомандующего, то в Управление. На поле я был бы более полезен.

В феврале 1916 года я обратился к великому князю с просьбой разрешить мне уехать из Ставки на фронт, так как тут я бесполезен. Сказав, что я ошибаюсь, считая себя бесполезным, он, однако, заявил:

— Но не думайте, что мне легко видеть каждый

день вашу кислую физиономию за завтраком и обедом и чувствовать, что виной этому я. Поэтому, если вы уже решили ехать, скажите куда бы вы хотели.

Я выразил пожелание:

— Вам покажется это слишком большим требованием, так как я никогда в гвардии не служил, однако, я попросился бы в гвардейский корпус, где находится генерал Безобразов, который при каждой встрече напоминает, что ждет меня.

На это великий князь возразил:

— Что вы, Али Ага. Если вы отсюда уйдете инспектором артиллерии корпуса, то никто вам не поверит, что вы сами ушли, а скажут, что вас выжили.

— Я ведь и бригадой не командовал, и это для меня очень высокая должность,—возразил я.

— Для меня ценз не имеет значения,—сказал Сергей Михайлович.

— В таком случае я хотел бы пойти в 1-ю армию инспектором артиллерии.

Он спросил начальника Управления:

— Кто там у нас представлен на эту должность?

Выяснилось, что генерал Вартанов. Тогда я наотрез отказался от этой вакансии, так как генерал Вартанов—бывший мой командир, и мешать ему я не хотел.

Мне предложили должность инспектора артиллерии 5-й армии, командующим которой был генерал Гурко. Я сразу согласился.

— Ну, теперь, Али Ага,—сказал великий князь,—идите к генералу Алексееву и с ним говорите, ведь вы мне не подчинены. Я выразил только согласие не мешать вам, так как вижу, что вы здесь страдаете.

Я пошел к Алексееву и рассказал ему о переговорах с Сергеем Михайловичем.

— Вы напрасно думаете, что тут вы не нужны,—ответил Алексеев,—вы мне очень нужны, и я вас не отпущу.

— Это меня вполне удовлетворяет. Раз вы находите меня нужным, я останусь. Я полагал, что уже больше не нужен, поэтому и просился.

Вернувшись к великому князю, я доложил ему о разговоре с Алексеевым. Он рассмеялся и сказал:

— А вы думаете, что я вас так легко отпустил бы? Я был уверен, что Алексеев не согласится.

Наступил март. Необходимо было командировать комиссию в Киев, к начальнику авиации великому князю Александру Михайловичу, для практических стрельб артиллерии, при наблюдении в воздухе. Сергей Михайлович просил меня туда поехать. В Киеве Александр Михайлович предложил* нам, прежде чем приступить к стрельбам, поехать в Одессу и преподать необходимые указания находящимся там летчикам:

— А по возвращении вашем мы организуем на киевском полигоне стрельбы.

Пробыв в Одессе трое суток, мы вернулись в Киев. Там меня ждала из Ставки от полевого инспектора артиллерии телеграмма:

— „Приехал в Ставку, просил о вашем назначении инспектором артиллерии Западного фронта. Начтаверх* согласился. Я поздравляю. В среду выезжаю в Петроград."

С этой телеграммой я отправился к Александру Михайловичу, он меня тоже поздравил и сказал:

— Тогда поторопитесь, а то Сергей уедет, вас не увидев.

Я поехал в Могилев, где застал еще великого князя. Генерал Алексеев поздравил меня и сказал, что ему и теперь жалко меня отпускать, но генерал Эверт предложил такой высокий пост, что ему не позволит совесть поменять мою блестящей карьере.

В списке великого князя кандидатом на пост, который был теперь мне предоставлен, значился профессор, генерал-лейтенант Беляев. Он отличался знанием артиллерийского дела и был замечательным лектором, но в поле оказался несостоятельным. После моего назначения он был направлен инспектором артиллерии во 2-ю армию.

Когда все вновь назначенные инспектора артиллерии фронтов и армий были собраны в Ставке для получения инструкций от великого князя, я, оставшись вдвоем с Беляевым, просил его не считать меня виновником той неловкости, которую проявили по отношению к нему.

Он признался, что обижен, но во время войны чель-

* Начальник штаба верховного главнокомандующего (Ред.)

зя думать об отставке, а после ее окончания он так и сделает, хотя это и отразится на бюджете, поскольку служба—единственный источник его существования.

Я сказал:

— Сергей Тимофеевич, у вас есть свое амплуа, вы выдающийся профессор Артиллерийской академии, выходите из строя, и больше ничего.

Однажды генерал Беляев представил в штаб фронта требования на орудия, причем потребовал такое количество орудий, которого на всем фронте нельзя было найти. В наставлении о действиях артиллерии в позиционной войне были указаны нормы: одна гаубица может разрушить окоп длиною в 10 саженей; одна 6-дюймовая гаубица может разрушить такой же окоп вдвое меньшим числом снарядов; одна полевая пушка может пробить в течение дня столько-то проходов в проволочных заграждениях; одна полевая пушка может потушить пехотный огонь противника на таком-то расстоянии и т. д. Он взял циркуль, измерил фронт противостоящей немецкой армии от правого до левого фланга и на каждые десять саженей потребовал по одной гаубице, затем на каждые десять саженей по одной легкой пушке и т. д. Получилось невероятное число. Его требование главнокомандующий и начальник штаба показали мне, сказав:

— Напишите ответ.

Я написал ответ в следующем духе: разрушить все окопы, блиндажи, убежища и пулеметные гнезда на фронте Германии немыслимо, и такого количества орудий, какое потребовала армия, нельзя собрать на всем Западном фронте. Для того, чтобы точно знать потребность в орудиях, надо произвести тщательную разведку инспектору артиллерии армии с корпусными командирами, а инспекторам артиллерии в корпусах с начальниками пехотной дивизии. Надо ознакомиться, как каждая дивизия и каждый полк этой дивизии будут атаковывать: сколько проходов надо прорубить в каждом полку и в каком месте; какие убежища и фланкирующие постройки подлежат обязательному разрушению до начала атаки, какие подлежат только потрясению и к каким надо лишь пристреляться с тем, чтобы во время самой атаки при надобности держать их под огнем. Тог-

да выяснится действительная потребность армии в артиллерии, которая будет, по крайней мере, в десять раз меньше требуемого. Вообще, при подготовке артиллерии необходимо считаться с тактическим положением на фронте и изучать его вместе с корпусными командирами и начальниками дивизий.

Много позже начальник штаба 2-й армии генерал Герба вместе с инспектором артиллерии генералом Беляевым явились с личным докладом к новому главнокомандующему фронтом, вероятно решив убедить его в правильности своих требований и опрокинуть мои доводы. Главнокомандующий пригласил меня. Докладчиком был Беляев. Главнокомандующий спросил:

— Сколько у вас орудий на Дарьевском плацдарме?

— Двадцать три.

Главнокомандующий, глядя на карту, сказал:

— Не может быть, чтобы на такой огромной площади было всего 23 орудия.

Тогда Беляев указал на проставленную там цифру — „23".

Я осторожно заметил:

— Это число дворов в деревне. (Он совершенно растерялся). У вас, вероятно, есть таблица, посмотрите в таблицу.

Он посмотрел в таблицу, и там оказалось 57 орудий, т. е. в два с половиной раза больше.

Главнокомандующий взял этот доклад, закрыл, и глядя сначала на Беляева, а потом на начальника штаба, сказал:

— Прежде чем итти к главнокомандующему, надо изучить самому то, о чем вы будете докладывать.

И выставил обоих из кабинета.

Таким образом этот профессор подвел не только себя, но и бедного начальника штаба.

После краткого совещания с полевыми инспекторами артиллерии все вновь назначенные инспектора фронтов и армий разъехались по местам своей новой службы. Прибыв в штаб Западного фронта, в г. Минск, я прежде всего составил таблицы числовых данных всех

орудий, состоящих на вооружении армий фронта. Эти числовые данные характеризовали каждое из орудий как по его мощности, так и по походным и боевым свойствам. Тут были даны вес орудий в походном и боевом порядке, вес их снарядов, боевых зарядов, разрывных зарядов, число пуль, шрапнелей и предельная дальность огня. Эти таблицы, напечатанные в штабе фронта, были разосланы не только артиллерийским частям, но и всем пехотным и кавалерийским командирам, начиная от полкового командира и выше. Таким образом войсковые начальники могли видеть, какие требования к каким орудиям они могут пред'являть. Впоследствии к этой таблице был приложен и текст с указанием, в каком случае какие орудия должны применяться. Как таблица, так и текст лично мною были представлены полевому инспектору артиллерии в Ставку с просьбой, внеся нужные дополнения, это описание издать как инструкцию. Через некоторое время такая инструкция была издана. Эта инструкция дополнялась по мере изготовления новых орудий и выдержала три издания, из которых последнее вышло уже после Февральской революции и было разослано во все части армии с приказом верховного главнокомандующего генерала Духонина.

Вскоре после моего прибытия в штаб фронта главнокомандующий вместе со мною и генералом-квартирмейстером штаба выехал в 10-ю армию. В штабе 10-й армии были собраны начальники штабов и инспектора артиллерии 1-й, 4-й, 10-й армий, командиры корпусов, инспектора артиллерии корпусов, начальники штабов корпусов, начальники дивизий и их начальники штабов, входящие в состав указанных армий. Приготовлен был длинный стол, занимавший всю длину огромного зала. Главнокомандующий сидел посредине стола. Я как младший из всех присутствующих генералов, впервые появившийся в их среде, встал в сторонке. Командующий 4-й армией генерал от инфантерии Рагоза хотел сесть на свободный стул около главнокомандующего, но главнокомандующий сказал:

—Александр Францевич, потрудитесь обойти стол и сесть против меня, это—место инспектора артиллерии фронта.

Позвав меня, он сказал:

— Али Ага, займите свое место.

Я подошел и сел. Это произвело на всех собравшихся большое впечатление.

На совещании главнокомандующий ознакомился с положением во всех армиях и корпусах. Потом мы пошли обратно в свой штаб. Месяца через два после этого главнокомандующий приказал мне написать инспекторам артиллерии в корпусах, чтобы они не ограничивались командованием лишь находящимися при данных корпусах тяжелыми дивизионами, а технически руководили и дивизионной артиллерией, ибо это лежит на их обязанности.

Я на это ответил:

— Могут быть трения между инспекторами артиллерии и начальниками дивизий, которым легкая артиллерия непосредственно подчинена. Я исполню ваш приказ, напишу инспекторам артиллерии, но желательно, и командирам корпусов дать указания, чтобы они свободно допускали инспекторов артиллерии к этому тактическому руководству. Если инспектор артиллерии не будет иметь поддержки от корпусного командира, то это требование окажется неисполнимым. Помните, ваше превосходительство, как при первой встрече на фронте мы сели рядом с собою, а командующему 4-й армией указали другое место. После этого меня встречают с почетом и выслушивают внимательно не только корпусные командиры, но и командующие армиями.

Следующей моей работой явилась инструкция для ведения заградительного огня. Я разработал обстоятельную инструкцию, обоснованную на тактических требованиях, и представил главнокомандующему. Он пригласил в свой кабинет начальника штаба и генерал-квартирмейстера и предложил при них прочесть эту инструкцию. По окончании чтения, он обратился к обоим присутствующим генералам, которые так же как и он, окончили академию, и сказал:

— Да, мало быть ученым, надо быть с головой.

Я опять вспомнил свое молодое заносчивое выражение,—я и без академии найду свое место в жизни,—и подумал, что теперь, действительно, я его нашел.

Однажды утром мне подали аттестацию на всех артиллерийских генералов и полковников, занимавших генеральские должности. В этих аттестациях последняя часть была озаглавлена: „Заключение инспектора артиллерии фронта", а самую аттестацию давали начальники дивизий, командиры корпусов и командующие армиями. Я обратил внимание на то, что среди артиллеристов есть такие, которых можно было бы выдвинуть на должность начальников пехотных дивизий и даже на должности командиров корпусов, но войсковые начальники их выдвигали только по артиллерийской линии.

За обедом я спросил главнокомандующего, имею ли я право давать артиллерийским генералам аттестацию на командование пехотной дивизией или не имею. Он на это ответил:

— Не имеете права, но я вас прошу указать всех артиллерийских генералов, достойных занять должности начальников дивизий, так как знаю, что вы отлично понимаете, что быть хорошим артиллеристом — это не значит быть хорошим начальником и пехотной дивизии. Помимо того, вы настолько хорошо относитесь к службе вообще, что не будете пристрастны к своим товарищам по оружию.

За этим столом сидели шесть бывших командующих армиями генералы. Все они меня оглядели.

Эти факты я привожу для того, чтобы, как мною было обещано вначале, не оказаться пустым самохвалом, так как я помню азербайджанскую пословицу: „если ты хорош — не говори сам об этом, а пусть говорят другие." Вот я мнения этих других и привожу.

Вокруг моего назначения на такой высокий пост шли разговоры. Старики, все генералы Кавказа, были очень недовольны. Бывший мой командир батареи, в то время инспектор артиллерии 1-й армии, генерал-лейтенант Вартанов прямо спросил:

— Не думаете ли вы, что будут трения между вами и старшими генералами?

Я на это ответил:

— Я надеюсь эти трения нажить, конечно, насколько они могут быть.

Другой артиллерист — генерал Березовский, — один из защитников Порт-Артура, спросил меня:

— Как это случилось, что вы, столь молодой, занимаете такой пост, а нижестоящие все—генерал-лейтенанты?

Присутствующий здесь начальник штаба 10-й армии генерал-майор Иванов ответил, что „сие надо понимать духовно, а не по старшинству".

Зато были и другие случаи. При первом моем посещении 10-й армии я предложил инспектору артиллерии этой армии проехать со мною по фронту его армии. Когда мы в автомобиле двинулись к фронту, генерал-лейтенант Сиверс мне сказал:

— Вам может притти в голову, что мы, генерал-лейтенанты,—а вы лишь генерал-майор и притом очень молодой,—будем роптать хотя бы глухо, в связи с вашим назначением; прошу меня исключить из числа ваших завистников. Я искренно рад, что именно вас назначили. Вы нас научите, а то мы при этой позиционной войне во многих случаях действуем, как в лесу.

Я поблагодарил старика за такое отношение. Через некоторое время он спросил:

— Как теперь, при таком сидении нос к носу с противником, проводить разведку?

Я сел за камень, достал полевую книжку и на отрывном листке написал несколько замечаний о способах производства разведки при данном положении противника. Он посмотрел и просил разрешения отпечатать это и послать соседним армиям. Я сказал, что не стоит, пообещав прислать обстоятельную инструкцию.

Искренность высказываний этого генерала была доказана и впоследствии.

Весною 1916 года было решено атаковать немецкие позиции в районе развалин местечка Крево. Это было возложено на 4-ю армию. Я был командирован для общего руководства при составлении плана действий артиллерии и при проведении этого плана в исполнение. Прежде всего необходимо было преодолеть два лесных массива. В районе 2-го Кавказского корпуса, командиром которого был генерал С. Мехмандаров, находился Богушинский лес, а против 24-го армейского корпуса, которым командовал генерал Цуриков,—Пепелишевский лес. Левая опушка Богушинского леса выдвигалась вперед под прямым углом к передней опушке Пепелишевского ле

са. Генерал Щуриков уверял, что пока 2-й Кавказский корпус не займет Богушинского леса, 24-й корпус не может двинуться вперед и атаковать Пепелищевский лес.

Генерал С. Мехмандаров утверждал другое: Богушинский лес весь опутан колючей проволокой, и взять его штурмом невозможно. Поэтому сначала надо этот лес разрушить артиллерийским огнем и выкурить оттуда немцев, только тогда он сможет занять его.

Главнокомандующий приказал мне создать особую артиллерийскую группу под моим личным командованием для того, чтобы очистить путь обоим этим корпусам. Я собрал здесь крупно-калиберные орудия: батарею 11-дюймовых скорострельных гаубиц завода Шнейдер-Крезо, осадный дивизион из 6-дюймовых пушек образца 1904 года, тяжелую артиллерийскую бригаду, сформированную по моему проекту из орудий 1877 года, и батарею из двух 6-дюймовых морских пушек системы Канэ. Все эти части получили определенные задачи как по обстреливанию главного фаса Богушинского леса, так и по разрушению сильных укреплений немцев на лесном фланге Пепелищевского леса — недалеко от угла этого и Богушинского лесов. Батареи были расположены сообразно задачам и таким образом, что они могли обстреливать Богушинский лес во всю глубину и его лесовый крайний фас продольным огнем, а сильные укрепления немцев впереди стыков наших корпусов держать как под фронтальным, так и под косоприцельным огнем. Позиционные батареи из орудий Канэ могли бить эти укрепления почти во фланг.

Подготовка артиллерии шла по всему фронту, причем на стыках, под моим личным командованием, а на остальных частях фронта под моим наблюдением. Но пока вся эта подготовка совершалась, по сведениям, полученным в штабе фронта, немцы подвинули к району 9 свежих дивизий. Главнокомандующий не рискнул атаковать противника в этом направлении и приказал быстро передвинуть все назначенные для атаки части на Барановическое направление. Части были двинуты нешим порядком. Пошли дожди, образовавшие на дорогах невылазную грязь. Передвижение было крайне тяжелое и завершилось на два дня позже, чем было предположено.

В это время на Юго-Западном фронте генерал Брусе-

лов вел наступательные операции и требовал, чтобы Западный фронт тоже наступал, так как это могло бы повлиять на успех его действий; но Западный фронт запаздывал. Ставка тоже стала торопить Западный фронт. Я выехал в Ставку и доложил полевому инспектору артиллерии, что передвижение артиллерии на новый фронт атаки запоздало из-за бездорожья, и ее личный состав сильно утомился. Поэтому раньше 19-го июня начать артиллерийскую подготовку мы не сможем. На это он ответил:

— Брусилов и так недоволен. Я не могу взять на себя ответственность за новую задержку ваших действий.

Тогда я сам пошел к начальнику Штаба верховного главнокомандующего и сделал ему обстоятельный доклад. Он согласился. Когда я вернулся в 4-ю армию, то начальник штаба этой армии генерал Буняков мне сказал:

— Вы сделали большое дело.

Этот почетный генерал, профессор Академии генерального штаба по кафедре военной истории, в данном случае, повидимому, больше думал о том, как он после войны, описывая действия своей армии, будет писать о том, как выполнить данную операцию.

В штабе армии были собраны корпусные командиры, участвующие в этой операции. Кроме Данилова (черного) и Драгомирова были приглашены командир гренадерского корпуса генерал Пере... и командир 10-го корпуса генерал Николай Александрович Данилов (рыжий). Генерал Рагоза просил меня присутствовать на совещании. Я присутствовал в качестве беспристрастного свидетеля, так как к тому, что здесь говорилось, мне нечего было прибавить.

После совещания корпусные командиры разъехались. Генерал Рагоза попросил меня пройтись по парку. Среди этого парка возвышался замок князей Радзивилл, окруженный глубоким рвом, наполненным водой, через который был перекинут под'емный мост. (Это тот самый замок, о котором так много говорится в первой книге трилогии Сенкевича „Огнем и мечом").

Тут генерал Рагоза попросил дать ему совет, как провести эту операцию.

Я ему сказал:

— Не поручайте всего дела Драгомирову, а берите все в свои собственные руки, выезжайте вперед вместе с оперативной частью вашего штаба и командуйте сами. Каким бы способным корпусной командир ни был, он не сможет пользоваться у других корпусных командиров таким авторитетом, как вы, и у него нет аппарата для управления чужими корпусами, а у вас есть.

Однако, генерал Рагоза не выехал на фронт, и первым лицом там оказался генерал Драгомиров. Это был человек чрезвычайно способный, хорошо знающий военное дело, но мне он казался несколько нервным, а эта нервность действовала иногда неблагоприятно на его волю.

После совещания с генералом Рагоза я поехал к генералу Драгомирову. Он меня пригласил в штаб 43-й дивизии, входящей в его корпус, где был и начальник 5-й дивизии генерал Никитин. Тут он предложил им доложить, указали ли они все цели, подлежащие разрушению, инспектору артиллерии корпуса. Генерал Ельшин доложил, что они показаны инспектору артиллерии и по карте и на местности. Генерал Никитин доложил, что он показал у себя в штабе на карте. Драгомиров вспылил и сказал, что по карте он может в один час показать цели артиллерии трех корпусов:

— Вы поленились выехать на фронт. Извольте завтра рано утром вместе с инспектором артиллерии выехать на фронт вашей дивизии и показать ему все цели на местности.

На другой день с инспектором артиллерии корпуса поехал и я, зная, что генерал Никитин как тугодум, тяжел на под'ем и опять выкинет какой-нибудь номер. Для него была оборудована наблюдательный пункт на [illegible] высоте, где возвышался холмик. Под этим холмиком ему устроили прочный блиндаж. С нашей стороны в скате горы был выдолблен подземный путь для наблюдения за противником и за действиями наших войск. В блиндаже была зрительная труба Цейсса, дающая возможность видеть все перед собою, но самому не быть видимым. Однако, генерал Никитин сел в белом кителе на вершину холмика, спиной к противнику, а мы все сидели в окопе, идущем внутрь блиндажа. Он

стал роптать: —Какое мне дело показывать задачи тяжелой артиллерии. Тяжелая артиллерия мне не подчинена, она подчинена инспектору артиллерии корпуса, пусть он и показывает.

Инспектором артиллерии был один из доблестнейших защитников Порт Артура, знаток своего дела, Николай Александрович Романовский, очень скромный человек. Он промолчал. Тогда я сказал генералу Никитину, что цели, которые подлежат разрушению до начала атаки и обстрелу во время самой атаки, может знать только он, направление, в котором будут атаковать дивизии и сколько нужно пробить проходов в заграждениях противника, также может знать только он.

После моих слов генерал приступил к показу целей. Одна за другой разрывались над его головой немецкие шрапнели. Начальник штаба доложил, что стреляют по нему. Он ответил:

— Ну, что же, пусть убьют.

Я опять не выдержал и сказал.

— Если убьют Вас или меня, или кого-нибудь из нас, это правда особого значения не имеет, на то и война—многих убивают. Каждый из нас, выходя на поле сражения, ожидает смерти. Но Вы за несколько дней до атаки указываете немцам наблюдательный пункт начальника дивизии. Сегодня они по Вас пристреливаются, а в день атаки покроют это место дымом и пылью, и начальник дивизии будет ослеплен.

Он ни слова не возразил, но видимо с большим неудовольствием сполз и вошел в свой блиндаж. Все мы там поместились, и он имел полную возможность ясно показать цели в трубу.

19-го июня в ясный весенний день началась артиллерийская подготовка атаки. Артиллеристы действовали прекрасно. Снаряды их ложились точно. Огромное убежище, построенное на длинной немецкой позиции, было открыто до основания снарядами 11-дюймовых гаубиц. Попутно с этим были разрушены проволочные заграждения на большом участке фронта. Таким образом был создан широкий проход, не предусмотренный планом. Все артиллерийские части справились с поставленными заданиями, и после полудня они уже были решены. Мало того, в одном месте попутно с решением за-

дач артиллерийским огнем очистило лесной участок, а за ним обнаружились новые сильные фортификационные постройки немцев, которых не было на нашем аэроснимке, произведенном до начала атаки. Артиллерия успела разрушить и эти укрепления.

Генерал Никитин донес Драгомирову:—Артиллерия решила все данные ей задачи, но атака не подготовлена. Драгомиров с сердцем сказал:

— Это сам Никитин не готов.

Стоя около него, я заметил:

— Абрам Михайлович, сделайте вид, что это донесение до Вас еще не дошло и сейчас же по телефону скажите Никитину:—Поздравляю вас, ваша артиллерия выполнила задачу, а атака готова. Скатертью вам дорога.—Это его подтолкнет.

Но этого Драгомиров почему-то не сделал. Времени для атаки оставалось достаточно. Было светло. Я посоветовал сейчас же перейти в атаку, пока немцы не успели одуматься и привести себя в порядок, а то потом они перегруппируют свои части сообразно изменившейся обстановке, и тогда будет труднее.

Драгомиров на это не согласился, сказав, что впереди ночь, и на незнакомой местности нам будет трудно ночью устроиться. Собственно говоря, ничего незнакомого там для нас не было. Все на карте ясно было видно. В июне ночь наступает очень поздно, и была полная возможность до ночи устроиться. Таким образом, оставили атаку до рассвета. Кроме того, я предложил перевести глубинные батареи вниз, в долину реки Сервечь, так как с сегодняшней своей дистанции они стрелять по завтрашним целям не сумеют, а снизу через гребень того берега они могут стрелять свободно; пушечные же батареи спустить вниз нельзя потому, что они стреляют по очень отлогим траекториям. Этот мой совет тоже почему-то выполнен не был. Глубинные батареи остались на прежнем месте.

На другой день рано утром 42-я дивизия корпуса Драгомирова под командой бравого генерала Ельшина начала атаку. 46-я дивизия генерала Никитина тоже пошла в атаку. Обе эти дивизии, пославшие каждая по два полка в атаку, атаковали противника очень рано. Полки двигались смело вперед, несмотря на то, что все

поле их движения было покрыто немецкими шрапнелями. Никитин, которому Драгомиров подчинил еще 55-ю дивизию, всю массу этих двух дивизий сбил в свои окопы и ни одного шага вперед не сделал. Драгомиров терпел. Как полки 42-й дивизии, так и полки 46-й дивизии спустились вниз и под сильным артиллерийским огнем перешли вброд довольно широкую реку Сервечь, прорвали первую полосу немцев и залегли перед второй полосой. Никитин не двигался с места. Только перед закатом солнца, когда выяснилось, что перед Никитиным никого нет, он двинулся вперед и занял всю площадь, которая была за день перед тем в руках немцев, а теперь очищена.

Атака была отложена на следующий день. Ночью немцы перегруппировали свои части и на рассвете взяли под перекрестный огонь пулеметов и пушек вылезшие вперед полки 42-й и 46-й дивизий. Они были отделены друг от друга широким пространством, на котором Никитин задержал полки своей и 55-й дивизий. Полки 42-й и 46-й дивизий понесли очень большие потери и вынуждены были отойти в исходное положение. Для замены полков 46-й дивизии пущены были вперед два полка 3-го Кавказского корпуса. Эти полки под огнем противника спустились в долину, перешли вброд Сервеч и опять заняли все пункты, которые раньше были заняты полками 46-й дивизии, но их постигла та же участь. Понеся огромные потери, они вынуждены были вернуться в исходное положение. Атака была сорвана.

Левее Драгомировской группы по обе стороны железной дороги, ведущей в Барановичи, расположен был гренадерский корпус генерала Парского, а еще левее 10-й корпус генерала Данилова (рижего). На эти корпуса была возложена пассивная задача сковать противника перед своим фронтом с тем, чтобы он не смог посылать части на помощь атакованным немецким войскам на других позициях.

Генерал Парский вел только огневой бой, генерал же Данилов, активно действуя, решил ввести неприятеля в заблуждение, будто здесь тоже предполагается атака, и приказал своим частям наступать. Но части, пошедшие вперед, не дождавшись артиллерийской подготовки атаки, т. е. поступили обратно тому, что происходило

районе ударных корпусов. В связи с этим полки 10-го корпуса были принуждены остановиться, не дойдя до проволочных заграждений.

Итак, несмотря на прекрасную артиллерийскую подготовку, вся операция была сорвана. Причины были следующие:

1) генерал Рагоза повторил свою ошибку, допущенную в Нарочской операции, переложив свои обязанности на плечи Драгомирова;

2) и генерал Рагоза, и генерал Драгомиров, давно знавшие генерала Никитина, как тугодума, тяжелого на под'ем, к тому же пессимиста, все же возложили на него центральную задачу с подчинением ему 55-й дивизии. Он же замариновал все 8 полков и своевременно не пошел в атаку;

3) после окончания артиллерийской подготовки оставалось не менее 5-ти часов до наступления темноты, но ни этим временем, ни ночью не воспользовались для перемены позиций артиллерийских частей с тем, чтобы с рассветом 20-го числа начать обстреливать немецкое расположение с новых позиций и в большую глубину.

Появилась необходимость выехать мне в район Особой и 2-й армий, штабы которых были расположены на станции Рожище. В этом районе я посетил одну из тяжелых бригад, сформированных по моему проекту. Я был на позиции дивизиона, которым командовал подполковник Лазаркевич, рекомендованный мною на эту должность. Как расположение батарей, так и производившаяся в моем присутствии стрельба были найдены мною целесообразными. В 3-й армии предполагалась атака на реке Стоходе, но дело у них не шло вперед, так как неприятель занимал лесное пространство и почти не представлялось возможности наблюдать за стрельбой его артиллерии.

Я уже собирался возвратиться в штаб фронта, как пришла телеграмма от главнокомандующего: „Ожидайте приезда начальника штаба". Через день приехал начальник штаба. Сказалось, что в первом корпусе были нелады, и решили назначить командиром этого корпуса генерала Булатова, командовавшего 10-м корпусом. Об этом генерале я слышал еще в мирное время, причем слухи о нем были очень неприятные. Я тогда относился

к этим слухам недоверчиво, зная, что наше офицерство не любит строгих начальников, и его, вероятно, тоже не любят за строгость и требовательность. Но встреча с ним меня убедила в том, что это действительно неприятный человек.

Вместе с корпусным командиром мы поехали в 30-й корпус. В верстах пяти от штаба корпуса мы увидели выстроенный конвой командира корпуса. Нас прежде всего поразило то, что конвой состоял из кубанских казаков, а одеты они были в форму царского конвоя — в синих черкесках с позументами. Мы думали проехать мимо, не зная, для кого тут выстроен конвой, но генерал-квартирмейстер Особой армии генерал Герца (Борис) шепнул начальнику штаба: „Они вас встречают."

Начальник штаба остановил автомобиль, поздоровался с людьми, и мы поехали дальше. Эти люди сейчас же бросились врассыпную по всему полю, начали скакать возле автомобиля и проделывать всякие фокусы на коне. Начальник штаба, видя, что они присланы не только для встречи, но и для сопровождения, а также для устройства высоким гостям зрелища, остановил автомобиль и дал знать, чтобы они собрались. Затем он вызвал начальника конвоя и приказал свернуться в колонну и шагом проехать до штаба корпуса. Они так и сделали. Мы приехали в штаб корпуса. Генерал Булатов о нашем приезде был осведомлен и заранее пригласил к себе инспектора артиллерии корпуса генерала Пыжевского, очень доблестного артиллериста, награжденного Георгиевским крестом в японскую войну, и двух начальников дивизий, почтенных генерал-лейтенантов. Командир корпуса и эти генералы вышли из своей столовой-палатки и встретили нас. Начальники дивизий и инспектор артиллерии корпуса были нам представлены.

Мы вошли в палатку. С первых же слов генерал Булатов показал свое настоящее лицо. Он говорил елейным тоном, причем о расположении своих частей он докладывал следующим образом: „Теперь мои окопы, ваше превосходительство, находятся в 40 шагах от окопов немцев, но я это расстояние доведу до 20-ти шагов, до 12-ти шагов. Начальники дивизий говорят, что это невозможно. Но это возможно. Это, правда, трудно,—

ведь для того, чтобы довести свои окопы к немцам на 12 шагов, тут мало одной храбрости, требуется и ум." И все в том же роде.

Трое почтенных генерал-лейтенантов смущенно сидели при этих разглагольствованиях своего командира корпуса, который их постоянно третировал. Все совещание заключалось именно в таком докладе командира корпуса. Ему сообщили, что он будет перемещен в первый армейский корпус. После этого нам предложили чай, полы палатки были подняты, и в нее влезли музыканты со своими инструментами. Таким образом, мы пили чай под музыку.

Один час наблюдения за Булатовым показал, что он тяжелым камнем лежит на своих подчиненных, а перед начальством лебезит.

В штабе одного из гвардейских корпусов был собран высший командный состав всех корпусов Особой армии. На совещании возбудили вопрос о таком расположении артиллерии, чтобы по каждой сколько-нибудь важной в тактическом отношении цели можно было развить фланговый огонь. Один из присутствующих спросил каково отношение фланкового огня к фронтальному. Начальник штаба обратился ко мне и просил высказать свое авторитетное мнение.

— Одно орудие фланговым огнем сделает столько же, сколько два орудия фронтальным огнем. Поэтому надо артиллерию так располагать, чтобы каждая цель могла быть подвержена или фланговому, или косоприцельному огню. Фронтальный огонь применяется или тогда, когда можно развить перекрестный огонь, или когда другой возможности стрелять по данной цели нет. А это значит, что артиллеристы были непредусмотрительны и свои батареи расположили нецелесообразно.

Этим наша поездка кончилась, и мы вернулись в штаб фронта.

Летом 1916 года я выезжал в расположение 39-го армейского корпуса, которым командовал генерал Артемьев. Вернувшись оттуда, я доложил главнокомандующему, что, вообще, наши артиллеристы действуют хорошо, а усмотренные мною недочеты немедленно и охотно исправляют согласно моим указаниям. Их работа меня удовлетворяет, сказал я, но я бываю положитель-

но счастлив, когда могу вам доложить, что в той или другой части мне делать нечего. Вот так было и в 38-м армейском корпусе. И легкая, и тяжелая артиллерия получили там правильные задачи, расположены батареи там хорошо, позиции их оборудованы так основательно, что положительно им нечего было указать. Моя поездка была для них бесполезной, а для меня только потерей времени. Вот такие наблюдения, ваше высокопревосходительство, меня делают счастливым, как артиллериста.

Он живо спросил:

— А кто там инспектор артиллерии?

— Генерал-лейтенант Кардиналовский.

Тогда он позвонил дежурному генералу штаба, чтобы он прислал аттестацию на артиллерийских генералов, в том числе и на генерала Кардиналовского. Он был аттестован—достоин выдвижения на должность инспектора артиллерии армии вне очереди. Моею эта аттестация была подтверждена. Главнокомандующий приказал мне сбоку прибавить: „На первую очередь", и сам сделал под этим подпись.

Ровно через две недели из Штаба верховного главнокомандующего потребовали представить кандидата на должность инспектора артиллерии армии. Главнокомандующий приказал выдвинуть кандидатуру Кардиналовского. Вскоре он был назначен инспектором артиллерии одной из армий Юго-западного фронта. Мы сожалели, что наш славный генерал от нас уходит.

Кардиналовский, приехав в Минск, явился с прощальным представлением к главнокомандующему, а затем, поднявшись ко мне наверх, сказал:

— Али Ага, чувствую что этим быстрым продвижением я обязан вам.

— Если вы угадали, так я признаюсь.

Он горячо меня поблагодарил. Но недолго ему пришлось поработать на новом месте службы. Он был вскоре убит на наблюдательном пункте одной из подчиненных артиллерийских частей.

В сентябре 1916 года в нашем штабе было решено создать школу для совместного обучения взаимодействию артиллеристов и летчиков. Организация этой школы была поручена мне. В середине сентября школа уже

начала работать. В постоянный состав вошли начальник школы артиллерийский полковник Каглебский, окончивший Академию генерального штаба, его заместитель, два преподавателя из артиллеристов и двое из летчиков. В материальной части школы были одна легкая батарея, одна тяжелая полевая батарея, два самолета и различные средства связи: радиотелеграф, радиотелефон, полотнища и цветные ракеты.

В переменный состав назначили батарейных командиров и обер-офицеров в чинах поручика и штабс-капитана. Командиры батарей упражнялись в указании целей летчикам и в корректуре стрельбы по их наблюдениям. Обер-офицеры упражнялись в указании командирам батарей целей, которые были обнаружены с самолета, в наблюдении результатов стрельбы батарей и в сообщении своих наблюдений на землю; в производстве стрельбы из пулеметов, в бомбометании, в производстве аэрофотосъемки и в управлении самолетом на случай выхода пилота из строя.

Артиллеристы чрезвычайно заинтересовались этой учебой, и дело пошло очень успешно. В течение года было произведено пять выпусков, которые вернулись в свои части вполне подготовленными к тем действиям, для изучения которых они были призваны в школу.

Я получил сведения с родины о том, что мой дядя и тесть Гусейн Эфенди Гаибов, которому шел тогда 87-й год, занемог и просит меня приехать: „Если он теперь не приедет, я его больше не увижу."

Главнокомандующий разрешил мне поехать в отпуск на один месяц. 1-го октября я поехал на Кавказ и вернулся 1-го ноября. В связи с тем, что в Минск был разрешен въезд женам штабных служащих, я привез свою жену. В прифронтовой полосе поезда были битком набиты, и проезд на таких поездах был очень затруднителен, поэтому в Москву был прислан мой вагон. Однажды проводник поставил нам на стол самовар и положил номер газеты „Новое Время". Не успел я хлебнуть немного чая, как жена воскликнула:

— Боже мой, боже мой, какой ужас!...

— Что с тобой?

— Ты будешь страшно огорчен.

— Да скажи же, в чем дело?

— Посмотри.

Она показала на первый лист газеты. Там крупными буквами было напечатано об'явление от Кавказской гренадерской артиллерийской бригады о кончине полковника этой бригады Глебовича-Полонского. Я оставил стакан и несколько часов не мог ни есть, ни пить. Это был мой лучший друг и один из самых доблестных защитников Порт-Артура. Он провел со мною вместе китайский поход, японскую войну и от начала мировой войны до конца октября 1916 года всегда был под огнем, а умер от заражения крови. После лихорадки на губе у него выступил прыщик. Он выкупался в деревенской бане и получил заражение крови. С фронта полковника отправили в Минский госпиталь, но адъютант привез только его труп. В кармане кителя нашли его завещание, где было указано, чтобы все сбережения в сумме 14.000 рублей передали его сестре, домашнюю обстановку, оставленную в Тифлисе,—брату, а золотую шашку—Шихлинскому.

В дни февральской революции

В районе Особой армии был задуман удар по немцам для прорыва их укрепленной полосы. Особой армией командовал генерал Валуев, который собрал для этой цели до 14-ти корпусов. Таким большим числом корпусов один человек, конечно, управлять не может. В мемуарах величайшего из полководцев—Наполеона говорится, что в бою одному начальнику должно быть непосредственно подчинено не больше 3-х или 4-х лиц, а он мог справляться и с 5-ю.

Валуев, человек умный, свои корпуса тоже сгруппировал по 3—4 корпуса вместе и, таким образом, непосредственно ему было подчинено не более 3-х человек. Самую важную группу он подчинил генералу Корнилову. В это время Корнилов был окружен ореолом славы. Будучи начальником дивизии, при отступлении нашей армии из Австрии он по тупому своему упрямству задержался на позиции, когда всем частям приказали отходить. Его дивизия была окружена, и он, серьезно раненный в ногу, попал в плен. После того, как рана у него была залечена, он бежал из плена. Конечно, бегство генерала, начальника дивизии, из плена—это выдающий-

ся подвиг, и Корнилов прославился. Поэтому-то ему, корпусному командиру, были подчинены еще, кажется, трое корпусных командиров. Но из этой операции ничего не вышло. Главнокомандующий фронтом решил выехать туда и разобрать, почему операция не удалась, когда такие громадные силы были брошены для ее осуществления.

С главнокомандующим выехали я и генерал-квартирмейстер штаба Павел Павлович Лебедев. Начальник штаба остался за главнокомандующего. Прибыв 25-го ноября в Луцк, где был штаб Особой армии, собрали совещание всех командиров соединений, инспекторов артиллерии и корпусов и начальников штабов. Это совещание определенных причин срыва операции не вскрыло, но выяснилось, что ударная группа Корнилова, бывшая центральным звеном всей операции, действовала неважно.

Когда членам совещания разрешили расходиться, в кабинете командующего армией остались только он и трое нас, прибывших из штаба фронта. Главнокомандующий спросил:

— Скажите, пожалуйста, как действовал этот новоявленный герой Корнилов?

Генерал Валуев оглянулся, увидел, что в комнате никого кроме нас нет, потом встал, два раза повернул ключ в дверях, вернулся к нам и пониженным голосом доложил:

— Ваше высокопревосходительство, у этого человека сердце льва, а голова барана.

Этим было сказано все.

Несмотря на это, Временное Правительство после Февральской революции эту „баранью голову“ назначило сначала диктатором Петрограда, а затем верховным главнокомандующим.

В декабре 1916 года в Петрограде произошло убийство Распутина,—событие, взволновавшее всю Россию. Этот авантюрист и негодяй, поддерживаемый в придворной сфере, стал влиять на государственные дела, вплоть до назначения и увольнения министров. На фронте некоторое время мы все были заняты этим событием. Одни ожидали, что это к добру, что таким образом мы избавились от негодяя, а другие были уверены,

что убийство Распутина принесет бедствие. Но в январе никто из благомыслящих людей уже о нем не думал.

Началась Февральская революция, приведшая к отречению императора от престола. В своих воспоминаниях я не считаю возможным подробно останавливаться на этом событии, так как о нем достаточно сказано в специальных трудах.

Во всех городах были созданы Советы Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Матросских депутатов. Важнейшим из них был, конечно, Петроградский Совет. Одним из революционных советов был Минский Совет, расположенный рядом со штабом Западного фронта.

Надо сказать, что с первых дней моего знакомства с членами Минского Совета между мною и ими установились добрые отношения, особенно же хорошо ко мне относился Михаил Васильевич Михайлов, организатор и первый начальник минской милиции. Как я узнал, в то время он был профессионалом революционером, работавшим до этого в Иваново-Вознесенске среди текстильщиков. Во всех случаях, когда нужно было представительство Совета в штабе, выступали мы вдвоем—Михайлов и я. Так было при прибытии на фронт революционных солдат петроградского гарнизона, при встрече делегации черноморских моряков, во время митинга на городской площади. Таким образом, я с ним сблизился больше, чем с другими членами Президиума Минского Совета. От него я узнал, что он давно уже на фронте, где вел подпольную работу, находясь на службе в Союзе земств и городов (Земгор). „Тогда я и ознакомился с вашей деятельностью,— сказал мне однажды Михайлов,—так что я вас знал задолго до встречи."

Минский Совет созвал фронтовой с'езд. На этот с'езд прибыли солдаты и офицеры и с других фронтов. Были приглашены от Петроградского Совета Чхеидзе, Скобелев, Церетели и Гвоздев, а штабом были приглашены члены Государственной Думы: председатель Родзянко и тверской депутат Родичев.

При открытии с'езда произошел инцидент. Оказалось, что в списке делегированных Минским Советом депутатов был пропущен сам председатель Совета. Когда подали список членов президиума и предложили председателем с'езда выбрать председателя Минского

Совета, то полковник Касаткин запротестовал, заявив, что он не член с'езда, так как никем не делегирован.

Среди солдат, возмутившихся этим протестом, поднялся невероятный шум, их долгое время не могли унять. Тогда я вышел на трибуну и поднял руку. Все смолкли. Я заявил:

— Голосую за избрание председателем с'езда председателя Минского Совета.

Он почти единогласно был избран. Это произвело благоприятное впечатление на всех присутствующих солдат и, главным образом, на членов Совета. После этого отношение членов согласительной комиссии Совета ко мне стало еще лучшим. Фронтовой с'езд Западного фронта оказался очень революционно-настроенным. Вынесенная резолюция требовала прекращения войны и заключения мира. От штаба в согласительную комиссию Минского Совета вошла небольшая делегация, возглавляемая мною. Кроме меня, в состав делегации вошел полковник Касаткин, который с первых же дней революции занял непримиримую к ней позицию, агитировал за восстановление монархии, а затем некий поручик Афанасьев, призванный из запаса, в мирное время работавший присяжным поверенным в Москве. Тогда я мало разбирался в политических партиях, впоследствии же узнал, что все члены этой согласительной комиссии от Совета были большевики, а Афанасьев — эсер.

Вскоре после Февральской революции в Минск прибыл член Государственной Думы Шейкин, которого прислал новый военный министр Гучков. Шейкин предложил генералу Эверту подать в отставку. Эверт это исполнил, и на его место был назначен генерал Гурко.

Вскоре после Февральской революции мне доложили, что в одной из противосамолетных батарей, расположенных в Минске, офицерам предложили сдать свое оружие.

Приехав туда, я собрал солдат и об'яснил, что они не имеют права пред'являть такие требования на виду у противника. Они мне ответили, что от Минского Совета пришел представитель и предложил им так поступить.

Мне это показалось подозрительным, так как я сам состоял в согласительной комиссии и если бы такое

решение было, то я, несомненно, знал бы о нем. Этим представителем Минского Совета оказался некий Тер-Мосесов, который по своему внешнему виду ничего общего с кавказцем не имел. Он сказал, что его мать русская, он родился в России, а на Кавказе не бывал.

Я заявил Тер-Мосесову:

— Я сам состою в согласительной комиссии Минского Совета, и она такого решения не выносила, по вашему же незаконному требованию ни один офицер своей шашки не сдаст.

Это я говорил, сидя на лафете, тесно окруженный солдатами, которые поглядывали на Тер-Мосесова и ухмылялись.

Вдруг появился солдатик, фуражка которого спускалась до плеч, а солдатская шинель волочилась по земле. На мой вопрос, что это за мальчик, Тер-Мосесов с улыбкой ответил, что это его жена.

Я заметил:

— Тов. Тер-Мосесов, этот маскарадный костюм такого же порядка, как и требование о сдаче оружия. Пожалуйста, попросите вашу супругу снять солдатскую одежду и откажитесь от вашего требования, которое незаконно.

Я решил разоблачить этого Тер-Мосесова на первом же заседании нашей согласительной комиссии. В это время одно обстоятельство потребовало моего выезда на фронт на три дня.

Во время моего отсутствия супруга Тер-Мосесова устроила грандиозный благотворительный вечер в пользу раненых солдат и семей убитых. Разодетая по последней моде, она торговала на вечере небольшим количеством цветов, которые раскупали у нее нарасхват по очень высоким ценам и ей же дарили... Она продавала их вторично и выручила, говорят, свыше 1000 рублей. На другой день муж и жена Тер-Мосесовы бесследно исчезли, захватив с собою 900 рублей.

Таким образом, мое недоверие к этому авантюристу оправдалось.

Встреча с генералом А. А. Брусиловым

В мае 1917 года было решено повторить атаку у развалин местечка Крево, неудавшуюся в 1916 году. Стали

усиленно готовиться к этой операции, главным образом, завозить тяжелую артиллерию. Сюда должны были прибыть дивизионные гаубицы калибром 9,2 дюйма и 12-дюймовые гаубицы нашего Обуховского завода. Это были очень мощные орудия, выбрасывающие на 12 верст снаряды весом в 23 пуда. Этой операцией заинтересовался новый верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. В июне мы получили известие, что он приедет к нам в Минск. В ожидании его на вокзале был выставлен почетный караул; весь генералитет штаба собрался на станции, кроме главнокомандующего и его начальника штаба. Поезд А. А. Брусилова прибыл на 20 минут раньше. Главнокомандующего еще не было. Дежурный генерал отрапортовал и доложил, что главнокомандующий сейчас прибудет, а опоздал он потому, что поезд А. А. Брусилова пришел раньше времени.

А. А. Брусилов пошел на правый фланг почетного караула, где стоял я, как старший по должности; остальной генералитет был на левом фланге. Он мне козырнул и прошел мимо, затем поздоровался с почетным караулом и медленно прошел по фронту, глядя каждому солдату в лицо. Наконец, он остановился перед офицером, назначенным ему в ординарцы, тот отрапортовал, он пожал ему руку. Затем А. А. Брусилов остановился перед унтер-офицером, тоже назначенным в ординарцы, тот отрапортовал, и ему он пожал руку. За унтер-офицером стоял рядовой посыльный. После рапорта он пожал ему руку. Потом, сделав общий поклон по направлению генералитета, он пошел в свой вагон.

Только он вошел, как сейчас же приехал главнокомандующий генерал Гурко с начальником штаба. Последний остался на платформе, а Гурко вошел в вагон, но тотчас же вернулся на площадку вагона и позвал:

— Али Ага, Верховный желает вас видеть.

Я вошел в вагон. Брусилов встретил меня стоя, поздоровался, как обыкновенно здороваются со старыми знакомыми, и сказал:

— Очень рад с вами познакомиться, я о вас очень много слышал. Садитесь, господа.

Ординарцу он сказал:

— Прикажите, чтобы нам здесь подали завтрак, а сами придите, когда я вас позову.

Как только ад'ютант ушел, он сейчас же начал:

— Прежде всего, я хочу вас ознакомить с моим взглядом на будущее России. Возврата к монархии не должно быть. Кто будет у нас царем?—Михаил, которого царь оставил наследником? Ведь он же глуп, а других князей, достойных престола российского, у нас нет. Может быть при мирных переговорах конференция европейских держав предложит нам немецкого принца. Воля ваша. Я их не хочу, пусть мною командуют русские рабочие и русские мужики, но не немецкие принцы. Я вас ознакомил с моей точкой зрения. Это ни для кого, конечно, не обязательно, но если вам угодно будет,—интересующимся можете передать эту мою точку зрения.

Потом он заговорил о будущей операции. Он спросил, почему происходит задержка. Я доложил, что мы должны получить 9-дюймовый гаубичный дивизион, которому намечена определенная задача и отведен позиционный район. До его прибытия начинать артиллерийскую подготовку не следовало бы, а из Царского Села, где он формируется, сообщают, что дивизион еще не готов. По времени, истекшему с начала формирования этого дивизиона, я полагаю, что он как боевая часть уже давно готов, может быть каких-нибудь мелочей, положенных по штату, не хватает.

— Если разрешите,—сказал я,—я поеду в Царское Село, осмотрю дивизион и ускорю его отправление.

—Это отличная мысль, поезжайте!

На другой же день я выехал.

Гурко попросил меня отвезти в Петроград его жену, которая там работала в какой-то больнице Красного Креста и приезжала сюда на короткое время для свидания с мужем. Я, конечно, согласился. По дороге я обратил внимание на то, что у жены Гурко едва заметный английский акцент. Возвратившись в Минск, я спросил у генерала Игельстрема, который давно знал Гурко и его жену, какой она национальности; он ответил, что она русская, но родилась чуть ли не в Лондоне, во всяком случае там воспитывалась. В связи с тем, что ее отец был некоторым образом под бойкотом, вернее они мало бывали в русском обществе. Отец ее был Мартынов—убийца Лермонтова. Мне это стало

неприятно поразило. Я вспомнил, что уже вторично встречаюсь с лицами, примешанными к подлому убийству славного поэта. В 1891 году в Железноводске я познакомился со стариком Карповым, а потом узнал, что он был секундантом Мартынова.

Прибыв в Царское Село, посетив гаубичный дивизион и убедившись в том, что дивизион совершенно готов (нехватало лишь каких-то мелочных принадлежностей), я заявил генералу, что дивизион возьму с собой.

Он ответил, что сегодня же потребует подвижной состав и завтра утром начнет грузить. Я вернулся назад, а через двое суток прибыл и дивизион.

В штабе 10-й армии А. А. Брусилов ознакомился со всеми сделанными распоряжениями, по карте рассмотрел расположение артиллерии и изучил назначенные ей боевые задачи. Всем он остался очень доволен.

Мы вернулись в Минск и до обеда, который был приготовлен в нашем собрании, А. А. Брусилов посетил заседание Президиума Минского Совета вместе с делегацией штаба. После небольшого совещания мы вернулись, а затем А. А. Брусилов отбыл в Ставку.

Вскоре Гурко был отставлен от должности главнокомандующего Западным фронтом. Впоследствии, при разборе документов в кабинете Николая II, было обнаружено письмо Гурко, написанное уже после отречения царя. В этом письме Гурко писал царю, что возврат его на престол возможен, что это может быть разрешено Учредительным Собранием, поэтому он, Гурко, просил его величество быть великодушным к тем из своих верноподданных, которые под давлением современных обстоятельств согласились с временным сложением им своих монарших обязанностей. Гурко был арестован, а затем отправлен за границу. Его пост занял генерал Деникин, который приехал в Минск с Юго-Западного фронта вместе со своим начальником штаба генералом Д. С. Марковым.

Таким образом атака, подготовлявшаяся при Гурко, должна была произойти при новом главнокомандующем. О Деникине до нас доходили сведения, как о храбром и знающем генерале, но с первых же дней его приезда я обратил внимание на его легкомыслие, выражающееся в бестактном отношении к разным лицам. Например, он

своего начальника штаба, которого очень ценил, называл не иначе как „профессор“, и этот эпитет звучал, как насмешка.

Дело в том, что в Академии генерального штаба было принято приглашать для прочтения лекций выдающихся полевых генералов, и это называлось введением живой струи в Академию. В числе таких лекторов на одну зиму до войны и был приглашен Марков, поэтому-то Деникин и называл его насмешливо „профессор“.

Можно привести и такой случай. На улице Деникину отдал честь генерал Перекрестов — помощник начальника артиллерийского снабжения фронта. Этот генерал всю свою жизнь прослужил в Главном артиллерийском управлении, в строю был очень мало и поэтому лихого военного вида не имел. Деникин на него прикрикнул:

— Как вы мне честь отдаете? Стойте смирно!

Тот немножко подтянулся, и у него на лице появилась улыбка смущения. Деникин вскрикнул:

— Да вы пьяный еще к тому же! Что это за улыбка?

У того затряслись губы, и он вначале ничего не мог произнести, а потом, заикаясь, сказал:

— Ваше превосходительство, я никогда не пью, спиртное для меня яд.

По правде сказать, внешне он был похож на пьяницу. У него было одутловатое, почти багровое лицо, вследствие крайней слабости сердца. Но этот человек был ума-палата. В мирное время все, что творилось в Главном артиллерийском управлении, а затем в Управлении начальника артиллерийского снабжения, он знал наизусть. Для него не требовалось ни списков, ни таблиц. Он все цифры помнил наизусть, откуда что получено и как распределено между частями артиллерии. На нем держалось все Управление артиллерийского снабжения фронта. И вот такого человека Деникин обидел своим бестактным отношением.

Потом мне стоило больших трудов убедить Деникина, что это замечательный и очень полезный человек. Но надо отдать ему справедливость, что, убедившись в этом, он сказал:

— Да, жаль, жаль, что я его так обидел.

Артиллерийскую подготовку мы хотели начать 6-го июля и продолжать два дня, так как немцы в течение

двух лет свои позиции укрепляли железобетоном и так сильно, что мы не надеялись в один день разрушить их укрепления. Одновременно с нами начать наступление должен был и Северный фронт, но нам сообщили, что раньше 9-го июля перейти в наступление он не сможет. Тогда мы отложили начало артиллерийской подготовки на 7-ое июля.

На рассвете я поехал на фронт, посетил многие артиллерийские позиции. Работа шла великолепно, стрельба была точная во всех трех корпусах. К 11-ти часам я вернулся к нашему поезду, стоявшему на запасном пути на ст. Молодечно, около штаба 10-й армии, и доложил главнокомандующему о действиях артиллерии. Деникин просил и его туда повезти. Поехали. В час дня мы были на позиции артиллерии 38-го корпуса, которым командовал генерал Довбор-Мусницкий, человек весьма храбрый, но не особенно глубокомысленный. С нами на позицию поехал и он.

Когда сели в автомобиль, он мне сказал:

— Правее дороги есть небольшое кладбище, там среди крестов вы увидите красиво изрезанную доску, обратите на нее внимание.

Проезжая мимо и увидев эту доску, я спросил его— в чем дело? Он сказал:

— Там ваш единоверец похоронен. Сидели в окопах, вдруг со стороны немцев подул ветер, и они пустили ядовитый газ. Все надели противогазы, а у офицера его не оказалось, тогда один казанский татарин сорвал с себя противогаз и надел на офицера, сказав: „Оденьте, вам нужнее". Сам он погиб от отравления газом. Мы его похоронили торжественно, с почестями.

Доехали мы до позиции, сошли с автомобиля и по путям сообщения дошли до батареи легких пушек, которой командовал капитан Деваль. Ему поручили просечь проходы в проволочных заграждениях. К 12-ти часам дня он выполнил задание, положенное на сегодняшний день, и уже целый час решал задачу завтрашнего дня.

— Завтра, — сказал он, — останется только держать проделанные проходы под редким огнем, дабы немцы не могли их исправить.

Главнокомандующий его поблагодарил, и мы уехали обратно. Я при этом сказал главнокомандующему, что

везде артиллерийская подготовка находится в таком же состоянии.

Мы опять приехали к своему поезду, пообедали. Рядом с запасными путями, где стоял наш поезд, был зеленый луг. Туда был выставлен стол, и главнокомандующий со своим начальником штаба пили там чай. Я подошел к ним. Главнокомандующий мне сказал, что нужно участить стрельбу:

—Прикажите, чтобы артиллеристы стреляли чаще.

Я сказал, что такая стрельба невыгодна:

—Вы видели, какие результаты достигнуты, а при частой стрельбе ухудшится точность стрельбы. Все будет затянуто дымом разрывов снарядов.

Он на это возразил:

—Мы на Западном фронте так стреляли.

Я ответил:

— Австрийцы бегут и от дыма, но немцев надо повалить. Кроме того, это вызовет большой расход снарядов и преждевременную порчу тяжелых орудий, которые рассчитаны на ограниченное число выстрелов.

Он тогда обратился к начальнику штаба и сказал:

— Профессор, видите, этот артиллерист нас с вами считает дураками. Напишем сами командующему армией, чтобы участили стрельбу.

Я, ни слова не говоря, повернулся и ушел в свой вагон. Через четверть часа я принес им конию депеши, которую послал инспектору артиллерии генералу Сиверсу. Депеша была приблизительно такого содержания:

„Главнокомандующий сегодня посетил артиллерийские позиции. Работой артиллеристов остался отменно доволен, но желает участить стрельбу, чтобы создать музыку в нашем расположении от звуков выстрелов, а в расположении противника от треска разрывов и легких осколков. Это повысит дух нашей пехоты и подавит дух противника. Предлагаю вам сообщить об этом вашему командующему и инспекторам артиллерии всех трех корпусов, но предостеречь их от излишнего увлечения скоростью стрельбы, которая может привести к преждевременной порче дорогих орудий крупных калибров и к излишним расходам снарядов.

Главнокомандующий требует почаще заглядывать в

душу нашей пехоты и постоянно учитывать современное состояние ее духа."

Деникин взял эту депешу, прочитал и с улыбкой сказал:

— Профессор, а ведь он лучше нас написал.

8-го июля приехал к нам Керенский.

На другой день утром прежде других корпусных командиров донес Довбор-Мусницкий:

— Сегодня в семь часов утра войска вверенного мне корпуса прошли через развалины замка Гедемана, как по Невскому проспекту.

Оказалось, что на фронте корпуса не осталось ни одного живого немецкого солдата. Все ушли из-под артиллерийского огня, не дожидаясь пехотной атаки.

Командир 1-го Сибирского корпуса донес:

— Перед нами фронт немцев очищен артиллерийским огнем, и войска прошли через всю укрепленную полосу немцев.

Таким образом и Богушинский лес оказался обойденным, так как он был опустошен артиллерийским огнем. Вслед за тем пехота 20-го корпуса прошла за укрепленную полосу немцев. Немцы отошли далеко назад. Добравшись до склада немцев, солдаты 20-го и 38-го корпусов нагрузились новенькими одеялами, мундирами и различными предметами хозяйственного обихода и собрались итти назад. На вопрос офицеров: „Куда вы, товарищи"? — они отвечали: „А что ж, отогнали немцев, а теперь пойдем чайку попить."

— „Да нейте вы здесь, зачем вы туда идете?

— Ну, тут еще заводить все новь, а там у нас готовые чашки.

— Никакими силами их нельзя было удержать, и они вернулись на прежние позиции.

На захваченном месте остались только сибирские полки 1-го Сибирского корпуса, которые простояли там больше недели. Главнокомандующий, не желая подвергать их опасности перекрестного огня, приказал им отойти назад и выравнить фронт. Вся пехота, таким образом, отошла на исходные позиции.

Итак, этот артиллерийский удар окончился ничем.

В этой операции впервые участвовали командир и летчик-наблюдатель, пролетавшие через организованную

мною школу обучения взаимодействию артиллеристов и авиаторов. Результаты оказались чрезвычайно благоприятными. Особенно отличился полковник Кавказской артиллерийской бригады Фок, который по временам сам вылетал, изучал особенности немецких укреплений, указывал их летчику-наблюдателю и, сойдя с самолета, направляя огонь батарей своего дивизиона по тем местам, разрушение которых решало участь всего укрепления.

Исполнявший должность начальника штаба верховного главнокомандующего генерал Лукомский прислал мне стереотрубу Цейсса с письмом, в котором хвалил действия артиллерии, благодарил меня за общее руководство этой артиллерией и просил его собственную зрительную трубу подарить той батарее, которая, по моему мнению, работала лучше других. Я решил передать ее в 1-й Сибирский корпус, так как артиллеристы этого корпуса, благодаря стойкости своей пехоты, познали истинное счастье победы, а в других корпусах прекрасно действовавшая артиллерия была лишена этого счастья, так как пехота ее не использовала.

Я предложил инспектору артиллерии 1-го Сибирского корпуса генералу Будицкому отвести назад лучшую батарею, которую он выберет, так как я приеду ее поздравлять. К моему приезду батарея была выстроена. Во главе ее стоял капитан, на его груди красовался Георгиевский крест, на ленте которого была видна лавровая ветка из серебра. Этот крест был преподнесен командиру батареи солдатским комитетом своей части. Такая награда была введена Временным Правительством для офицеров, независимо от той, которую им присудит Георгиевская Дума. Этот капитан впоследствии получил и второй крест, уже по постановлению Георгиевской Думы.

После краткой речи, обращенной к солдатам, я призвал к себе командира, пожал ему руку и спросил, как его фамилия. Оказалось, что он грузин, Каргаретели. Я спросил:

— Вы окончили Тифлисский кадетский корпус?

— Нет.

— Так учились в 1-й Тифлисской гимназии?

— Нет, я учился в Елизаветпольской гимназии. Мои

отец был казначеем в городе Казахе, а я и брат учились в Елизаветпольской гимназии.

— Так мы с вами земляки. Я ведь тоже казахец.

— Знаю, ваше превосходительство. Мы с братом приезжали в Казах на рождество и пасху, и вы тогда там бывали. Мы с братом хотели быть артиллеристами, поэтому мы всегда ходили за вами, но вы нас не замечали.

Я его обнял. Он был страшно доволен. А солдатам я сказал:

— Видите, товарищи, оказалось, что ваш храбрый командир мой земляк. Я этому очень рад.

Второй приезд А. А. Брусилова в Минск

Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов вторично приехал в Минск и опять посетил заседание согласительной комиссии Минского Совета. Выступал Деникин, который при этом размахивал руками и кричал, так как он критически относился к распоряжениям Совета и к его левым депутатам.

Выступавший за ним один из членов Президиума Совета сказал, что генерал Деникин, видимо, воображает себя в царской казарме: размахивает руками и кричит, как перед забитыми царскими солдатами, забывая, что он находится на заседании Минского Совета, т. е. в обществе представителей проснувшегося, знающего свою силу, народа:

— Я нахожу нужным генерала призвать к порядку.

Деникин осекся, и больше уже так не кричал. Этот инцидент я привел как лишнее доказательство бестактности Деникина.

Вскоре после Кревской операции Брусилов сложил с себя обязанности верховного главнокомандующего. На это место Временное Правительство назначило Корнилова, а вместо Корнилова на Юго-Западный фронт был назначен Деникин. К нам на Западный фронт главнокомандующим был назначен Валуев.

В первых числах сентября ранним утром мне позвонил дежурный генерал из штаба фронта, генерал-лейтенант Галкин, и поздравил меня с высоким назначением. Вслед за тем мне позвонил из Ставки полевой инспектор артиллерии и тоже поздравил меня с высоким

назначением. Они вероятно думали, что я уже знаю об этом назначении. Когда я спросил, куда я могу быть еще назначен, то мне об'яснили, что я назначен командующим 10-й армией. Я был очень смущен этим назначением, так как считал, что на занимаемом посту я стою очень твердо и получил этот пост по заслугам, как специалист, знающий свое дело, но командовать армией я никогда не готовился.

Поэтому я просил у главнокомандующего разрешения поехать в Ставку для того, чтобы отказаться от назначения. Генерал Валуев на это ответил:

— Не позволю. Нахожу, что те, которые вас избрали на этот пост, поступили вполне правильно. Это назначение ближе всех касается меня, так как командарм на фронте является моим ближайшим помощником, а я лучшего помощника не желаю.

Через несколько дней я получил поздравление от бывшего главнокомандующего генерала Эверта, который уже был в отставке и проживал тогда в городе Смоленске. Он писал, что считает меня вполне достойным этого назначения.

Я принял армию и поселился на ст. Молодечно. На мое место я рекомендовал генералу Валуеву взять генерала барона Майделя, что он и сделал.

Обстановка тогда была весьма серьезной.

Во всех частях солдаты были настроены против войны. Все рвались назад домой. На фронте было много продуктов и солдаты не голодали, но из тыла они получали известия о том, что их семьи голодают. Всем хотелось поскорее итти домой, и началось медленное, но постепенное течение в тыл. Солдаты уходили самовольно; чтобы этому сколько-нибудь воспрепятствовать, я посещал окопы, часто полные дождевой воды, беседовал с солдатами и, как я видел, это их иногда успокаивало. Во всех полках я постоянно встречался и говорил с полковыми комитетами. Значительную часть всего времени я проводил среди солдат.

Вскоре произошел следующий инцидент. В одном из полков праздновали полковой праздник. В офицерском табльдоте был сервирован обед со спиртными напитками, которые вообще были запрещены во время войны. Масса солдат собралась около табльдотной палатки и с

завистью смотрела на то, как офицеры кутят. Капитан Генерального штаба Зуев налил полный бокал и произнес тост „за здоровье великого узника". Солдаты поняли, что под „великим узником" он подразумевает Корнилова, арестованного после его восстания против Временного правительства. Солдаты немедленно окружили палатку и арестовали всех в ней находившихся. В числе их был начальник дивизии и временно командующий корпусом генерал Данилов.

Я отдал приказ, в котором капитана Генерального штаба Зуева уволил в резерв с указанием, что такая бестактность не вяжется со службой офицера Генерального штаба и такому офицеру не должно быть места в армии, пока я ею командую. Командиру полка и начальнику дивизии я об'явил выговор за то, что они допустили питье спиртных напитков, запрещенных на время войны приказом верховного главнокомандующего, а командующему корпусом генералу Данилову поставил на вид то, что он позволил пить вино в своем присутствии.

Посещение окопов, наполненных водою, хождение по сырым лугам вызывали у меня страшные подагрические боли. Я пришел к убеждению, что дальнейшее мое хождение по фронту невозможно и просил уволить меня в резерв Кавказского округа для лечения болезни. Верховный главнокомандующий на это не согласился. Тогда я просил вторично и к своему рапорту добавил: „Повторяю свою просьбу потому, что в данных обстоятельствах я не могу исполнять обязанности службы по совести, а совесть требует моего постоянного пребывания на фронте среди солдат". Тогда согласились на мое увольнение.

Я выехал на Кавказ во второй половине ноября, а приказ о моем увольнении в резерв состоялся 2-го декабря.

За войну 1914—1918 г.г. я был награжден орденом Станислава 1-й степени, орденом Анны 1-й степени с мечами, орденом Владимира 2-й степени с мечами (для молодого генерала это очень высокая награда) и чином генерал-лейтенанта.

Армейский революционный комитет, который возглавлял солдат Ярцев, предоставил в мое распоряжение ва-

гон-салон, в котором я как командарм раз'езжал по фронту. Назначили мне провожатого—унтер-офицера из ординарческого эскадрона и дали мне открытый лист за печатью Революционного Комитета армии с требованием обеспечить свободный пропуск „генералу Шихлинскому, едущему на Кавказ для лечения болезни".

Тов. Ярцев вместе с наблюдающим за оперативной частью штаба артиллерийским фейерверкером т. Михайловым принесли мне этот открытый лист и пожелали счастливого пути.

15-го ноября я выехал из Молодечно на Кавказ. Так окончилась моя служба в старой российской армии.

Служба сложилась для меня очень счастливо. Начиная с японской войны и до от'езда из армии никаких неудач я не терпел. Я не раз применял к себе старую русскую поговорку „Не родись красивым, а родись счастливым". И действительно, как на служебном поприще, так и в частной жизни, счастье меня не покидало. Я никогда за карьерой не гонялся, карьера ко мне шла сама; можно даже сказать—бежала мне навстречу. В доказательство этого могу привести такой пример.

В бытность мою генералом для поручений при верховном главнокомандующем, министр Двора граф Фредерикс прислал мне официальную бумагу, в которой мне сообщалось, что я, как состоящий при особе его величества, имею право наравне со свитскими генералами делать его величеству доклады или представлять донесения по почте или по телеграфу. Но я ни разу этим большим правом не воспользовался, так как все распоряжения исходили от начальника штаба, который царя только уведомлял о том, что творится на фронтах и о своих распоряжениях, личные же доклады и донесения могли бы помочь моему выдвижению, не принося никакой пользы общему делу. Поэтому я совершенно сознательно и решительно отказался от докладов царю.

Бумагу, присланную мне министром Двора, я сложил вчетверо и спрятал. В бытность свою в отпуске, в октябре 1916 года, я эту бумагу подарил своему племяннику, уездному начальнику, зная, что он этим будет гордиться. Он меня спросил, а часто ли я делал доклады.

— Ни разу,—ответил я и об'яснил причину. Он выразил сожаление. Тем не менее он эту бумагу берег и показывал своим приятелям, хвастаясь тем, какой почетный у него дядя и к этому прибавлял:

— При всех своих достоинствах, мой дядя странный человек. Представьте, он ни разу не воспользовался этим своим правом.

Приведу еще пример. Дежурный генерал Ставки генерал Кондзеровский и его правая рука полковник Балашов были большие законники и особенно строго соблюдали правила чинопроизводства. Балашов, находя мою деятельность очень полезной, и считая необходимым меня поощрить, предложил зачислить меня в свиту его величества.

Когда я об этом узнал, то просил освободить меня от этого почета: какой я свитский генерал, я человек простой, полевой деятель, и при дворе мне делать нечего.

— Благодарю вас, Иван Степанович, за ваше внимание, но не приводите в исполнение своего проекта, сказал я Балашову.

Я думаю, что этих двух примеров достаточно, чтобы понять, что за карьерой я не гнался, а главное ни под кого не подкапывался и никаких интриг не вел для своего выдвижения.

Поэтому я оглядываюсь на свое прошлое со спокойной совестью и смело смотрю в глаза своим современникам.

СЛУЖБА В АЗЕРБАИДЖАНЕ

15-го ноября 1917 года я выехал на Кавказ и доехал до Тифлиса без каких-либо инцидентов.

На Кавказе меня ожидала новость. Предатели Азербайджана, Армении и Грузии решили отделиться от Советской России, назвав себя Закавказской республикой, создали свое правительство и созвали Закавказский сейм.

Другой неожиданностью явилось то, что здесь приступили к формированию национальных корпусов. Русский корпус формировал генерал Драценко, армянский корпус — генерал Назарбеков, грузинский корпус — генерал Ахметели; предложено было еще сформировать греческую дивизию, но она так и не увидела света. Затем было решено сформировать азербайджанский корпус. Мне предложили командовать этим корпусом. Я отказался, заявив, что болен и приехал лечиться. Однако, воспользовавшись моим отсутствием, все-таки отдали приказ, которым на меня возложили формирование азербайджанского корпуса и временное командование им, впредь до назначения другого лица. В это время я ездил в Елизаветполь, в котором, кстати сказать, я раньше не бывал.

Вернувшись в Тифлис, я застал приказ, обязывающий меня временно командовать корпусом. Сброд, собранный Тифлисским национальным мусульманским советом, был назван солдатами будущего корпуса. Тут были праздношатающиеся по тифлисским улицам, бездомные люди, большей частью сомнительной нравственности и поведения. Еще до моего приезда тот же Тифлисский Совет поручил им охранять кое-какое имущество, захваченное Советом для будущего корпуса. Эти, так называемые, солдаты тотчас разграбили имущество. От них

я отказался. Так как у меня было желание чем-нибудь помочь нашему народу, обезопасить его от внешних давлений и от раздирающих внутренних беспорядков, я решил заняться формированием корпуса и приступил в Тифлисе к созданию своего штаба.

Дело было очень трудное, даже невозможное, так как в своем распоряжении мы не имели достаточного числа офицеров, говорящих на азербайджанском языке, а будущий контингент солдат совершенно не понимал русского языка. У нас не было ни одного унтер-офицера, ни одного солдата старой службы, с которого могли бы брать пример новые контингенты. Не было никаких призывных списков. Метрических свидетельств у азербайджанцев, проживающих в сельских местностях, большею частью не имелось, так как в этом старое правительство не было заинтересовано. Приставов и уездных начальников, которые могли бы помочь набору хотя бы добровольцев, никто не слушал. Все требовали войск, помощи, но никто не давал в войска своих сыновей и братьев.

„Добровольцы" занимались больше грабежом, нежели несением службы.

31-го декабря я отправился в Гянджу с зачатками своего штаба, чтобы там приступить к формированию частей. Молодые люди, приходившие для поступления в корпус, получив винтовку, патроны и постельные принадлежности, ночью забирали все это имущество и уходили домой, и некому было словить их и возвратить на место службы.

В нашем распоряжении было недостаточно оружия, огнестрельных припасов, продовольственных запасов, обмундирования и обуви. Все такое имущество, оставленное бывшей русской армией, во множестве было сосредоточено в Грузии и Армении, в пределах которых были также многочисленные казармы, где в мирное время стояли крупные войсковые части.

Кое-как удалось сформировать лишь одну роту, которую по приказанию правительства отправили в Аджикабул.

Как и следовало ожидать, владычество мусаватистов привело к иностранной интервенции.

В конце мая 1918 года в Азербайджан прибыл брат

Энвера Паши—Нури Паша с приглашением делегатов, ездивших в Батум, к турецкому главнокомандующему. Вслед за тем прибыли в Азербайджан турецкие полки дивизии Мурсал Паши. В это же время стало известно, что в Баку меньшевики, эсеры и дашнаки составили блок против Советской власти и свергли ее.

Со вступлением в пределы Азербайджана турецких частей, Закавказское правительство распалось на три отдельные национальные республики. Мои формирования остались в зачаточном состоянии.

Дальнейшие события подтвердили полную несамостоятельность мусаватского правительства, выполнявшего волю иностранных интервентов. Хотя для видимости было создано военное министерство и во главе его поставлен генерал С. Мехмандаров, а в дальнейшем утвердили меня в качестве его помощника,—по существу положение не менялось.

Так шло до начала 1920 года. В середине января этого года Красная Армия одержала ряд блестящих побед на Северном Кавказе. Числа 15-го—18-го января министр иностранных дел Хан Хойский получил телеграмму от Чичерина с предложением поддержать Советскую Россию против белогвардейцев, одинаково враждебных и Советской России, и окраинным образованиям.

Мусаватское правительство всячески оттягивало время и срывало переговоры с Советской Россией.

В последних числах апреля части 11-й Красной Армии пришли на помощь восставшим бакинскому пролетариату и азербайджанскому крестьянству.

Мусаватское правительство было свергнуто и 28 апреля 1920 года в Азербайджане была установлена Советская власть.

Товарищ министра внутренних дел Шафи Рустамбеков накануне этой исторической даты обратился ко мне с вопросом:

— Что, г. генерал, бежите?

— А зачем мне бежать со своей родины?

— Вас убьют,—сказал он.

Я спокойно ответил:

— Если придут разумные люди, меня не убьют, так как я им еще пригожусь, а от неразумных нигде не спа-

сешься. Я не намерен покидать свое отечество тогда, когда оно нуждается в людях.

Большинство мусаватских министров бежало из Баку.

29-го апреля ко мне пришел вновь назначенный народный комиссар по военным и морским делам Азербайджанской Советской Социалистической республики и предложил принять должность его заместителя. Я согласился. Тогда он, улыбаясь, указал на мои погоны и сказал:

— А это надо будет снять.

Я ответил:

— Если я берусь работать с вами, то у меня прежде всего происходит перемена внутри, и это гораздо важнее, чем внешний знак. Я его, конечно, легко сниму.

Впоследствии я был не заместителем народного комиссара, а военным руководителем.

Новая власть не производила никаких репрессий. Прошел целый месяц полного покоя. Однако, в ночь на 25-ое мая в Гандже произошел контрреволюционный мусаватский мятеж. Эта авантюра кончилась полным крахом. Подошедшие красноармейские части наголову разбили контрреволюционеров, которые бежали, оставив в городе часть своих сторонников, понесших заслуженную кару. Одновременно с этим вспыхнул мятеж в Карабахском районе. Контрреволюция там была подавлена так же, как и в Гандже.

Вскоре после этого всех офицеров, находившихся в Баку, в том числе С. Мехманд,арова и меня, решили отправить в Москву.

Тогдашним председателем Революционного Комитета мне было дано письмо на имя Ленина. В письме говорилось о нашем прибытии двух известных генералов, которые могут оказаться полезными. Нам разрешено было взять с собою и семьи. Я собрался один, а С. Мехмандаров с женой и сыном. Когда мы пришли на сборный пункт, нам об'явили, что семьи могут ехать, но только не с нами вместе, а отдельно. С. Мехмандаров свою семью вернул назад.

Нам оборудовали большой вагон и назначили охрану из красноармейцев. По прибытии в Москву мы были посланы в распоряжение штаба Московского военного округа.

Штаб округа отправил нас во Всероссийский главный штаб. Там меня встретили очень радушно, так как во главе штаба стоял мой бывший подчиненный, который сейчас же по телефону передал начальнику полевого штаба Реввоенсовета покойному Павлу Павловичу Лебедеву о том, что у него в кабинете сейчас сидит Али Ага. Тот на это ответил:

— Поцелуйте его за меня и скажите, пусть он скорее придет ко мне, чтобы я мог это сделать лично.

В тот же день я отправился к нему и С. Мехмандаров, и я были назначены в его распоряжение. Он немедленно передал меня для работы в Управление инспектора артиллерии Красной Армии.

Вскоре после этого я и С. Мехмандаров были назначены в состав Артиллерийской уставной комиссии (ПАУК). Все бывшие мои сослуживцы, находившиеся в Москве, встретили меня очень хорошо. Некоторые из новых знакомых тоже одобрительно относились к моему пребыванию и деятельности в Москве.

Кроме того, я был назначен преподавателем Высшей артиллерийской школы, где мне поручили отдел высшего комсостава до инспектора артиллерии армии включительно. В Управлении артиллерии Красной Армии давали мне на рецензию различные книги по проектам уставов и донесения о действиях артиллерии на фронтах. Так я рассмотрел донесение инспектора артиллерии 4-й армии о победах над армией Врангеля в Крыму и донесение начальника артиллерии отряда, подавившего восстание в феврале 1921 года. О действиях 4-й Красной Армии в Крыму, начиная от Перекопа до разгрома врангелевцев на юге, я сделал подробный доклад в штабе бывшей азербайджанской дивизии. К сожалению, потеряв зрение, я не мог пользоваться моими чертежами, и сравнительно недавно уничтожил их, чтобы они не заполняли шкаф ненужной макулатурой.

В ПАУК мои предложения обычно принимались, тем более, что с ними соглашался сам председатель комиссии. Только одно мое предложение не прошло. Я предлагал ввести полковую артиллерию, но старые артиллеристы не хотели с этим согласиться, находя, что полковому командиру трудно будет управлять еще артиллерией и подготовлять ее к войне. Я возражал, что

пехотный полк вырос теперь в большую силу, и если командир полка не станет пользоваться приданной ему артиллерией, он не сможет командовать и современным пехотным полком.

— Вы, товарищи, судите по тем командирам, которые сейчас у нас налицо, а я говорю о тех командирах, которые будут через 2—3 года, т. е. вполне подготовленных к управлению своим полком и приданной ему артиллерией.

Тем не менее, этот вопрос тогда, в 1921 году, остался открытым.

Инспектор классов Артиллерийской академии профессор Граве, прибывший в Москву, просил инспектора артиллерии Рабоче-Крестьянской Красной Армии рекомендовать ему такого человека, который мог бы прочитать в Академии несколько лекций о лошади, чтобы, не ударяясь в анатомию и физиологию лошади, ознакомить нашу молодежь с лошадью как верховой, так и упряжной, так как большинство наших слушателей, имея техническую подготовку и показав себя отличными командирами во время гражданской войны, совершенно не знают лошади, которая до сих пор не потеряла своего военного значения, несмотря на развитие военной техники. Был рекомендован я.

В феврале 1921 года я выехал в Петроград и прочитал в Артиллерийской академии две лекции. Вернувшись в Москву, я обратился к тем же занятиям как и раньше, а именно: к преподаванию в Высшей артиллерийской школе, к работе в ПЛУК и в Управлении инспектора артиллерии Красной Армии. Кроме того, я несколько раз участвовал в заседаниях ученого комитета Главного артиллерийского управления, где рассматривались вопросы о будущих орудиях и снарядах и о запасах огнестрельных припасов, содержащихся в мирное время. Мои требования и предложения в этом учреждении опять-таки были признаны слишком большими и передовыми.

Весною этого года окончился зимний курс школы, и она выехала на полигон под городом Лугой. Я остался в Москве.

Летом от Серго Орджоникидзе была получена телеграмма о том, что по ходатайству правительства Азер-

байджанской Советской Социалистической республики надлежит командировать С.Мехмандарова и А.Шихлинского в распоряжение Наркомвоенмора АзССР. 18-го июля мы оба выехали в Баку, куда прибыли 28-го июля. Здесь нас зачислили в штаб азербайджанских советских войск. Кроме того, мы начали преподавать артиллерию в Азербайджанской школе комсостава, С. Мехмандаров — на русском языке, а я на азербайджанском. Начальник гарнизона отдал приказ об организации военно-научного общества бакинского гарнизона под его председательством. Я был назначен заместителем председателя. Сам начальник гарнизона не председательствовал, обычно вел заседания в этом обществе я; С. Мехмандаров же был назначея членом этого общества.

В этом обществе я выступал со следующими докладами:

1. „Артиллерия в будущих войнах". Этот доклад занял три вечера, по два часа каждый. Обстоятельно были изложены все вопросы, касающиеся орудий, снарядов, тягловой силы, причем большое место было отведено механической тяге.

2. „О полковой артиллерии". Этот вопрос также был обстоятельно разработан с требованием немедленного введения в нашу армию полковой артиллерии. Против этого возражали не только артиллеристы, но и некоторые войсковые начальники, находя, что артиллерия может перегрузить пехоту.

3. „О взаимодействии артиллерии с пехотой и конницей."

4. „О действиях артиллерии в гористой местности."

Кроме перечисленных мною, был прочитан еще ряд других докладов. Все эти доклады, на которых присутствовал начальник гарнизона, получили общее одобрение.

Я был также привлечен к участию в военных играх, выполняя обязанности главного посредника. Начальник гарнизона требовал от меня разбора военной игры, причем замечания мне было предложено делать письменно, чтобы они затем могли служить как руководство при будущих играх. В одном случае решалась задача о совместных действиях армии и флота. Подобная игра должна была быть разыграна в Тифлисе в армейском мас-

штабе. Начальник азербайджанской дивизии взял мой разбор сухопутно-морской игры с собою в Тифлис и потом говорил, что этот разбор оказал ему большую помощь там при общей игре.

Зимою 1922—1923 г.г. начальник гарнизона приказал вести два раза в неделю занятия с командным составом, начиная с батальонных и батарейных командиров и выше. Эти занятия, производившиеся под общим моим руководством, тоже привели к успешным результатам, одобренным начальником гарнизона. После этих занятий начальники дивизий и командиры полков, а также начальник штаба бакинского гарнизона были вызваны в Тифлис на общеармейскую военную игру. Вернувшись оттуда, командир Первого Азербайджанского полка, ярый противник наших занятий, сообщил, что в Тифлисе он убедился в пользе наших занятий, так как бакинцы там отличились.

В военно-научном обществе задавали для домашнего решения тактические задачи, которые затем разбирали на пленуме общества. Докладчиком по этим вопросам выступал я.

Наше общество действовало и во время лагерного сбора; на полевых тактических занятиях я обыкновенно назначался главным посредником, и тут разборы мною представлялись в письменном виде.

В 1924 году я сделал доклад для артиллеристов Стрелковой дивизии „Об особенностях стрельбы артиллерии в гористой местности". Правила стрельбы артиллерии обычно писали применительно к равнинным полигонам. Поэтому применение их в гористой местности приводило к недоразумениям, например, при значительном превышении наблюдательного пункта над огневой позицией воздушные разрывы шрапнелей давали ложное впечатление, и вести стрельбу, определяя среднюю точку по таким разрывам, было невозможно. Об этом вскользь было сказано в правилах стрельбы, но не давалось никаких указаний, во-первых, в каких пределах могут быть ошибки при определении средней высоты и, во-вторых, каким способом вести стрельбу, чтобы избегнуть этих ошибок. Еще более важным я считал то, что в гористой местности часто бывали ошибки в определении дальности разрывов, а именно: нормальные и даже высокие раз-

рывы перед целью казались тогда низкими разрывами за целью, что окончательно расстраивало пристрелку. Вот об этом важном вопросе в старых правилах стрельбы не давалось никаких указаний. В сильно гористой местности совершенно однообразные действия дистанционной трубки давали иногда такие разнообразные впечатления, что приходилось длительно повторять выстрелы для того, чтобы можно было вынести правильное заключение. Это происходило от того, что перелетные разрывы, происходящие под линией цели, должны были считаться при корректуре трубки клевками, между тем как наблюдателю они казались иногда высокими разрывами.

Все эти вопросы были подробно разобраны мною и был дан простейший способ пристрелки в подобных случаях, а именно: пристреливаться шрапнелью на удар или гранатой, определив возвышение орудия, а потом оттягивать дистанционную трубку до получения соответствующего данной дистанции процента клевков.

В этом же докладе был показан способ определения шага трубки при обстреливании длинного ската, обращенного к нам. Все данные по этому вопросу были вычислены и проверены чертежом. Была дана формула для определения шага и таблицы шага трубки с двумя входными числами. В горизонтальном ряду входных чисел показана была крутизна ската, а в вертикальном—углы падения снарядов.

Эти вопросы никогда в нашей литературе не трактовались, и насколько мне известно, также и в иностранной артиллерии они не были предусмотрены.

В 1927 году этот мой доклад был повторен для артиллеристов азербайджанской дивизии. На этом докладе случайно присутствовал исполняющий должность начальника артиллерии Краснознаменной Кавказской Армии. По окончании моего доклада он обеими руками взял меня за руку и сказал:

— Не выпущу, пока не дадите слова приехать в Тифлис и этот доклад повторить для всей артиллерии армии.

Я, конечно, дал обещание. Летом был назначен начальником артиллерии день, когда я сделал доклад на Вазианском полигоне. Мои тезисы и все мои чертежи в масштабе были взяты, переписаны и перечерчены всеми

артиллерийскими полками армии, легкими и тяжелыми, а также полковыми батареями.

Через один или два года после этого на Вазианском полигоне на стрельбах присутствовал инспектор артиллерии РККА, покойный генерал-полковник артиллерии профессор Грендаль, которому был показан мой способ стрельбы. На вопрос, откуда он взят, ему сказали:

— Это нам докладывал Шихлинский.

Грендаль посоветовал прислушиваться к моим указаниям.

В правилах артиллерийской стрельбы издания 1932 года подробно изложена подготовка уточненной стрельбы различными вычислениями, там говорится и о превышении уровня наблюдательного пункта над уровнем огневой позиции и введено выражение „вертикальное смещение", но дальше никаких пояснений по этому вопросу нет.

Введение этого термина без указания как пользоваться смещением для оценки высот разрывов, ничего не говорит и, кроме того, может повести к осложнению стрельбы. Поэтому я полагаю, что все-таки мой упрощенный способ пристрелки останется в силе. Правил стрельбы более позднего издания я не видел. В тех же правилах издания 1932 года ничего нет и о том, что при стрельбе в горах бывают частые ошибки в наблюдениях по дальности, а именно: нормальные и даже высокие разрывы перед целью могут казаться низкими разрывами за целью. Нет также указаний по обстреливанию длинного ската, обращенного к нам, и о вычислениях для этого шага трубки. Для шага трубки мною была дана такая формула $\frac{a}{a+b} \cdot 8$, где a это угол наклонного ската, b угол падения на длинную дистанцию и 8 — ширина вилки. Вместо углов можно брать их тангенсы. Углы можно выражать в градусах и в делениях угломера (0,001 дистанции). От этого практические результаты не изменяются.

В 1925 году в Закавказских республиках были созданы военно-переводные коллегии. Редактором азербайджанской коллегии был назначен я. Переводу подлежали уставы, инструкции, наставления и некоторые военно-учебные книги. Наши переводчики к этому были совер

шенно не подготовлены. Среди них были люди, знающие военное дело, но не владеющие в достаточной мере своим родным языком. Были также люди, знающие оба языка, но не знакомые с военным делом; были и такие, которые ни военного дела не знали, ни в языках не были тверды. Каждый из таких переводчиков путал по-своему: так, например, некий Ахунд-заде, считавшийся квалифицированным переводчиком, русское слово „кобыла", переводил как „кобыла"; слово „атлетика" переводил как „авиация", а „прикладные упражнения" от слова „ружейный приклад" и т. п.

Редактировать такие переводы для меня было чистой мукой, приходилось все переделывать.

Видя, что мои переводчики портят все уставы и наставления, я составил и издал краткий русско-азербайджанский военный словарь и включил туда большинство военных терминов. Этот словарик явился пособием при переводе официальных изданий и других военных книг на азербайджанский язык.

Осенью 1924 года по ходатайству начальника Азербайджанской школы комсостава меня назначили его помощником. В следующем году школа выехала в лагерь под городом Сурамом, где были собраны все закавказские военные школы. Летом 1924 года мы прочитали в приказе по армии, что состоялись состязания на тактических учениях по стрельбам между взводами русской, грузинской и армянской школ комсостава. Азербайджанская школа в этом не участвовала из-за неподготовленности. Это меня очень задело. Было обидно, что наша молодежь, любящая оружие, не была настолько подготовлена, чтобы выйти на состязание.

Выехав в лагерь в 1925 году, я получил от начальника школы такое указание: он, как любитель ружейной стрельбы, берется руководить стрельбой пехоты, а я займусь стрельбой артиллерии. Но я, помня, что и в прошлом году во главе школы стоял он, любитель ружейной стрельбы, но школа не была подготовлена, сам выехал на первую же стрельбу из винтовки, причем оказалось, что руководство начальника школы заключается в том, что он ложится на правом фланге по линии огня, молча стреляет и, конечно, все пули кладет в мишень. Курсанты тоже выпускают подряд по пять выстрелов.

причем одни попадают всеми патронами, другие не всеми, а третьи не дают ни одного попадания. Они уходят, на их места ложатся другие курсанты. Ни начальник школы, ни командир батальона и никто из командиров рот никаких указаний стреляющим курсантам не дает, а только об'являет: „ты попал тремя пулями", „ты ни одной не попал" и т. д.

На первом же заседании ученого комитета я доложил, что так обучать нельзя. Необходимо каждому курсанту дать только один выстрел и, об'являя результаты этого выстрела, об'яснить ему, отчего мог произойти такой промах, заставить его сделать второй выстрел с исправлением допущенной им ошибки и т. д. Начальник школы приказал „внести в протокол предложения своего помощника и точно ими руководствоваться". С этого времени мы начали наших курсантов натаскивать в стрельбе. В конце лагерного сбора наш взвод вышел на состязательную стрельбу и занял первое место. Мое самолюбие азербайджанца было удовлетворено.

Моя встреча с товарищем М. В. Фрунзе

В 1923 году войска бакинского гарнизона впервые вышли на лагерный сбор в Аджикенд. В конце лагерного сбора мы получили сведения, что приехал в Баку и собирается к нам в Гянджу и Еленендорф командующий вооруженными силами Украины и Крыма т. М. В. Фрунзе.

Мне также сообщили, что товарищ Фрунзе настаивает на том, чтобы меня отпустили в Москву, говоря, что „для Шихлинского у вас слишком тесный круг". Но на это здесь ему ответили: „Сам Шихлинский и его жена болеют, тут у них родные, а там им, больным старым людям, будет трудно."

Наконец, настал день, когда М. В. Фрунзе должен был приехать в Еленендорф. Начальник лагерного сбора пригласил меня к себе и мы, сидя у него на веранде, ожидали приезда М. В. Фрунзе. Когда автомобиль остановился, то Фрунзе, подняв руку, сделал мне знак и улыбнулся. Я, узнав в нем старого знакомого и благоприятеля, почти спрыгнул с веранды и подбежал к нему. На его вопрос: „Узнаете ли меня?", я ответил:

— Конечно, узнаю. Только я никогда не подозревал,

что Михаил Васильевич Михайлов то же самое, что товарищ Фрунзе.

Он тогда, пожав мне руку, со смехом говорит:

— Михайлов—это была моя беглецкая фамилия. Во время войны я бежал из ссылки и прибыл на театр военных действий для подпольной работы.

— Михаил Васильевич,—сказал я,—когда вы меня требовали в Крым и когда тут третьего дня мне сказали, что вы меня требуете в Москву, то я подумал, что мой бывший ученик Михаил Михайлович Раткевич, ваш инспектор артиллерии фронта, оказывает мне эту услугу, но, оказывается, и вы меня до сих пор помните.

Он на это ответил, что достаточно хорошо меня знает, чтобы не нуждаться в рекомендации Раткевича, хотя тот действительно усиленно меня рекомендовал.

На приглашение тов. Фрунзе я ответил отказом, по причине плохого состояния здоровья.

Он уверял меня, что трудной и ответственной работы мне не дадут, что я буду спокойно жить, но иногда ко мне обратятся за советом. Я на это сказал, что подумаю и, может быть, потом до чего-нибудь додумаюсь, а пока боюсь ехать.

В 1925 году товарищ Фрунзе вторично был в Азербайджане. Он прибыл уже как Народный Комиссар по военным и морским делам. Войска гарнизона были ему предпредставлены около Сальянских казарм. Я стоял во главе школы комсостава. Фрунзе вызвал меня к себе и сказал, чтобы я поручил школу кому-нибудь другому, а сам был бы при нем в качестве начальника артиллерии. После небольшого учения артиллеристов он стал задавать им различные вопросы, которые я переводил, люди хорошо отвечали. Когда занятия с солдатами окончились, он, оказавшись со мною вдвоем, спросил меня:

— Как вы находите, стоит вводить батальонную артиллерию или нет?

Я сказал, что стоит.

— А не перегрузим ли мы этим пехоту?—спросил он.

Я ответил, что не перегрузим потому, что артиллерия в войсках то же самое, что золото в кармане; чем его больше, тем бодрее дух владельца этого золота и сам он тем легче на ходу. Иначе говоря, чем больше

артиллерии будет в армии, тем она бодрее и смелее будет наступать вперед.

— Только, Михаил Васильевич, термин „батальонная артиллерия" не годится потому, что там будут минометы и маленькие возимые вручную пушченки, которые не являются настоящей артиллерией, а только ее суррогатом. Минометы и мелкокалиберные пушки, придаваемые батальонам, надо назвать не артиллерией, а огневыми средствами батальона.

Он это одобрил, сказав:

— Да, на эту тему мы еще поговорим.

Впоследствии батальонная артиллерия была введена. Это была моя последняя встреча с М. В. Фрунзе. К сожалению, он очень скоро покинул наш мир, а я так и остался в Азербайджане.

С годами у меня понижался слух, в 1927 году я впервые заметил и ослабление зрения. В 1929 году я убедился в том, что в коллективной работе я совершенно не могу участвовать; прислушивание к выступлениям требует от меня такого напряжения, что я очень скоро утомляюсь. Тогда я просил меня освободить от работы и был уволен со службы с персональной пенсией.

***

Свои воспоминания я диктовал в тяжелую для моей Родины годину, в дни Великой Отечественной войны. Я испытываю чувство гордости от сознания, что в этой войне азербайджанский народ, бок-о-бок со всеми братскими народами, героически отстаивает свое Отечество и наносит сокрушительные удары по немецким ордам, не впервые пытающимся поработить нашу страну. Я полон уверенности, что под водительством Великого И. В. Сталина победа будет за нами. Я буду счастлив если в моих воспоминаниях молодое советское офицерство почерпнет хотя бы некоторые сведения, которые помогут ему в титанической борьбе с врагом. В этом я вижу оправдание своего труда.

30 апреля 1943 г.
г. Баку

21597м

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Глава первая. Семья и школа 19
Глава вторая. Первые тринадцать лет офицерской службы . . 27
Глава третья. Служба на Дальнем Востоке и Китайский поход 36
Глава четвертая. Участие в русско-японской войне 53
Глава пятая. От японской войны до первой мировой войны . 95
Глава шестая. Участие в мировой войне 119
Глава седьмая. Служба в Азербайджане 186

Подписано к печати 9/IV 1944 г. ФГ07434. Печ. лист. 12½+4 вкл. Тип. зн. в 1 печ. листе 36464. Уч.-авт. 11⅝. Заказ 370. Тираж 7500.
Типография „Красный Восток" Азполиграфтреста НКМП.
Баку, ул. Пионера, 80.

Цена в папке—17 руб., в переплете 20 руб.

17 руб.

633(5Ав)5
Ш-65
(09)
Ш 654